

ДЖЕК КИЛБОРН

Перевод Эмили Браун

ВЕБ

"ОН НАБЛЮДАЕТ ЗА ТОБОЙ. ПРЯМО СЕЙЧАС."

КАМЕРА

BAR "EXTREME HORROR" 18+

Кто-то охотится на вебкам-моделей. Он прячется в недостижимых закоулках "даркнета". Он смотрит на тебя. Прямо сейчас. Когда он не может больше смотреть, он звонит. Он - последнее, что ты увидишь, прежде чем кровь зальет тебе глаза. Чикагскому детективу из "убойного" Тому Манковски маньяки-убийцы не в новинку. Но этот стал самым худшим из тех, кого он когда-либо преследовал, с историей, которая заставит даже самого матерого читателя ужасов включить все свои светильники и отключить все Интернет, Wi-Fi, компьютеры и электронные устройства...

Джек Килборн

Веб Камера

ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

— Для чего тебе нужна паяльная лампа, папочка?

Кендал шла рядом со своим отцом, держась одной рукой за продуктовую тележку. Ей следовало идти так всю дорогу до отдела хозяйственных товаров, чтобы не злить папочку.

Он не был хорошим, когда злился.

— Пригодится в подвале.

— Понятно.

Кендал не разрешалось спускаться в подвал. На двери было три замка, а в подвале обитало привидение.

По крайней мере, Кендал думала, что это было привидение.

Иногда, когда она проходила мимо двери, ей будто бы слышались какие-то звуки.

Иной раз она была уверена, что что-то слышит.

Звяканье цепей.

Стоны.

Хныканье.

— Что там, в подвале, папочка?

Ее отец остановил тележку, опустил глаза на дочь. Кендал не могла понять, разозлил его вопрос или нет. Когда папочка был зол, его лицо всегда оставалось спокойным.

— Вход в подвал запрещен.

— Я знаю.

— Ты никогда не зайдешь туда.

— Я знаю.

— Никогда.

— Я не полезу туда, папочка. Просто иногда... я слышу звуки.

Глаз папочки дернулся. Затем он присел на корточки, так, чтобы быть на уровне с Кендал.

— Ты умеешь хранить секреты, Кендал?

Она кивнула. Кендал хранила много секретов.

Папочка оглянулся, словно хотел убедиться, что они одни. В проходе никого не было. Он наклонился ближе и прошептал. — В подвале обитает монстр.

Кендал почувствовала, как ее крошечный животик напрягся, словно в него ударили кулаком.

— Я думала... я думала, что монстров не существует.

— Большинства нет. Но она существует.

— Этот монстр девушка?

Папочка кивнул. — Ее зовут Эринии, — он произнес это как *эрин-ишши*. — Она очень плохой монстр, поэтому я должен держать ее взаперти.

— Она такая же плохая, как и мамочка?

Ее отец ушел от ее матери несколько лет назад. Кендал почти не помнила ее, но папочка рассказывал, какой она была. Она была такой жестокой, что папочке пришлось сменить фамилию, чтобы скрыться от нее.

— Она очень плохая, Кендал. Она хуже всех монстров. У Эринии красные глаза,

огромные, черные крылья, как у летучей мыши, и острые зубы, как у кошки. Она носит корону из кусачих пауков. И делает ужасные, ужасные вещи.

Кендал захотелось в туалет. — Что такого делает Эринии?

— Она наказывает грешников.

— Грешников?

— Маленьких непослушных девочек.

— Как?

Папочка встал и подхватил висящий на стене инструмент. Он был похож на плоскогубцы, но немного отличался по форме.

— Она разогревает щипцы, подобные этим, в огне. Пока они не становятся огненно-красными. Затем она освеживает людей живьем.

— Что значит *освежать*? — спросила девочка.

— Полосками сдирать кожу.

— Фу.

Ее отец положил щипцы в тележку, поверх цепей, навесных замков и пропановой горелки.

— Это ужасное зрелище, — сказал папочка. — Но монстр заставляет тебя смотреть.

— Как?

— Она отрезает твои веки так, что ты не можешь зажмуриться.

Кендал закрыла глаза, радуясь, что может, она старалась не думать о том, как было бы ужасно без век. Но чем сильнее она гнала эти мысли, тем настырнее они становились.

— Мне страшно, папочка.

Он похлопал ее по голове. — Эринии очень страшная. Именно поэтому я запираю ее.

Папочка двинулся вперед, а Кендал пришлось открыть глаза и идти рядом с тележкой. — Как ее зовут? Монстра?

— Эринии. Ей тысячи лет, родилась из крови титана Урана, кастрированного своим сыном.

— Что значит *кастрировать*?

— Кастрация – это когда отрезают гениталии у мужчин.

— Что за гени...

Ее отец неожиданно развернулся и сильно схватил Кендал за плечи, грубо ее встряхнув. — НИКОГДА не говори о гениталиях. Ты поняла?

Она подавила свои слезы и кивнула, так быстро и сильно, как могла. Кендал узнала этот взгляд отца. Он смотрел так, будто был сильно расстроен, и больше не вел себя, как папочка.

— Гениталии – причина разврата, самого большого греха из всех. И если ты грешна, то Эринии придет за тобой. Разве ты хочешь, чтобы монстр пришел за тобой?

Кендал изо всех сил замотала головой.

— Хоть я и держу ее взаперти, Эринии все время следит за тобой. Все время. Она уделяет особое внимание девочкам по имени Кендал. Если услышишь странные звуки ночью, знай: это она. Шаги на лестнице? Она идет за тобой. Стук в окно? Она наблюдает за тобой. Шорох за дверью? Она там, пытается проникнуть. И если ты грешна, она накажет тебя.

— Я не буду говорить это слово, папочка.

Его взгляд смягчился. — Вот это моя девочка.

Он отпустил ее, и Кендал изо всех сил старалась не заплакать, следуя за отцом в

сторону кассы. Разок она все-таки шмыгнула носом и быстро вытерлась рукавом, стараясь сделать это незаметно.

Чтобы Эринии не увидела.

Когда они вернулись домой, Кендал тут же отправили в ее комнату, и ей было сказано надеть наушники. Папочка включил на айпаде саундтрек из «Классного мюзикла» и велел ей надеть наушники. Она должна была прослушать весь альбом.

Кендал подчинилась отцу. И она даже не шевелилась, хоть и была сильно напугана.

В тишине между песнями Кендал слышала какой-то шум.

Исходящий из подвала.

Кендал знала, что это за звук.

Это была Эринии, она кричала.

НАШИ ДНИ

Мужики - козлы.

Кендал Хеффертон сидела на полу, одетая в распутное нижнее белье, покрашенная до не хочу, и одетая в высоченные шпильки, в которых было невозможно ходить. Она смотрела на живую картинку своего декольте через веб-камеру ноутбука и думала о других способах заработка.

Эта ночь была долгой. Она заработала чуть больше восемнадцати долларов, уже приближалось три часа утра, а она этим занималась с девяти. Она могла бы обслуживать больше ожидающих столов. Прямо сейчас в ее чате был лишь один парень. Постоялец, который пришел под именем BigBoy6969. Он был неплох для лишних баксов, затем она, скорее всего, пойдет спать.

Покажи мне свою попку SEXXYGRRL - написал он в окне чата.

Кендал, которую знали в чате, как SexxyGrrl, опустила на четвереньки и повернулась, крутя своими булочками перед камерой для клиента, платившего ей за минуту два доллара. Затем он захотел, чтобы она сняла свои трусики, затем лифчик и чтобы она потрогала себя. После этого он просто ушел, не попрощавшись или поблагодарив.

По крайней мере, ей не приходилось смотреть на ее клиентов, поскольку камера была направлена на нее, и им не было необходимости показывать себя. Было бы отвратительно наблюдать за их дрочкой. Это было единственное, что радовало.

На самом деле, была еще одна приятная вещь. Тот отморозок, который преследовал ее, сегодня не появлялся. Возможно, секс-сервис наконец-то прислушался к жалобам Кендал и ограничил доступ его IP-адреса. Это его киберпреследование затянулось на три дня, к тому же он всегда регистрировался под новым прозвищем. Секс чаты часто были пошлыми и с грязными словечками, что было ожидаемо, но этот парень был полным психом. На всякий случай, если бы что-то произошло, он сохранила снимки экрана его последнего визита, когда он был зарегистрирован как *Tilphousia*. Вспоминая ту переписку, ее охватила дрожь.

TILPHOUSIA: ну разве не милашка?

SEXXYGRRL: спс! ☺ Чем хочешь заняться сегодня ночью? Я тааак возбуждена!

TILPHOUSIA: тебе нравится позировать на камеру?

SEXXYGRRL: мне это нравится! Я встречала много таких сексуальных парней как ты.

TILPHOUSIA: какая шалунья.

SEXXYGRRL: я та еще шалунья. Тебе нравится мое тело?

TILPHOUSIA: тебя нужно наказать.

SEXXYGRRL: мне нравится, когда меня шлепают! :)

TILPHOUSIA: я хочу тебя трахнуть.

SEXXYGRRL: это тааак горячо! Ты меня заводишь! Расскажи, как ты любишь.

TILPHOUSIA: я хочу жестко тебя трахнуть.

SEXXYGRRL: я хочу грубо!

TILPHOUSIA: я хочу жестко тебя трахнуть с мясницким ножом.

Кендал пришлось прочитать это дважды, но она все равно не смогла понять.

TILPHOUSIA: мой нож выебет тебя во всех местах.

Этот парень не на шутку ее встревожил.

TILPHOUSA: я отрежу твои веки и тебе придется смотреть, как я это делаю.

Ты грешная шлюха и ты должна быть наказана.

Я выпотрошу твои внутренности и

Лекси не так быстро смогла выгнать этого психа из чата.

Какого черта не так с некоторыми людьми? Кого может завести такое больное дерьмо, как это?

Хорошо, что в сервисе, на который она работала, можно было выгонять отморозков.

К счастью, BigBoyb969 был постоянным клиентом.

Что ты хочешь увидеть, тигруля? Напечатала Кендал, надевая фальшивую улыбку, это было необходимо для работы.

Ты такаая горячая, детка!!! Сними свои трусики.

Кендал стянула свои трусики, делая это очень медленно. Дразня его, это было простой экономикой. Чем дольше он пробудет онлайн, тем больше она получит денег. А если показать ему слишком много и слишком быстро, то он бы быстро извергнул свою кончу и вышел. Цель состояла в том, чтобы удержать последнего так долго, насколько это возможно.

Боже, я люблю твою попку. Она прекрасна. У меня сейчас такой стояк.

Кендал была впечатлена. Не тому, что у него был стояк – это было ожидаемо, – а тому, как быстро он смог написать это одной рукой.

Мне нравится, когда он твердый, написала она.

Он пульсирует, все из-за тебя, десять дюймов, детка.

На губах Кендал отобразилась подлинная улыбка. Она уже как год был моделью на веб-камеру, и у нее никогда не было клиента, у которого было бы менее чем десять дюймов. У BigBoyb969 было пять дюймов, не больше. По его очень частым грамматическим ошибкам и опечаткам она догадалась, что он занимается этим на работе, возможно, он работник завода. Или же он слишком жирный и уродливый, чтобы обзавестись девушкой, или все еще женат на своей школьной подружке, которая прекратила давать ему десять лет назад.

Прекрати так писать, напечатала Кендал. Мне от этого просто тошно, bigboy. Я одна, вокруг никого, так что трахни меня.

ТЫ ТАК ГОРЯЧА. Сними свой лифчик.

Кендал медленно его сняла, глазком глянув на часы. Три часа. Шесть баксов. Ей все еще нужно было пятьдесят долларов на аренду в этом месяце, которую нужно оплатить через два дня. Она любила свою чикагскую квартиру, и едва ли позволила ее себе без каких-либо соседей по комнате.

Кендал подумала, что ей следует перевести ее интернет проституцию на новый уровень. Другие девушки зарабатывали больше денег, и получали больше постоянных клиентов, выполняя более экстремальные вещи. Кендал же ограничилась тем, что раздевалась и трогала себя. Если бы она использовала игрушки, то могла бы заработать больше. Или если бы она включила звук и говорила с клиентами, а не просто отвечать, печатая на клавиатуре. Или если бы она брала свой ноутбук в ванную комнату. По всей видимости, некоторые чудаки любили наблюдать за тем, как женщины писают, и были готовы дополнительно за это платить.

Но это казалось слишком... ну... личным.

Кендал знала, что думать об этом лицемерно и глупо. Рабочие в этом бизнесе

назывались моделями, но это было скорее стриптизом или проституцией, чем позированием для журнальных фото или хождением по подиуму. Она раздевалась и трогала себя за деньги. Почему бы не пойти дальше и не заработать больше? В чем же проблема?

Возможно, ей следует присоединиться к другому чат-сервису. Вместо оплаты по минутам, другие сайты работали на основе виртуальной валюты. Она бы разделась за пять монет. За десять потрогала бы себя. Конечно, проблема с ожиданием клиентов все еще бы осталась – это было главной проблемой в таком бизнесе – но, по крайней мере, это было бы разнообразием.

Ты же сказала, что одна и у тебя нет парня.

Это так, напечатала Кендал. Это было правдой. После того, как она выбрала эту профессию, Кендал начала все больше и больше испытывать неприязни к парням. Ей было достаточно их в интернете.

BigBoy6969: Так у тебя есть соседи по комнате?

Нет. Было рискованно говорить клиентам слишком много, потому что некоторые из них могли стать немного одержимыми и начать преследовать. Но обычно она говорила правду, когда они задавали безобидные вопросы, в основном, из-за того, что слишком сложно было отличить ложь.

Ты живешь одна, и у тебя нет парня или соседа по комнате.

BigBoy, кажется, помешался на этом. Но если он хотел поговорить о ее жизненной ситуации, вместо того, чтобы подточить, то это были его деньги.

Я здесь совершенно одна, вообще без парней, напечатала она.

Тогда кто стоит позади тебя?

Что?

Кендал развернулась, когда фигура в черной лыжной маске бросилась на нее. Как только она открыла свой рот, чтобы закричать, холодное, зловонное полотенце прижалось к ее лицу. Злоумышленник накинута на нее, и когда Кендал попыталась вдохнуть, все видимое перед ней поплыло.

Еще один вдох, и она поняла, что теряет сознание. Взглядом она разыскала ноутбук, затем BigBoy6969, надеясь, что он звонил модераторам, рассказывая им, что происходит. И это было последнее, о чем она подумала, прежде чем отключилась.

Кендал проснулась связанной на своей кровати, ее руки и ноги были прикреплены ко всем четырем стойкам кровати клейкой лентой, а во рту был кляп. Злоумышленник был голым и стоял рядом с кроватью, смотря на Кендал. Она заметила разделочный нож и закричала.

— Ты знаешь, кто я? — спросил незнакомец.

Кендал покачала головой. Она не могла свести взгляда с ножа.

— Я знаю, кто ты. Ты Кендал. Ты очень особенная.

На этот раз она сильно замотала головой. Кендал вспомнила о веб-камере. Понадеялась, что полиция скоро приедет.

— Я Эринии. Ты шлюха и грешница, Кендал. Поэтому я здесь, чтобы наказать тебя. Как я и обещал.

Кендал закричала во всю глотку, когда увидела маленькие острые маникюрные ножнички, приближающиеся к ее глазам.

— А сейчас давай избавимся от этих век. Будет обидно, если ты что-то упустишь...

3 глава

Веки Тома Манковски открылись на звук вибрации мобильного, который лежал рядом с кроватью на тумбочке. Он прищурился на часы.

4:03 утра.

Кто-то умер в его районе. И, должно быть, это был некто важный и жестоко убитый, иначе они позвонили бы кому-нибудь другому. Том взял неделю отгула, чтобы провести время со своей девушкой, которая крепко спала рядом с ним. Она приехала из Лос-Анджелеса, и Том даже сменил свой звонок на вибрацию, чтобы он не разбудил ее, на всякий случай, если бы кто-то позвонил.

— Твой телефон вибрирует, — сказала Джоан. Ее голос звучал раздражительно.

— Прости.

Он снова завибрировал, грохоча на тумбочке. Если подумать, звонок можно было бы сделать потише.

— Ты собираешься ответить?

— Я в отпуске.

— Тогда почему ты вообще не отключил свой телефон?

Черт. Она подловила его.

— А ты выключила свой? — спросил он.

— Отключила.

— А если позвонит какой-нибудь крутой актер? Или студия?

Джоан была кинопродюсером. Том смирился с тем фактом, что неважно, когда или где они были, она бы ответила на звонок. Как-то раз, когда они были в разгаре занятия сексом, она приняла звонок от Кэтрин Зета-Джонс, даже не прервавшись. Под конец разговора Джоан в основном мычала в знак согласия или стонала в разногласие. Том делал вид, что недоволен этим, но на самом деле это было очень даже горячо.

Тумбочка снова задребезжала.

— Если кто-то позвонит моему ассистенту, то он справится с этим. Господи, Том, возьми уже трубку.

Том поднялся. — Я отвечу в другой комнате, чтобы тебе не мешать.

— Ты мне уже помешал, любимый.

Черт. Джоан лишь однажды назвала его *любимым*, и то когда была мертвецки пьяна. Том знал, что это было ее попыткой скрыть свою злость, но это получилось так резко и саркастично.

Том взял свой айфон и увидел на дисплее своего партнера Роя Льюиса.

Возможно, это было не убийство. Возможно, Тому повезет, и Рой поделится с ним своей какой-нибудь ужасной личной трагедией. Раком, к примеру, или автокатастрофой.

— Ты умираешь от ракового новообразования или заперт в горящей тачке? — спросил Том после принятия звонка.

— Хуже, — сказал Рой. — Снайпер вернулся.

— Вот дерьмо, — Том опасался этого больше месяца. Его первое убийство было самым кровопролитным в Чикаго за десять лет. Оно было продуманным и таким ужасным, и Том был уверен, что это повторится снова. Тот, кто прошел через это, не ограничится одним разом.

— Да. Твое чутье тебя не подвело, брат. У нас появился серийный убийца.

— Ты сможешь с этим справиться? — спросил Том, поглядывая на Джоан. Если бы ее глаза были лазерами, Том бы уже остался без головы. У них не только были планы на день, он также обещал отвезти Джоан в спа в полдень, а сам он тем временем поехал бы в ювелирный магазин за очень особенной покупкой.

— Я знаю, что ты в отпуске, но ты главный детектив в этом деле, Томми. Ты можешь говорить, не разбудив Джоан?

— Джоан уже проснулась, — сказал Джоан. — Привет, Рой.

Очевидно, громкость у Тома была на всю.

— Привет, Джоан, — сказал Рой, когда Том отстранил трубку от уха и включил громкую связь. — Прости, но это большое дело.

— Как Триш? — спросила Джоан.

— Она, эм...рядом со мной прямо сейчас.

— Привет, Джоан, — произнесла Триш.

— Не хочешь позже позавтракать? Может, походим по магазинам? — спросила Джоан. — Без этих копов-засранцев.

— Как на счет девяти? Мы можем сходить в Йолк в районе Саут-Луп, а затем прогуляемся по Магнифисент Майл. Уверена, что твой парень хотел бы купить тебе что-то из обуви. Рой ведь и мне купит, верно, Рой?

— Для тебя что угодно, детка, — у Роя был такой похотливый баритон, что он звучал как Исаак Хейс. Том звучал как Майкл Л. Фокс, когда его мать пыталась поцеловать его в фильме Назад в будущее.

— Увидимся, — сказала Джоан, а затем повернулась спиной к Тому. Она до сих пор была голой, поэтому Том не мог отвести взгляда от прекрасного вида.

— Где место преступления? — спросил Том.

Рой дал ему адрес, тем временем Том потянулся и прошелся пальцем вдоль плеча Джоан, спустившись ниже к ее бедрам.

— Увидимся через двадцать минут, — сказал Том.

Он бросил трубку и прильнул к Джоан, поцеловав ее в шею.

— Ты бросаешь меня и думаешь, что сначала хочешь по быстренькому? — фыркнула Джоан.

— Эй, я тебе обувь покупаю.

— Ты не должен мне все покупать, Том.

— Отлично. Потому что моя карточка не бесконечна, а ты зарабатываешь в десять раз больше чем я.

Она повернулась и посмотрела на него, ее взгляд был ясен во мраке комнаты. — Отношения на расстоянии не просты.

— Я знаю, — это было причиной того, что кредитные карточки Тома были на пределе. Он ездит в Лос-Анджелес шесть раз в год.

— Никто из нас не собирается бросать работу.

— Я знаю, — сказал он, целуя ее подбородок.

— Это должно быть наше время. А ты идешь на работу.

— С тобой было то же самое. В прошлый раз, когда я был в Ла-ла Лэнде, у нас был романтический ужин в *Бести*, а ты пригласила Джонни Дедпа присоединиться к нам.

— Потому что ты подлетел с места и завизжал *О боже, это Джонни Дедп, позови его к*

нам!

— *Эдвард руки-ножницы* мой любимый фильм. Я всегда плачу в конце.

— Ты не относишься к этому серьезно. Нам нужно проводить время вместе, чтобы наши отношения продвигались.

— Согласен, — он поцеловал ее в шею.

— Не начинай ничего, если не можешь закончить, — сказала Джоан.

— Я могу закончить. А ты?

— Я не знаю, — Джоан вздохнула, а затем ее губы соприкоснулись с его. — Думаю, мы узнаем.

После того, как они закончили, Том оделся и поехал на место преступления. Он держал изотермическую кружку, которая рекламировала фильм с Брюсом Уиллисом, продюсером которого являлась Джоан. Район потерпевшего был престижным: бутики, кофе и винные магазины. Квартиры, без сомнения, стоили больше, чем Том платил в месяц за ипотеку в его крошечном одноэтажном таунхаусе в Норвуд Парке. Он припарковался в переулке за патрульной машиной, рядом с мусорным контейнером, который уже был переполнен, и пробрался через полицейскую ленту.

— У тебя было время сделать кофе? — спросил Рой, глядя на него с завистью. Рой выглядел в точности как Ричард Раундтри, только лысый. Том же полная противоположность, он выглядел как Томас Джефферсон. У него был такой же длинноватый, красноватый хвост, который расчесывать каждый день было сплошной мукой.

— Джоан сделала мне кофе после секса, — сказал Том. — А ты что, не получаешь кофе после секса?

— Ни кофе, ни секса. Она взяла мою карточку Виза. Триш не любит, когда по утрам звонят по поводу убийств. Поэтому она мстит, блуждая по магазинам.

— Оу.

— Это не проблема. Я сказал, что кредитка перестала работать.

— Ее это не взбесит?

— По крайней мере, сл взбучкой можно справиться. А вот потратить пять сотен долларов, которые равны 14.9% годовых, на ботинки, я не могу.

Том же платил 22.2% от своей карты, но ничего не сказал. Они подошли к стоящему перед квартирой охраннику в униформе. Он выглядел так, словно его сейчас стошнит. На бейджике значилось имя Уилер.

— Что у нас? — спросил Рой.

— Квартира принадлежит Кендал Хеффертон, ей двадцать лет.

— Ее зовут Кендал? — спросил Том.

Охранник кивнул.

— Она жертва?

— Похоже на то. Трудно, эм... опознать ее личность. Она... эм... — Уилер глубоко вздохнул. — Она в довольно плохом состоянии.

— Ты первый прибыл сюда?

— Я и мой партнер сделали звонок, — он поднял брови. — Ты же детектив Манковски, так ведь?

Том кивнул.

— А ты детектив Льюис?

— Да.

— Я слышал, что произошло в Южной Каролине. Это было необычно сложным дерьмом.

— Соседи? Свидетели? — спросил Том. Он не хотел обсуждать Южную Каролину, и он знал, что Рой тоже.

— Сейчас нужно обойти каждую квартиру. Пока никаких свидетелей. На двери нет никаких отпечатков. Она была открыта, когда мы прибыли сюда.

— У предыдущих жертв замки тоже не были повреждены. Как будто убийце позволили войти.

Или он прошел сквозь стены.

— У здания есть скрытые камеры?

— Нет. Но есть у нескольких магазинов на улице, как и у некоторых телевизионных станций. Еще камеры дорожного движения. У команды есть копии.

— Судмедэксперты уже здесь? — спросил Рой.

— Нет. Только криминалисты.

Том с Роем взяли одноразовые полипропиленовые бахилы и резиновые перчатки из коробок рядом с дверью. Там также были бумажные маски для лица и баночка Вика. Сначала все это было не нужно, пока труп не начал разлагаться, распространяя запах гнили. Том изумился.

— Внутри жертвы были... эм... увидите. Ну и вонь. Ужасно.

Том с Роем взяли маски и приложили ко ртам. Сделав три шага в квартиру, Том осознал, что ему следует нанести под нос немного ментолового геля. Запах фекалий сильно щипал его глаза. Вперемешку с мочой, металлическим запахом крови и едкой желчи. Полицейские снимали видео, их цифровые фотоаппараты АЛС были полностью в химзащите, как и их дыхательные маски.

— Пойду захвачу Вика, — сказал Рой, возвращаясь назад.

Том сделал глубокий, зловонный вдох и задержал его, а затем отважился пройти дальше в эту скотобойню. Он обратил внимание на ноутбук, на полу гостиной комнаты, открытый, но с мертвым экраном. Туфли женщины с невероятно высоким каблуком лежали рядом. Он засунул голову в открытую дверь ванной комнаты; там все нормально, не было лишь висящих занавесок для душа. Затем он медленно пошел вдоль коридора, туда, где, как он предполагал, было совершенно убийство, исходя из технологического процесса. Все еще продолжая задерживать дыхание, и глаза Тома заслезились от висящего в воздухе зловония. Он прошел в спальню, оглянувшись в дверном проеме, и попытался разобраться, что же было на кровати.

Вид был ужасен, как и в первый раз. СМИ прозвали убийцу *Сниппером*, потому что он отрезал веки своей первой жертве. То же самое было и на этом трупе; глазные яблоки полностью открыты, выпуклые и уставившиеся в пространство, полные ужаса и агонии. Но в этом случае, глазные яблоки были лишь частью злодеяния, совершенного над этой бедной девушкой. Ее рот и вагина были изуродованы до неузнаваемости, сама она была частично выпотрошена, а петли кишечника были завязаны вокруг ее голого торса.

Стена позади нее была измазана то ли в крови, то ли в фекалиях, а может и в том и том, и содержала лишь одно единственное слово.

ФУРИЯ

Ни хрена себе.

Том никогда не видел убийства, совершенного с такой яростью, и это было для него

непривычно.

Кто-то коснулся плеча Тома и он развернулся, прокашлявшись. Это был Рой, предлагающий Вика ВапоРаб. Том немного загреб его пальцем, размазав под носом, но после того, как вдохнул зловоние из этого адского морга.

— Держи повязку, — сказал Рой.

Том заткнул ей рот, плюнув на свою перчатку и обтерев ее о свою рубашку, вместо того, чтобы загрязнять место преступления. — Что?

— Ее кишки, — сказал Рой. — Снайпер завязал ее кишки в большой бант. Как рождественский подарок.

Эринии ищет.

Ищет, ищет, ищет, всегда ищет.

Ищет непослушных девочек.

В интернете так много непослушных девочек. Стольких многих нужно наказать.

Интернет – порно-пустошь. Помойка.

Снова необходим Всемирный потоп, чтобы уничтожить всех грешников.

Но Эринии знает, чтобы Богу все равно. Еще одного вмешательства не произойдет.

Содом и Гоморра – в устаревшем Ветхом Завете.

Даже Новому Завету уже две тысячи лет.

Сейчас Эринии пишет Завет.

Кару божью, прямо сейчас.

Одна мертвая шлюха за другой.

Эринии смотрит на порнографию. Так мерзко. Но эта мерзость пришла из прошлого.

От старых грешников.

В интернете так много того, что люди *когда-то* делали.

Эринии волнует то, что люди *делают*.

Эринии поддавливает грешников за их дельцами.

Эринии наблюдает через веб-камеры. Веб-камеры показывают все. *Прямо сейчас*.

Эринии ищет следующую непослушную девочку для наказания.

Такой огромный выбор. Но Эринии выслеживает кое-кого конкретного.

Конкретную девушку.

Особую девушку.

Эринии атакует очень жестоко.

Эринии и ЕСТЬ жестокость.

Эринии ищет зацепки, и входит под именем администратора.

Эринии ищет.

Ищет.

Не подходит.

Именно та, та самая девушка не здесь.

Эринии должна попробовать в другом месте.

Иногда поиски занимают много времени.

Конкретная, особенная девушка хитра. Она скрывается от Эринии. Она не хочет страдать из-за наказания.

Эринии терпелива.

Эринии само *терпение*.

Эринии может ждать сколько угодно, чтобы найти нужную девушку.

Конкретную, особенную девушку.

Звук из подвала.

Стон. Крик.

Эринии выглядывает из-за компьютера. Проверяет время.

Время завтракать.

Эринии идет на кухню, достает пакет из шкафчика. Берет бутылку воды.

Направляется с этим в подвал.

Темно. Лестница скрепит под ногами Эринии, из-за чего из темноты доносится вопль. Вопль и звяканье цепей.

Эринии видит миску на полу. Наполняет собачим кормом. Кладет пластиковую бутылку воды с антибиотиками, и забирает пустую.

— Я наказала еще одну, — говорит Эринии в темноту. — Прошлой ночью.

Темнота не отвечает.

Эринии смотрит на бетонный пол. Засохшую кровь.

Кровь грешника.

Старую кровь.

— Возможно, нам вновь необходимо пустить свежую кровь, — говорит Эринии, вздрагивая от этой мысли.

Из темноты доносится стон.

— Я заказала новый кнут. Прошлый уже совсем истрепался.

Цепи громче прежнего загрохотали. Стоны усилились.

Эринии покидает подвал. Закрывает дверь. Подходит к компьютеру.

Эринии ищет.

Ищет.

Ищет.

Ищет.

Ищет.

Поиск конкретной, особенной девушки длится бесконечно.

Эринии проверяет время.

Обед.

Эринии идет на кухню, достает пакет из шкафчика. Берет бутылку воды. Добавляет в нее антибиотики.

Направляется с этим в подвал.

Темнота заглатывает Эринии.

Собачья тарелка пуста. Эринии наполняет ее кормом. Забирает пустую бутылку. Оставляет новую.

— Наказание, сегодня ночью.

— Прошу... не надо.

— Для твоего же блага. Я спасаю твою душу. Ты должна благодарить меня.

Эринии слушает плач в темноте.

Искушение для грешников болезненно.

Снова поднимается по лестнице.

Обыскивает интернет.

Ищет, ищет, ищет.

Эринии делает перерыв, проверяет местные новости.

В прошлый раз полиция уже нашла одного.

Интересно.

Затем ее словно током пробивает.

Один сайт – совсем не такой, как остальные порно-сайты. Это женское общежитие в кампусе колледжа. Те девушки позволяют наблюдать за собой тем, кто платит.

Эринии не платит.

Эринии заходит как администратор.

Шесть девушек. Один дом.

Эринии ищет.

Здесь.

Конкретная, особенная девушка здесь.

Сейчас Эринии наблюдает.

Затем Эринии начинает разузнавать все о ней, чтобы знать об этой конкретной, особенной девушке.

Эринии знает глубокий интернет.

Эринии знает даркнет.

Эринии знает портовые сканеры и сетевых червей.

Эринии может обойти брандмауэры. Пароли. Шифрование.

Эринии не какой-то неумелый хакер. Эринии может взломать что угодно. А если Эринии не может, то Эринии просто платит другим хакерам.

Биткойн правит даркнетом.

Поэтому Эринии скоро узнает о конкретной, особенной девушке.

Ее кредитную историю. Кому она должна. Как много.

Информацию о медицинской страховке. Медицинскую и стоматологическую историю.

Справку о ее ментальном здоровье.

Банковские выписки. Подоходные налоги.

Школьные документы. Выпуск. Дисциплинарные взыскания.

Судебные документы. История семьи.

У конкретной, особенной девушки больше нет секретов. Эринии знает все.

— Привет, Кендал, — говорит Эринии компьютерному экрану. — Я — Эринии.

Искупление близко.

Том Манковски вернулся в свое скромное, пустое жилище. Как он и ожидал, Джоан здесь не было. Все еще ходит по магазинам с девушкой Роя, Триш.

Том подумал о том, чтобы позвонить ей. Он хотел услышать голос Джоан. После того как провел все утро с мертвым телом, ему нужно было поговорить с кем-то, кто полон жизни. Он набрал и отправил голосовое сообщение.

— Привет, детка. Если ты еще не пообедала, дай мне знать и я встречу тебя где угодно. А если пообедала, то как на счет ужина в Уно? Скучаю.

Том повесил трубку, потер глаза и подумал, не съездить ли в тренажерный зал. Возможно, тренировка поможет освежить ему голову. Но если он отправится тем маршрутом, то может пропустить звонок Джоан. Вместо этого, Том разделся до своих боксерских трусов, сделал несколько отжиманий и приседаний, и быстро поднял несколько раз свою штангу.

Пот лился ручьями.

Но голова так и не освежилась.

Он пытался не думать об образах увечья, а заполнить свою голову фактами вместо снимков.

У девушек было много общего, хоть их смерти и были разными.

Обе были моделями в интернете.

Обе из Чикаго.

Обе были убиты в своих квартирах, связанные в кроватях.

Обеих пытали.

У обеих были отрезаны веки.

У обеих были сильные увечья гениталий.

В квартире первой жертвы убийца написал на стене *ИСКУПЛЕНИЕ*. У второй *ФУРИЯ*.

Обеих убитых женщин, возможно, просто совпадение, звали Кендал.

Том подумал о первом убийстве Сниппера, Кендал Жанпинг, шестью неделями ранее. Причиной ее смерти стала потеря крови. У нее случился гиповолемический шок; потеряла кровь от повреждения сонной артерии.

Судмедэксперт предположил, что оружием являлся тесак, который был засунут в ее вагину, а позже неоднократно в ее глотку. Судмедэксперт, серьезный парень по имени Бласки, написал в своем отчете о вскрытии, что гениталии и ректальные увечья «выглядят так, словно жертву многократно изнасиловали вагинально и анально лезвием».

Том снова начал приседать, переместив вес штанги на плечи. Он ненавидел приседания, но когда он делал это, то мог забыть о деле и сфокусироваться на боли в ногах.

Когда он закончил, то налил в стакан воды из-под крана, осушил его и снова наполнил. Ему нужно было принять душ. Не только смыть пот, но и запах смерти.

Две интернет проститутки по имени Кендал.

Совпадение?

Он будет следить за любыми связями между жертвами. Он сделал несколько звонков с места происшествия. Они еще не работали с похожим по моделированию веб-сайтом; а то было бы слишком легко. Там нигде не было окна с именем Кендал. Они с Роем немного покопались в онлайн порно индустрии и пришли к выводу, что большинство являлось

анонимами, хорошо устроились. Том предположил, что это для того, чтобы избежать сталкеров. Когда раздеваешься и флиртуешь на камеру, Том подумал, что ты бы не захотел, чтобы какие-нибудь типы наблюдали за тобой, чтобы определить твое местонахождение в реальной жизни. Но это перешло все границы. Том с Роем взяли интервью у другой модели из того же агентства, в котором числилась Кендал Жанпинг, но она была больше обеспокоена за своих друзей и поиском семьи, чем тем, что ее преследует какой-то псих.

Имеет смысл. Большинство людей никогда не сталкивалось с серийным убийцей, но все любили их. Зачем беспокоиться о Нормане Бейтсе, следящим за тобой, когда куда реалистичной проблемой является Отец, пытающийся разузнать, чем ты занимаешься, или Рита, которая изо дня в день сплетничает на работе?

К сожалению, здесь Норман Бейтс был тем типом, который убивал интернет моделей.

Как же он тогда узнавал, где они живут? И их настоящие имена?

Этот маньяк преследовал моделей только с именем Кендал?

Телефонный звонок вернул Тома в реальность из своих мыслей. Он был рад видеть имя *ДЖОАН* на своем айфоне.

— Привет, детка. Ты поела?

— Пока нет, и я так голодна. Триш просто машина. Она как Шопинатор; не может ни с чем определиться, не может сторговаться с продавцами, ни жалости, ни совести, ни страха, не остановится, пока я не умру от изнеможения. И да, я поняла, что пока я была в Лос-Анджелесе, я оставила кредитную карточку в аэропорту, когда регистрировалась. Поэтому мне пришлось одолжить твою.

Том не понял. Его кредитка была при нем. — Из моего бумажника?

— Не ту. MasterCard, что лежала на твоём столе. Ты оставил ее там, когда ушел, я решила, что ничего страшного, если я возьму. Ничего же?

Это была новая карточка Тома, которой он еще даже не пользовался, потому что ему нужна была вся сумма, чтобы позволить себе купить обручальное кольцо Джоан — он планировал покупку еще неделю назад, в процессе подготовки к приезду Джоан.

— Конечно, ничего страшного, — сказал он, содрогнувшись.

— А еще карточка Роя почему-то не работала, и поэтому Триш тоже пришлось воспользоваться твоей.

Содрогание переросло в более масштабную гримасу. За последние несколько месяцев кредит Тома полетел к чертям. Он дважды затягивал оплату за ипотеку, из-за забывчивости, а не из-за нехватки средств, и это навредило его кредитному рейтингу. Маловероятно, что ему одобряют, если он подаст заявку на карточку ювелирного магазина. Если бы женщины израсходовали все, то с его предложением пришлось бы потянуть.

— Без проблем, — сказал Том. — Ты все еще собираешься в спа в три часа?

— Не знаю, если получится.

Все было хорошо продумано. Том планировал купить кольцо, пока Джоан будет в спа. Но это уже не имеет значения, раз он не может себе его позволить.

Его телефон зажужжал и он увидел имя *РОЙ* на другой линии.

— Тебе еще кто-то звонит? Это Рой?

— Да, — ответил Том. Иногда Джоан была до жути предвидящей.

— Ты собираешься ответить?

— Я должен. Но я не хочу, чтобы ты злилась на меня.

— Это твоя работа, Том. Мы не в старшей школе, и я не какой-то там язвительный,

пассивно-агрессивный подросток, который хочет контролировать тебя.

— Хорошо. Тогда, чтобы прояснить, мне ответить на звонок?

— Отвечай, Том. И позвони мне, если отменишь обед.

— Я не отменю.

— Конечно, — Джоан сбросила.

Том не был уверен, но тон Джоан казался слегка язвительным и пассивно-агрессивным. Он соединился с Роем.

— Я кое-что раздобыл. Ты свободен?

— Я в отпуске. И ты знаешь, какие у меня были на сегодня планы.

— Какие?

— Я собирался сделать предложение, Рой. Я тебе говорил об этом.

— Когда?

— Месяц назад. В баре.

— В баре? Мы же там просто в хлам были. Я даже не помню, как добрался домой.

— Я посадил тебя в такси. После я сказал тебе, что собирался сделать предложение Джоан.

— Не припоминаю. Но ты собираешься жениться на Джоан? Поздравляю тебя дружище! Ты сейчас свободен?

— Я встречаюсь с Джоан в обед.

— Ты собираешься сделать ей предложение?

— Нет. У меня еще нет кольца.

— Так сейчас ты свободен?

— Что ты хочешь, Рой?

Голос наперника понизился. — У нас есть свидетель, Том. Кое-кто видел Сниппера.

Том прокрутил эту информацию в своей голове. Это может быть прорывом, который был им необходим. — Он хорошо его разглядел?

— Сейчас собираюсь с ним поговорить. Подумал, что ты бы захотел быть здесь.

Том не хотел быть там. Но из-за его работы он *должен* быть там.

— Где свидетель?

— В моем офисе.

— Увидимся через десять минут.

Том отключился, а затем уставился на телефон. Чувствуя себя самым ужасным парнем на свете, он написал: «Обед отменяется. Прости. Люблю тебя».

Когда он написал это, то понял, что муж из него никудышный. Джоан заслуживает лучшего. Возможно, предложение было плохой идеей.

После Южной Каролины Том сказал Джоан, что уйдет из полиции. Они с Роем думали о том, чтобы открыть рыболовный фрахтовый бизнес. Они уже даже купили лодки и рассчитали кредит.

Затем Рой встретил Триш. Триш не хотела уезжать из Чикаго, и Рой, по некоторым причинам, — большинство из них по сексуальным, — не хотел оставлять Триш, чтобы отправиться на побережье с Томом. Том не винил его; он уже настроился на рыбалку, чтобы быть рядом с Джоан. Поэтому мечты пришлось отложить, но жизнь продолжалась.

Том вспомнил о своей бывшей начальнице. Лейтенант Жаклин Дэниелс, сейчас была в отставке, отказалась от работы в полиции, чтобы воспитать дочку. Она ушла с работы и держалась подальше от всего этого, по большей части. Том задавался вопросом, почему он

не может вот так вот нажать на курок. Так уж плохо работать в частном секторе? Больше денег. Меньше часов. Шанс быть убитым гораздо ниже. Ему не очень нравилось в Лос-Анджелесе, но он любил Джоан. Есть вещи и пострашнее, чем бросить карьеру ради той, которую ты любил.

Зажужжал его телефон. Он слегка побаивался посмотреть на сообщение, но он это сделал. Как и ожидалось, это было от Джоан.

Напиши, когда отменишь ужин.

Том скривился, затем начал одеваться. Возможно, если свидетель попался нормальным, то они смогут поймать Сниппера и предотвратить еще одно убийство, в вероятности которого Том был уверен.

Возможное убийство девушки по имени Кендал.

Кендал Смит выключила камеру в душевой. На ее основании моргнул зеленый свет, а затем стал красным.

Она повесила полотенце для рук на объектив, чтобы уже точно быть уверенной, а затем включила воду в душе и стала ждать, пока та нагреется. Кендал проверила камеру, хоть и делала это всего мгновение назад.

12:18.

Тест по психопатологии будет через тридцать одну минуту. Чтобы дойти до двора, у нее займет ровно одиннадцать минут и тридцать шесть секунд – 1252 шагов, – а если учитывать активность в кампусе, то у нее где-то между четырьмя минутами сорока четырьмя секундами и пятью минутами девятнадцатью секундами, чтобы добраться до класса в здании Хершел. Это означало, что у нее семь минут, чтобы закончить принятие душа, еще семь минут, чтобы одеться и покинуть женскую общагу.

Все эти мысли пробежали в голове Кендал, в то время как она досчитала до тридцати пяти; именно столько времени необходимо, чтобы в душе нагрелась вода. Когда она досчитала до этой цифры, то проверила струю.

Идеальная температура.

Затем она снова ее проверила.

И снова.

Кендал знала, что это было глупо. Когда камеры были включены, она по большей части контролировала себя. Но ванная комната была единственным приватным местом в доме, и там она потворствовала всем своим нуждам. К тому же, это было основной причиной, почему она выключала камеры, когда принимала душ. Кендал не так сильно беспокоило то, что какие-то типы видели бы ее голой, куда больше ее волновало то, что они принимали бы ее за сумасшедшую, наблюдая за ней.

Ну, *частично* это правда, как минимум. Мысль о том, что кто-то наблюдает за ней во время принятия душа, ужаснула ее.

Я так облажалась. Если обсессивно-компульсивного расстройства было недостаточно, то я должно быть ханжа.

Спасибо за это, отец.

Кендал проверила температуру воды больше трех раз, хоть и знала, что она идеальна, затем она разделась и залезла в душ. Когда Кендал нанесла на голову шампунь и начала массировать, то решила не считать плитки на стене.

Через пятьдесят секунд она сорвалась и начала водить взглядом по плиткам, считая мыльницу за две, с тех пор как она заняла два места. После трехразовой промывки волос, Кендал закончила с душем уже через три минуты. Она вытерлась и оделась, немного опережая график, поэтому она досчитала до десяти, прежде чем убрала тряпку с камеры и снова включила ее.

Хорошо, делай вид, что ты нормальная. Ты можешь сделать это.

Кендал вышла из ванной комнаты, ощущая каждую камеру на себе. Они были как глазные яблоки, по ощущениям было то же самое, когда какой-нибудь тип таращится на нее из комнаты. Она ненавидела их. Ненавидела их всем своим сердцем.

Больше всего она их ненавидела из-за того, что нуждалась в них. Благодаря камерам,

она могла платить за колледж.

Частичная стипендия Кендал не смогла бы покрыть плату за обучение без дополнительного дохода от камер. Никто в кампусе не знал о камерах. А даже если и знали, то не смогли бы посмотреть; ни у кого не было доступа к веб-камерам в штате Иллинойса. Но остальные сорок девять штатов и весь мир могли зайти на <http://www.hotsororitygirlslive.com> и шпионить за сестрами в Эпсилон Эпсилон Дельта двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, так долго, насколько им хватит кредитной карточки.

Некоторые из сестер оказывали услуги перед камерами. Из шести, что жили на двухспальных кроватях, лишь двое привлекали внимание, еще двое были на голову больными эксгибиционистами. Лишь Кендал и Линда – единственная подруга Кендал и та, которая приняла ее в женскую общагу – были самыми сдержанными. Они не приводили своих парней в дом (не потому, что у Кендал не было парня), она по-тихому целовалась на камеры, как и остальные девушки. Они не раздевались и не мастурбировали – хотя Линда засвечивала свои буфера, демонстрируя свои соски. Они вдвоем (в большинстве случаев Кендал) общались со своими клиентами в чатах без сексуального характера, хотя они бы давали больше чаевых, если бы девочки немного пошалили.

Распутство не было в стиле Кендал.

Она покинула дом ровно в 12:29, начав считать шаги про себя, когда шла ко двору. Пока она шла, прокрутила у себя в голове выученные листы для предстоящего теста, который охватывал два раздела диагностики и статического руководства психических расстройств, пятого издания.

Кендал знала о психических расстройствах больше любого другого девятнадцатилетнего в кампусе, и, возможно, даже больше, чем большинство пожилых людей, ходящих на современные курсы по парапсихологии. Она жила с обсессивно-компульсивным расстройством, и с близкими членами ее семьи, у которых были более экстремальные психические расстройства, всю ее жизнь.

Недавно они изучали гендерную дисфорию, импульсивное расстройство личности и расстройство поведения. Последнее особенно было актуально для Кендал, потому что это относилось к DSM-5, квалифицирующихся на антисоциальных личностей.

Другими словами, там говорится о психопатах.

Такие психопаты – в частности как тиранический тип Теодор Миллон, который нажился на боли других – пугали Кендал.

Без оснований. Кендал знала садистов. У нее были шрамы в знак доказательства. Как душевные, так и физические.

Как ни странно, психологическая травма, нанесенная Кендал, не сделала из нее какую-нибудь недотрогу, и пока она была подвержена паранойи, стала совсем иной, живя в постоянном страхе. Она снова научилась доверять людям. Она встречалась время от времени. Также иногда Кендал читала ужасы, покуда в них были монстры, демоны или другие сверхъестественные элементы. Но она держалась подальше от порно с пытками, или триллеров с серийными убийцами, где маньяк хотел наказать женщин.

Кто придумал это больное дерьмо и назвал это развлечением?

На пятьсот втором шаге ей пришлось свернуть, чтобы избежать паука на тротуаре. Они противные. Эти твари всегда были ей омерзительны. Слишком много ног. Слишком много глаз. Изогнутые клыки. Заманивают жертв в свою паутину, чтобы высосать их кровь. Она

вздрыгнула. Ужасные существа. Кендал читала где-то, что в среднем человек проглатывает восемь пауков за год во время сна. Их влечет углекислый газ, или что там, и они заползают в ваш рот.

Раньше Кендал не думала, что есть что-то хуже животного мира.

К несчастью, человеческий мир оказался хуже. Гораздо хуже.

Но Кендал не хотела об этом думать.

На шестьсот восьмом шагу она вышла во двор, Кендал почувствовала покалывание позади шеи.

Кто-то следит за мной.

Кендал хорошо знала это чувство. Она жила с этим чувством каждый день, в женском общежитии. Чей-то взгляд был на ней, из-за чего на ее предплечье встали крохотные волоски. Кендал остановилась; она никогда этого не делала, когда шла во двор. Затем она осторожно посмотрела через плечо.

Там.

Вниз по улице.

Темный грузовой фургон с тонированными окнами.

В половине квартала,двигающийся гораздо медленнее, чем при ограниченной скорости в 25 миль в час.

Было, похоже, как будто он преследовал Кендал.

Автомобиль остановился сразу же после нее, преградив всю дорогу. Кендал слышала тарахтение двигателя, возможно, плохой глушитель или дыра в выхлопной трубе. Позади фургона засигналила машина, но он не сдвинулся с места.

Кендал попыталась сделать шаг вперед, но тут же впала в ступор, потому что сбилась со счета шагов.

Какой сейчас счет?

Я забыла, на чем остановилась!

Кендал однажды пыталась объяснить свой подсчет подруге, еще в средней школе. Согласно этому синдрому, Кендал была одержима подсчетом своих шагов, и она не могла сопротивляться этому. Невозможно было держать свои руки над открытым огнем, даже если бы ты захотел. Рефлекторно ты бы отдернулся. Точно также и для Кендал было невозможно перестать считать. Речь не шла о силе воли. Без подсчета Кендал одолевал страх и ужас, из-за чего она была убеждена, что делает что-то не так. Из-за этого она начинала дрожать, плакать, задыхаться, и, в конце концов, падала в обморок. Она не могла контролировать это. Страх не подсчитывать был сильнее любого другого страха.

В том числе ее боязни того черного фургона.

Разум Кендал разделился пополам, с одной стороны она думала о жутком водителе, который намерен причинить ей вред, с другой стороны она пыталась вспомнить число, на котором остановилась.

Ее руки задрожали. Мочевой пузырь сжался. Она не могла дышать, и почувствовала полную беспомощность, стоя там и ожидая худшего, что может произойти, не в состоянии даже уйти.

Постойте-ка! Это же 612! Я на 612.

Она облегченно выдохнула. Затем Кендал уставилась на свои ноги и заставила себя двигаться дальше, что-то между быстрой ходьбой и бегом трусцой.

640, 641, 642, 643...

На 666 шаге Кендал еще разок оглянулась – это число она ненавидела из-за строгого, религиозного воспитания – она бы ужаснулась, если бы фургон был прямо за ней.

Но он не был.

Фургон исчез.

Оставив Кендал задаваться вопросом, что если ей все это привиделось.

Я снова это вижу? Болезнь вернулась?

Сейчас Кендал не могла беспокоиться об этом. Она не могла опоздать в класс. Из-за опозданий у нее начинаются панические атаки.

Она добралась до двора за 1231 шагов, но не почувствовала облегчения. Всегда было 1252. *Всегда.*

Ее это обеспокоило, и поэтому Кендал рискнула показаться глупой, и в течение тридцати абсурдных тридцати секунд она ходила по кругу, пока не досчитала до номера 1252. И только потом она ступила во двор и поспешила в здание Хершел, не подозревая о том, что человек в фургоне припарковался на улице и наблюдал за ней через бинокль.

Свидетелем была высокая, крепкая женщина лет двадцати. У нее была бледная кожа, высокие скулы, на которых было нанесено слишком много румян, сильная челюсть и густые, черные волосы со строго короткой челкой, как будто она принесла фото Бетти Пейдж своему парикмахеру и ей переборщили с прической. Она сидела за столом напротив Роя, ее плечи опустились так, словно у нее депрессия или просто усталость, а может и то и другое. Но ее глаза были яркими и бдительными, затем они посмотрели на Тома, задержавшись на нем, когда он подошел.

— Детектив Манковски, это Таня Бестрейфен, — представил Рой.

Том протянул руку. Хотя ее выражение и было мягким, но вот рукопожатие было сильным и уверенным.

— Приятно познакомиться, — сказала она хриплым голосом, прямо как Тина Тернер.

— Спасибо, что пришла, — Том поставил стул рядом с Роем.

— Вы, ребята, ответственны за это дело? — спросила Таня.

— Мы отчитываемся перед нашим начальником, но мы ведущие детективы, да.

Таня опустила глаза. — Я видела, что случилось с той девушкой. По новостям. Убийца Снайпер. Почему они зовут его Снайпером?

Том мысленно поблагодарил СМИ за то, что те так любезно дают серийным убийцам такие восхитительные имена. Что же касалось отстающих дел, так Том с Роем расследовали продолжающуюся серию снятия скальпов, судя по всему, это связано с бандами. Местная газета окрестила этого преступника Скальпером. Какой сюрприз.

— Он отрезает веки жертве, — ответил Том.

Таня медленно кивнула, затем сказала. — Так ей приходится наблюдать за тем, что он делает.

Том не подумал об этом. Хорошая проницательность. А еще чертовски жуткая. — Мой партнер говорит, что ты, возможно, видела убийцу?

— Ага. После четырех часов утра.

— Ты обычно просыпаешься в четыре? — спросил Рой.

— Иногда. Я дома работаю, внеурочно. Мне нужно было пойти, взять энергетик неподалеку от 7-11 блока.

Том глянул на заявление свидетельницы, которое начал заполнять Рой, и увидел, что блок Тани находился недалеко от Кендал Хеффертон.

— Это то, что ты делала той ночью? — спросил Том.

— Ага.

Он взял ручку и начал делать заметки. — Что ты видела?

— Я всего лишь взяла Ред Булла и пошла обратно к себе. Он выскочил из здания, меня чуть не снес.

— Как будто он спешил? — спросил Рой.

— Как будто он до хера спешил.

— Удалось рассмотреть его? — спросил Том.

Таня кивнула. — Он был белым. Лет так под сорок. Красавчик. Как тот украинский парень на реалити-шоу. Максим Чмерсковский.

Том остановился на букве М. — Кто?

— Мак-сим Ч-мер-ков-с-кий.

Том никогда о нем не слышал. — Ох... а как по буквам?

— Думаю в имени в середине будет К и С, а в конце фамилии И и Й, — Таня засунула руки в огромные карманы куртки, ища там что-то. — Я забыла свой мобильник. У вас есть интернет?

Том кивнул. Таня протянула руку, и Том дал ей свой. Она преподнесла его к своему лицу, прищурилась, когда нажала на экран большим пальцем. Где-то через пятнадцать секунд она положила телефон на стол.

— Максим Чмерсковский. Нос парня, которого я видела, был шире, брови толще, ну а во всем остальном они точь в точь.

Том глядел на актера на странице википедии, который, как и сказала Таня, был красавчиком.

— Во что он был одет?

— Длинное, черное пальто. Джинсы. Шерстяная шапка.

Очередь Роя. — У него что-то было с собой?

Таня покачала головой.

— Пластиковые пакеты? — спросил Том. — Душевая занавеска?

Она снова покачала.

— И он спешил, да?

— Он практически бежал. Столкнулся со мной. Чуть с ног не сбил. На секунду я подумала, что это Максим. Ну, знаете, из шоу. А еще у него был живот.

— Живот?

— Большой живот.

— У Максима Чмерсковского нет живота. У него тело как у моделей нижнего белья.

В течение следующих пятнадцати минут Рой с Томом по очереди допрашивали Таню, но она не добавила каких-либо новых деталей. Рой закончил допрос, — Если бы тебе пришлось опознать его в процессе опознания подозреваемого, ты бы смогла?

Таня кивнула. — Конечно. Он был ближе ко мне, чем я сейчас к вам. Так близко, что могла учуять его дыхание.

— И как же оно пахло? — спросил Том.

— Как мясо. Как будто он только что съел полусырой стейк. Ну, знаете. С кровью.

Том с Роем переглянулись. Затем они поблагодарили ее, и она ушла.

— Что думаешь? — спросил Рой.

— Отправлю команду в здание. Просмотреть всех арендаторов, похожих на Макса или Максима, в общем, не важно, какое имя у той знаменитости, посмотрим, живет ли он там, если он наш преступник.

— А на счет кровавого дыхания?

— Я позвоню судмедэкспертам. Пусть проверят ее тело на слюну. Если Снайпер пьет кровь, возможно, он оставил свое ДНК.

Рой кивнул. — Что думаешь о Тане?

— Из нее выйдет хороший свидетель. Она уверена в себе.

— Ты мог бы сказать, что она была интерсексуалом?

Он прищурился. — А?

— Ну, интерсексуалом или трансгендером, — сказал Рой. — Не уверен, что из этого. Нет волос на лице, и причиндалов нет — можно сказать по узким джинсам. Но есть большие

руки, ноги, толстые кисти рук и неширокие бедра. Она либо после операции, либо интерсексуал.

— Не вижу разницы.

— Трансгендер, — начал Рой, — это когда человек представляет собой один пол, относящийся к отличному от своего. А интерсексуал — это когда человек рождается без определенного пола.

— Как гермафродит, — сказал Том.

— Настоящие гермафродиты на самом деле очень редки. Но у Тани был небольшой ряд этих условий.

— И ты знаешь об этом так много, потому что...

— Триш интерсексуальна.

Том прищурился. — Твоя девушка?

— Она родилась с СПНА. Синдром полной нечувствительности к андрогенам.

Том не знал, что сказать. — Но она выглядит...

— Как женщина. Я знаю. Она полностью выглядит как женщина. Но у Триш Y хромосома, и нет яичников. У нее яички.

— Так... у нее яйца?

— Не будь таким невежественным, Том.

Том взмахнул руками. — Да я и не пытаюсь. Просто не понимаю.

— Внешне, она — женщина. Она получила все женские части, за исключением того, что волосы на теле не растут. А внутри нет яичников. Поэтому у нее нет менструации, и не может иметь детей.

— Вместо этого у нее яички.

Рой кивнул. — Недоразвитые. Они не выделяют спермы.

— И ты все это время знал?

— Она сказала мне на первом свидании.

Нужно было многое переварить. — Рой, не пойми меня неправильно, но я никогда не думал, что ты такой... прогрессивный.

— Любовь слепа, — сказал Рой. — А секс невероятен. Ты бы изменил свое отношение к Джоан, если бы она сказала тебе, что является интерсексуальной?

Том не рассматривал такой вопрос. — Нет. К тому же, если быть честным, было бы отлично без месячных.

— Вот видишь, — сказал Рой. — Теперь ты стал сексистским мудаком. Что-то мы заговорились о гендере, и у тебя какая-то дешевая шуточка про ПМС.

— Это не шутка. Она как Лон Чейни младший во время полнолуния.

Рой даже не выдавил из себя улыбку. — Ты ведешь себя как мудака, зачем все это говорить?

— Это ведь не так, словно я говорю что-то за спиной Джоан. Она бы допустила подобное. Просто потому что этот стереотип не значит, что таковым он не является.

— Тогда в какие стереотипы о черных людях ты веришь? — спросил Рой.

— Что вы хорошие баскетболисты, помешаны на кроссовках и имеете большие члены.

— Для меня это оскорбительно. В моем случае, все сказанное тобой верно. Но я оскорблен за своих младших братьев, которые даже в кольцо мяча забросить не могут.

Том засмеялся, и Рой перестал притворяться раздраженным и тоже рассмеялся.

— Хорошо, ты хочешь квартиру или судмедэкспертов?

— Я возьму квартиру. Встретимся через два часа?

Том кивнул, и они дружески стукнулись кулаками, а затем Рой ушел. На тот момент Том думал о Триш. Как она себя чувствовала, когда у всех ее подруг подростков была менструация, а у нее нет. Он представил ее поход к врачу, когда она узнала новости о том, что генетически она была частично мужчиной. Или полностью мужчиной. Том не понимал, как все это работает. Но он понимал, что это чувствуется так, когда тебе говорят, что ты отличается от остальных.

Быть другим не очень хорошее ощущение. Но, как говорил Томас Джефферсон, счастье зависит от выборов, которые мы делаем, а не от того, с чем мы родились.

Он подумал о том, что Джефферсон многого достиг, если сравнивать с его собственным незначительным вкладом в человечество, а затем он вернулся к работе.

1251... 1252.

Кендал остановилась перед своим домом с ключом в руке. Три раза коснулась дверной ручки, а затем открыла дверь, позволяя себе войти и с облегчением вздохнуть.

На занятии ничего особого не происходило, но Кендал это не так сильно заботило, поскольку она не могла перестать думать о фургоне, преследовавшем ее ранее. Возвращаясь со двора, она так много раз оглядывалась, что начала болеть шея. Кендал не увидела его снова.

Что заставило ее задуматься, что же она видела на самом деле. Задуматься о том, что ее галлюцинации, возможно, вернулись.

Она проверила почтовый ящик рядом с входной дверью, вытащила два конверта, адресованных ей и прошла в комнату. Линда и Хилди растянулись на диване, смотря один из тех фильмов, где главная героиня влюблена в горячего подростка-вампира, который часто сдирает с себя футболку.

— Эй, шлюшка, как прошло занятие? — спросила Линда, не отводя взгляда от фильма.

— Я нагрубил преподавателю, а затем занялась сексом на столе с двумя парнями, пока все наблюдали. Жаль, что вас не было. А вы, ребята, что делали?

— У нас была битва подушками голышом, затем выдули несколько дорожек кокаина на буферах друг дружки. Жаль, что тебя не было.

С самого начала семестра Кендал и Линда начали выдумывать всякое, чтобы подразнить подписчиков, которые за ними наблюдали, притворяясь, что они пропустили действительно что-то эпическое. Они как привыкли к шуточкам, что «жаль, что тебя не было» для них стало как «привет».

— Тебе звонили, — сказала Хилди. — Записка рядом с телефоном.

— Кто это был?

— Какой-то преследователь, который хотел отрубить твою голову.

Кендал замерла. У Хилди был характер как у черлидерши, и ее чувство юмора не было таким тонким, как у Линды.

После того, как она успокоилась, Кендал спросила, — А у этого преследователя есть имя?

— Записка рядом с телефоном.

Кендал прошла на кухню, нашла там стикер с ее именем, рядом со старомодным кнопочным телефоном вместе с извилистым шнуром, прикрепленным к нему.

12:26 – Доктор Семнай, Карпентерская клиника.

Кендал прищурилась на слова. Карпентерская клиника была в кампусе, но Кендал думала, что она закрыта на реконструкцию. Она набрала номер, который Хилди быстро начеркала и на том конце ответила женщина.

— Клиника.

— Это Кендал Смит, — прошептала она. — Я получила записку с просьбой перезвонить.

— Какая у вас фамилия?

Кендал приложила руку к динамику и произнесла по буквам. Она не хотела, чтобы кто-то из наблюдателей узнал ее настоящее имя. Никаких Имен - было первым правилом дома.

— Подождите, пожалуйста.

Кендал переключили на старую песню Nirvana. Она глянула на ближайшую кухонную камеру, почувствовав как ее шей покрылась гусиной кожей, и повернулась к ней спиной.

— Мисс Смит? Мы позвонили, чтобы назначить маммографию.

— Что, типа на проверку рака молочной железы? — Кендал понизила свой голос. — Мне девятнадцать лет. Разве маммография не для взрослых женщин?

— Ваша история болезни показывает, что вы были на нескольких антипсихотических препаратах.

— Это было очень давно.

— Лекарства могут продолжать причинять вред вашему телу еще целые годы, после их употребления.

— И вы говорите, что таблетки причина моего рака?

— Они несут очень высокий риск.

— Вы уверены? Вы знаете, что я принимала?

— Ваша история болезни была замечена по время обычного осмотра. Важно проверить это немедленно. Вы замечали какие-либо шишки? Чувствительность? Изменения во внешнем виде или чувствительности вашей груди?

Она почувствовала, как залилась краской. — Нет.

— Гноеение сосков?

— Что? Нет. Конечно же, нет.

— Мы бы все же хотели, чтобы вы пришли. Я могу назначить вас на завтра в четверть четвертого. Вы знаете, где мы находимся?

Кендал охватило головокружение. Она схватилась рукой за стол, чтобы поддержать себя.

— Я... все слишком быстро происходит.

— Это не шутки, Кендал. Визит бесплатный. Он включен в оздоровительную программу как часть вашего обучения. Нам нужно позаботиться обо всем, и немедленно.

Она зажевала нижнюю губу. Камеры повсюду прожигали ее словно лазеры. — Хорошо. В три пятнадцать.

— Тогда увидимся.

Медсестра повесила трубку. Еще с секунду Кендал смотрела на телефонную трубку, а затем положила ее на свое место.

Рак молочной железы? Серьезно? КАКОГО ХЕРА?

Она прошла в свою комнату, проигнорировав Линду, когда она спросила. — Все в порядке, шлюшка?

Нет. Определенно не в порядке.

Кендал захлопнула дверь, заперла ее, села за стол, включив монитор. Она решила взглянуть на свои старые лекарства, и проискать что-то о раке молочной железы, но заметила, что в ее чате было восемь клиентов.

Вот дерьмо.

Как интернет модель на www.HotSororityGirlsLive.com, Кендал получала недельную зарплату просто за проживание в доме, плюс еще бонусы за дополнительные услуги. Оплата за наготу и секс самая высокая, но переписка с ее подписчиками удваивали ее стандартный заработок, плюс чаевые. Кендал нужны были деньги. Так же сильно, как она ненавидела вуайеристов, которые за ней наблюдали, разумно было вести себя подобающе.

Кендал зашла под именем SHY1 и начала просматривать вопросы.

BOFFA DEEZ: Скромняжка, ты норм там?

Watchdawg: что там с раком, девочка?

Prsnal: Нужен Апдейт!

Unique NY: shy1 о чем был звонок? Ты сказала рак молочной железы?

ALLEC2: напугана?

Free-mustache-rides: пожалуйста, расскажи нам, что с тобой.

Tuscon4evah: звучит серьезно, скромняжка.

Boffa deez: детали, пож!

1rover1: ты выдавишь свои сиськи?

Allec2: какие лекарства ты принимала?

Кендал написала, спс за заботу, ребята! Я сейчас немного шокирована. Думаю, завтра покажусь доктору.

Она наблюдала за тем, как поддельное сочувствие заполонило ее экран. Или, возможно, это сочувствие было настоящим. На самом деле Кендал было достаточно трудно представить себе людей, скрывающимися за всеми этими именами на экране. Они не знали, кто она такая, или где она жила. Она никогда не встречалась лично ни с кем из них. По некоторым странным, одиноким, вуайристичным причинам, они любили наблюдать за коллежскими девчонками. Это не всегда так возбуждающе. Они наблюдали за тем, как сестры просматривают каналы по телевизору, как спят, делают макияж и едят. Мирные, повседневные, не включающие в себя секс, вещи. Хилди, которая позволяет подписчикам наблюдать за ней в душе, упомянула как-то, что несколько пользователей тут же выходят, как только она сбрасывает полотенце. Они сказали ей, что ценят ее уединение, хотя смотрят, как она подстригает ногти на ногах.

Кендал не понимала этого. Она понимала порно. Возбужденные парни смотрят на изображение сексуального характера и удовлетворяют свои естественные потребности. Но какой толк смотреть на группу девушек из сестринства, делающих свою домашнюю работу? Где в этом хоть что-то интересное?

Почему-то сама мысль о безымянных, безликих чуваках, наблюдающих за читающей журнал Кендал была даже более жуткой, чем безымянные и безликие типы, дрочащие во время ее занятий учебой. Эти ребята платили за то, чтобы просто наблюдать за чьей-то жизнью. С кем они бы никогда не встретились. Это было странно.

Поэтому Кендал занималась этим, не думая о подписчиках как о людях. Для нее они были как Тамагочи. У нее был один такой виртуальный питомец, когда она была ребенком. Это был брелок с цифровой собачкой на экране, и ее нужно было кормить и играть с ней каждые несколько часов, иначе она бы умерла. Кендал никогда не доставляла удовольствие та ненастоящая животинка, – она умерла через несколько дней. Так же, как ей не доставляют удовольствия ее подписчики. Но внушение того, что они ненастоящие, помогало ей справиться с этим. И чем больше она с ними взаимодействовала, тем больше получала денег.

Выскочило окошко с ее чатом. Эти мгновенные сообщения могла прочитать только она, и никто больше в этом чате. Одно было от Allec2, пользователя, которого она не признала.

Allec2: сделаешь чат приватным?

Кендал ответила, что не занимается ничем, связанным с сексуальным контентом. Он ответил, что это лишь для специфических, приватных вопросов. Поскольку теперь в ее чате

было восемь платящих клиентов, она отказалась, сказав, что сейчас слишком занята.

Спустя где-то двадцать минут разрослась болтовня о ее здоровье и благополучии, поддельное сочувствие, и еще острили о том, как сильно они переживали. Кендал получила сорок баксов в качестве чаевых, а в чате осталось всего три подписчика, все еще переписывающихся. Среди них был Allec2, который скинул ей десять долларов, ее компьютер издал *дзынь!*

Allec2: может сейчас? Чат?

Приватные беседы оплачивались в десять раз дороже, чем обычные. На самом деле Кендал предпочитала их, поскольку сложно было поддерживать сразу несколько разговоров. Она напечатала, **хорошо, пока ты не станешь извращенным.**

Она попрощалась с остальными двумя клиентами и зашла в приватный чат с Allec2.

Shy1: ну вот мы и остались наедине.

Allec2: наконец-то. Как себя чувствуешь?

Shy1: все еще испугана.

Allec2: ты ведь действительно еще слишком молода для маммографии.

Shy1: они сказали, что риск слишком высок.

Allec2: у вас это семейное?

Кендал не знала. Возможно это так. Мама ушла, когда она была еще маленькой.

Shy1: я была на таблетках.

Allec2: нейролептики?

Shy1: ага. У меня были кое-какие проблемы, когда была младше.

Allec2: сексуальное домогательство?

Кендал задрожала. Она обернула одеяло вокруг своих плеч и сжалась на стуле.

Shy1: я не хочу об этом говорить.

Allec2: я принимал некоторое время клозапин. Из-за него я чувствовал себя странно.

Shy1: я знаю это чувство. У меня все время голова кружилась.

Allec2: а еще я дрожал. Но он мне сильно помог сдерживать свои желания.

Shy1: я не знаю, помогли ли они мне или нет. Это было несколько лет назад. Я уже много чего не помню. Мой старый психиатр думает, что я блокирую некоторые вещи.

Allec2: сознание пытается защитить себя от плохого. И мы приходим к выводу, что насилие это нормально.

Shy2: то же сказал и мой психиатр.

Кендал никогда не говорила об этом с кем-нибудь. Прошло много времени с тех пор, как она была на терапии. Но Allec2, кажется, понимал ее, в какой-то степени.

Shy1: я думала, что все жили так же, как и я. Что у каждого был такой же отец. Что каждый видел такие вещи.

Allec2: к примеру, что ты видела?

Shy1: ну, иногда, когда случается что-то ужасное, я отправляюсь в места.

Allec2: в своей голове?

Shy1: да! У меня был воображаемый друг, с которым я разговаривала. Но думала, что он был настоящим. Я могла видеть его. Или думала, что могла. Но он помогал мне, когда было плохо.

Allec2: ты уверена, что он был не настоящим?

Shy1: он не мог был реальным.

Allec2: так получается, что ты разговаривала сама с собой?

Shy1: наверное.

Allec2: а что если ты сейчас переписываешься сама с собой? Может, меня даже нет здесь.

Кендал поморгала. Ей это помогало.

Shy1: так получается я пишу и за себя и за тебя?

Allec2: ты смотришь на клавиатуру, когда печатаешь? Или на экран?

Shy1: на экран.

Allec2: поэтому прямо сейчас твои пальцы могут печатать мои ответы, а ты даже этого не осознаешь.

Кендал одним глазом была на своих пальцах, а другим на экране. Allec2 не отвечал. Когда она вернула все свое внимание на монитор, он ответил:

Возможно, тебе стоит снова начать принимать свои таблетки.

Shy1: я собираюсь.

Allec2: ты выглядишь сейчас немного взволнованной.

Кендал осмотрела свою комнату, все веб-камеры. Конечно же, Allec2 наблюдал за ней. Он оплатил целый месяц подписки за эту привилегию.

Shy1: день был трудным. Я устала.

Allec2: школа?

Shy1: ага.

Allec2: математика – та еще хрень.

Кендал задалась вопросом, как он узнал, что она выбрала математику. Возможно, он слышал, как она упоминала об этом. Или видел ее учебник.

Или Allec2 на самом деле является мной, и я разговариваю сама с собой. Может, у меня шизофренический припадок.

Allec2: скажи мне, Кендал, твой воображаемый друг был заперт в подвале и кричал как в аду, когда твой отец спускался туда?

Кендал нажала на кнопку *заблокировать* и отодвинулась от компьютера, ее сердце чуть из глотки не выпрыгивало. Затем она посмотрела на свои руки, растопырив пальцы.

Черт возьми, это я все писала?

Он назвал меня Кендал.

Как он узнал мое имя? Он не мог знать моего имени.

Заперт в подвале?

Какого черта происходит?

Голова кружится.

Хочу прилечь.

Хочу прилечь, в уединении.

Кендал отключила веб-камеры в своей комнате. Это скажется на ее недельной зарплате, но в тот момент она не хотела, чтобы за ней наблюдали. Когда она закончила, то закрыла свою дверь, забралась на кровать, свернулась калачиком и закрыла глаза.

Глаза Эринии открыты.

В доме тихо. До сих пор.

Но не пусто.

Эринии проверяет время. Почти время доставки. Водитель никогда не опаздывает.

Эринии ждет у двери, глядя в глазок.

Наблюдает, как подъезжает фургон.

Наблюдает, как мужчина вытаскивает упаковки.

Наблюдает за ним, протягивая конверт с наличкой под входной коврик.

Наблюдает, как он уходит.

Эринии отпирает дверь и загребает коричневые коробки. У них у всех фальшивый обратный адрес, оплаченный ворованными кредитками. Даркнет покупки отправляют на почтовый ящик на фальшивое имя, с помощью почтовых услуг экспедирования с частным курьером.

Их никак не отследить. Слишком много средств защиты.

Эринии раскладывает коробки на обеденном столе. Берет кухонный нож.

Время Рождества.

Санта принес Эринии вкусняшек.

Спиринолактон.

Еще вантаблэк.

Ципротерон ацетат.

Яйца паука-бродяги.

Гамма-оксимасляная кислота.

Универсальный набор ключей для замков Сарджент.

Клиндамицин.

И новая кошка-девятихвостка.

Эринии осматривает кнут. Предыдущий сломался от многократного использования. Этот кажется гораздо лучшего качества. Девять плеток из эластичной воловьей кожи. Рукоять обделана сталью, делая это орудие более увесистым. На конце каждого хвоста острый металлический шип. Насколько острый, что на кончике пальца Эринии выступает кровь, после того как она к нему прикоснулась.

Эта игрушка не из дешевых, которой можно выпороть вашего супруга, играя в Пятьдесят оттенков серого в спальне. Это реальная штука, предназначенная для нанесения тяжелых телесных наказаний.

Искупления. Искупления, которое должно быть совершено.

Эринии отперла дверь в подвал и спустилась по лестнице.

— Паучок прибыл, — говорит Эринии темноте. — Скоро у тебя будет корона.

Хныканья и звон цепей по цементному полу.

— ЮПС также доставил новый кнут.

Стон.

— Ты должна искупить свои грехи проливанием крови. Наказание очистит твою душу.

— Прошу... не надо, — кроткий голосок. Слабый.

— Ты не хочешь, чтобы твои грехи были прощены?

Ответа не последовало. Эринии нажала кнопку записи на своем телефоне.

— Думаешь, уже достаточно настрадалась за свои провинности?

— Пощади. Прошу.

— Эринии не знает пощады. Лишь наказание.

Эринии замахивается кнутом.

— Не причиняй мне снова боли.

— Это твои грехи причиняют тебе боль. Я здесь лишь для кары.

Эринии начинает.

Искупление очень громкое. Очень кровавое.

— Я зарабатываю на жизнь, разрезая мертвые тела, но этот случай просто вывернул мой желудок наизнанку.

Том разговаривал по телефону через видео звонок с доктором Филом Бласки, который был на заседании в морге округа Кук. Бласки завис над трупом Кендал Хеффертон, его голос раскатился по охлажденному помещению, отразившись от бетона и нержавеющей стали.

— Глянь на это, — Бласки переключился на заднюю камеру. Тому не понравилось, когда Бласки это сделал, и он вздрогнул от вида жертвы.

— Эти увечья в вагине и анусе содержат повышенный уровень гистамина, указывает на то, что травмы были получены еще при жизни.

— Она была жива, — прерывает его Том.

— Жива и боролась. Большинство порезов на защитной основе.

— Убийца оставил какие-нибудь следы?

— Вообще ничего, черт возьми. Я осмотрел каждый ее квадратный дюйм альтернативным источником света, взял образец всего, о чем можно только подумать, но преступник и реснички не проронил.

Это плохо. ДНК редко приводило к подозреваемым, чаще сразу приводило к обвинительным приговорам. Том надеялся, что убийца все же что-то оставил.

— Скотч, который связывал ее? — спросил Том.

— Обычная клейкая лента.

— Отпечатки?

— Овальные пятна, там, где он трогал липкую сторону скотча, но отпечаток нет. Он одел перчатки.

— Какие-нибудь признаки изнасилования?

— Чем-то, помимо тесака? Я ничего не обнаружил. Ни кожи под ее ногтями. Если она и отбивалась, то не поцарапала его.

— Мы предполагаем, что он мог пить ее кровь.

— Тогда он сделал это осторожно. Я не нашел слюны.

Том подумал о кое-чем ужасном, и вздрогнул от этого, когда заговорил. — Он мог делать это через соломинку?

— Ты имеешь в виду то, что он сунул ее в вену и пил ее как коробку сока?

— Ага.

— С тобой что-то не так, раз думаешь о подобных вещах. Но если убийца и делал это, то я все равно не смогу найти входную точку.

Том вздохнул. — Так что ты можешь мне сказать?

— Ее коренные зубы исчезли, но никаких синяков на ее лице, — Бласки засунул свою руку, надетую в перчатку, в рот жертвы и пошевелил зуб. — Это, конечно, предположение, но я думаю, что во рту у нее был кляп, и она его сильно прикусила.

— Кляп-шар?

— Ну, что-то похожее.

— Как для лошадей?

— Это более вероятно. Зажато в задней стенке гортани, и закреплено вокруг головы. Обычный предмет подчинения. Я так слышал.

— Анализ на токсины?

— Ждем результатов. Вечность пройдет, пока лаборатория это сделает, ты же знаешь.

Но у меня есть теория, как он ее связал.

— Это могло быть согласованно? Интернет модель решает подзаработать дополнительные деньги, как девушка по вызову и в рабстве.

Бласки переключил камеру обратно на себя и скривился. — Ты бы позволил какому-нибудь типу, которому не доверяешь, связать тебя?

— Никаких доказательств взлома. Она, возможно, впустила его.

— Или же она была в отключке, — он повернул телефон. — Видишь эту отметку над ее носом и еще под подбородком?

— Да.

— Я большой любитель антикварного медицинского оборудования. Ты знал, что у меня свыше сотни рефлекторных молоточков, выпущенных до 1950 года? Это безумное дерьмо можно найти на иБэе. Эти ожоги, как по мне, совпадают с расположением хлороформной маски.

Том подумал о черно-белых фильмах, где нападающий подкрадывается к женщине с хлороформной тряпкой, чтобы вырубить ее.

— Хлороформ все еще можно покупать?

— Купить можно все, что угодно. Сотня рефлекторных молоточков, помнишь? Хлороформные маски сделаны из проволоки или сетки. Они подходят и ко рту и к носу, удерживая тряпку на своем месте. Найдешь маску, и я смогу сверить ее с повреждениями. Ничем не хуже ДНК-улики.

Затем Бласки начал рассказывать о своей гильотине для миндалин 1923 года, но Том воздержался от подробностей из-за другого звонка.

— Я должен ответить, Фил. Позвони, если что-нибудь обнаружишь, — Том переключился. — Привет, детка, — сказал он Джоан. — Что случилось?

— Просто хочу узнать, пойдем ли мы сегодня на ужин.

— Конечно же, пойдем. Ничто бы не смогло удержать меня от ужина с тобой. Ты все еще с Триш?

— Да. Мы в пиццерии Уно поели.

То, что Том планировал на ужин, но он полагает, что сможет выкрутиться в этой ситуации. — И как там?

— У них нет козьего сыра.

— Конечно же, у них нет козьего сыра. Это же Чикаго, а не Родео-драйв.

— Не беси меня. Ты и так меня продинамил.

— Я и не пытаюсь, милая, я...

— Ты все еще на работе?

— Да. Еще немного задержусь. Может, хочешь сходить в художественный институт?

Там выставка О'Кифа.

Тому поступил еще один звонок. Он проигнорировал его.

— Так ты ответишь? — спросила Джоан.

Том посмотрел номер. Это была криминалистическая лаборатория.

— Я могу им перезвонить.

— Я слышу твой тон. Там ведь что-то важное.

— Ты единственная, кто важен, детка.

Пиканье продолжалось. Том задавался вопросом, почему там не могли отправить сообщение на автоответчик.

— Художественный институт неплохо звучит, — наконец сказала Джоан.

— Хочешь встретиться там через час?

— Конечно. В таком случае, когда ты не появишься, я, по крайней мере, найду, чем заняться.

— Я приду, Джоан. Я о тебе весь день думал.

— Ахах.

Телефон Тома наконец-то перестал пищать.

— Я приду.

— Хорошо, вполне справедливо. И почему ты обязан на работе думать обо мне, а со мной о работе?

— Мы же договорились, что никогда не будем ставить работы между нами, — сказал Том. — Поэтому ты и живешь в Лос-Анджелесе, а я в Чикаго. Они часть нас, и мы решили не просить друг друга их менять.

— А что, если поменяем?

— А?

— Что, если я попрошу тебя бросить работу ради меня, Том? Ты бы это сделал?

— А ты просишь?

— А ты хочешь, чтобы я попросила? Или ты хочешь попросить меня?

— Мы же сказали, что не будем просить. Я знаю, как важна твоя работа.

— Но заключение сделок на съемки фильмов не так важно как ловля убийц, верно?

— Я не говорил этого, — сказал Том.

— Тебе и не нужно. Мне утром позвонили, нужно было поговорить с режиссером, поскольку он не может сорвать двести миллионов на блокбастере. Тебе позвонили, кто-то умер. Так что очевидно, ты думаешь, твоя работа важнее.

У Тома снова раздался сигнал. Тот же номер.

— Тебе лучше ответить, — сказала Джоан. — Может, кто-то еще умер.

— Мы можем продолжить этот разговор в музее?

— Трус гораздо больше подвержен ссорам, чем человек, сильный духом.

— Что это? Это цитата Джефферсона? Ты только что процитировала мне Джефферсона?

— Напиши мне, когда отменишь, — сказала Джоан, а затем повесила трубку.

Том хотел рассердиться, но он не хотел снова пропускать звонок.

— Манковски.

— Детектив, вы сейчас в офисе? Я могу подойти.

— Кто это?

— Ферос.

— Простите?

— Детектив Ферос Нафиси.

— Простите?

— Я программист полиции Чикаго. В ноутбуке Кендал Хеффертон я нашел улики. Вы же ведете это дело?

— Я и Рой Льюис.

— Могу я подойти?

— Да. Конечно.

— Сейчас буду.

Том открыл папку, в которой содержался отчет с места преступления первой жертвы. Он позволил себе вернуться к этому. Ее вид, привязанной к кровати, изуродованной почти до неузнаваемости. Запах. Кровавая надпись на стене. Тому не было чуждо насилие. Ему доводилось видеть его. Он попадал под горячую руку. Но это было совершенно новым психотическим уровнем. Здесь все было тщательно спланировано. Преступник получил доступ к квартире, пронес свои средства пыток, скотч, кляп, хлороформ и маску. Но в убийстве было так много необузданной ярости, так много жестокости, все это выглядело работой кого-то очень невменяемого.

— Детектив?

Том испугался, когда кто-то рядом с ним заговорил. Он поднял взгляд.

— Я Ферос.

Парень, который протянул руку, выглядел очень знакомо, а Том спрятал свое удивление.

Он был очень похож на Максима Чмерсковского, что означало, что он был похож на того подозреваемого, которого описала Таня Бестрэйфен, и, по ее словам, он покинул квартиру второй жертвы.

Мужчина истекает кровью.

Мужчине больно.

Мужчина тянет за цепи.

Мужчина знает, что бежать некуда.

Мужчина думает о монстрах.

Мужчина знает, что они существуют.

Мужчина кричит.

Мужчина кричит на себя.

Мужчина кричит на весь мир.

Мужчина знает, что прощения нет.

Ни для кого.

Кендал ответила на звонок своего сотового.

— Але?

Сначала была тишина. Затем:

— Думаешь, уже достаточно настрадалась за свои провинности?

Голос казался каким-то странным. Далеким. — Але?

— Пощади. Прошу.

— Кто это? — спросила Кендал.

— Эринии не знает пощады. Лишь наказание.

— Не причиняй мне снова боли.

— Это твои грехи причиняют тебе боль. Я здесь лишь для кары.

Послышался потрескивающий звук, а из-за крика на руках Кендал все волоски встали дыбом.

Ужасные звуки продолжались. Порка и крики, Кендал поняла, что она слушала, как кого-то избивают.

Она отключилась, держа телефон на расстоянии вытянутой руки.

Звонящий неизвестен.

Какого черта только что произошло?

Кендал выскочила из своей комнаты и рванула на кухню, пронесшись мимо Линды и схватив стакан, сушащийся в раковине, и налила себе немного воды из-под крана. Она опустошила его в несколько глотков.

— Жажда так сильно замучила? — смеясь, спросила Линда.

Кендал не ответила, снова наполняя стакан.

— Эй, подруга, ты в порядке?

Кендал выпила воду и перевела дыхание. — У меня только что был очень странный звонок.

— Странный, типа грязный? Какой-то парень дрочил и стонал? Да ты счастливая шлюшка! У меня никогда не было таких звонков.

— Я имею в виду, что кого-то избивали.

— Это еще развратнее.

— По-настоящему избивали. Кричали из-за того, что были избиты до полусмерти.

Линда подняла брови. — Это шутка, что ли?

Кендал облокотилась о стол, ее плечи резко опустились. — Если и была, то несмешной.

— А откуда?

— Было написано, что номер неизвестен.

— Ты можешь набрать *67 или *69, чтобы перезвонить ему, даже если он неизвестен.

— Я не хочу ему перезванивать.

— Дай мне мобилу.

Кендал заколебалась, затем протянула Линде свой телефон. Линда сделала несколько движений по экрану.

— Когда тебе звонили?

— Минуту или две назад.

— Здесь нет об этом записи.

— Что?

— Последний твой принятый звонок был вчера.

— Но кто-то только что...

— Ты могла его удалить?

Лицо Кендал было измученным. — Я не знаю.

— Если ты удалила его, то перезвонить никак нельзя.

Линда передала телефон. Кендал уставилась на него, задаваясь вопросом, действительно ли это произошло.

Спала ли она?

Всего лишь сон?

Галлюцинация?

Галлюцинации были главным симптомом шизофрении. Еще одним была паранойя. Если постоянно думать о людях, которые наблюдают за тобой.

Кендал слегка осмотрела все камеры на кухне. Люди на самом деле наблюдали за ней.

Но они ли хотели добраться до нее?

Она подумала о фургоне, преследующем ее по пути на занятия. Было ли это реальностью? Переписывалась ли она с Allec2? Звонили ли ей сейчас?

Или прошлые недуги вернулись к ней и теперь охотятся за ней?

— Скромняжка? — окликнула она ее псевдонимом. — Ты ужасно выглядишь.

— Думаю, мне нужно пойти прогуляться. Можешь пойти со мной?

— Сочинение по истории. Нужно повырезать и повставлять что-то из страниц википедии и немного изменить, чтобы тест не завалить. Мой профессор ищет фразы в гугле.

Кендал схватила ее за руку. — Просто дойдем до закоулка, возьмем по мороженому или чего-нибудь другого. Я угощаю.

— Ты же знаешь, что я не диете, сучка.

— Ладно. Пойдем за сельдереем. Хорошо?

— Слышала, что в сельдерее калорий почти нет. На самом деле он даже сжигает их.

— Тогда пошли. Куплю тебе десять фунтов сельдерея, и у тебя уже будет 2 размер к тому времени, как мы вернемся.

Линда состроила такую гримасу, словно она страдает сильным запором. — Оо, ну это навряд ли, но мне действительно нужно доделать эту работу. Я сегодня уже достаточно нагулялась.

Линда покинула кухню. Кендал снова глянула на свой телефон.

Я стерла номер?

Или, может, Линда его стерла?

Или же паранойя, что каждый преследует тебя?

Кендал закрыла глаза. Она подумала о своем отце. Обо всех вещах, что он сделал с ней. Обо всех вещах, которые он угрожал сделать.

Но он ушел. Уже давно. Кендал нужно было зарабатывать деньги в интернете через веб-камеру, и мог быть лишь один шанс на миллион, что ее отец как-то ее нашел, если бы так было, то она бы убежала в том, в чем была одета, и не останавливалась, пока бы подошвы ее обуви не стерлись.

Кендал открыла глаза, заставляя себя не смотреть на любую из камер, но она чувствовала, как к ее телу тянутся руки и лапают. Ей нужно убираться отсюда. Немедленно.

Она отсчитывала шаги — восемнадцать — к входной двери, три раза прикоснулась к

ручке, прежде чем повернуть ее, и затем до угла магазина ей оставалось шестьсот восемь шагов.

На двадцать девятом шагу она задрожала. Было холодно, а она не надела пальто. Она скрестила руки, таким образом, обняв себя, и ускорила шаг.

Повернув за угол на сто пятьдесят пятом шагу, Кендал увидела фургон. Такой же, который, возможно, преследовал ее ранее. С темными, тонированными окнами, он полз на маленькой скорости.

В ее направлении.

Кендал застыла. Ей следует бежать? Вызвать полицию? Ущипнуть себя, чтобы убедиться, что это не галлюцинации?

Фургон затормозил недалеко от нее и остановился, двигатель все еще работал.

Беги! Сказала себе Кендал.

Но она забыла свой счет.

Она не могла дышать, как и прежде. Ее ноги начали дрожать, а стопы словно в землю вросли.

Этот угол был 155. Она это знала. Но сколько еще шагов она прошла с той точки? Десять? Пятнадцать?

Боковая дверь фургона медленно открылась.

Кендал в панике оглянулась, ища помощь. Впереди, приближаясь к ней, была полицейская машина.

Мне нужно закричать. Если я закричу, полиция остановится.

Но ее легкие застыли, как и ее ноги. Она наблюдала, с намочшими от слез глазами, как машина копов проехала мимо.

Дверь фургона медленно открылась. Внутри было темно, но Кендал подумала, что увидела, как там кто-то присел. Кто-то, одетый в черное. Но это было странно, как будто там была лишь тень, а не человек.

На чем я остановилась?!?

Кендал начала мысленно считать от 155, надеясь, что нужное число окажется знакомым. Из-за недостатка воздуха у нее закружилась голова, а тень внутри фургона, казалось, переместилась и повернулась, как если бы собиралась напасть.

Сто семьдесят два, сто семьдесят три...

Вот это! Сто семьдесят третий!

Она вдохнула воздуха и помчалась назад к своей женской общаге, и бежала она по мере того, как быстро могла считать. Когда она добралась до дома, задыхаясь и трясясь, и попыталась ровно удержать ключ, чтобы воткнуть его в замочную скважину, ее телефон завибрировал, прислав сообщение.

Кендал не хотела смотреть.

Но все равно посмотрела.

Можешь убежать. Но я все равно знаю, где ты живешь.

Кендал медленно обернулась и увидела черный фургон, припаркованный всего в нескольких метрах от нее.

Затем весь мир закрутился, ее ноги подкосились, и она потеряла сознание.

— Детектив Нафиси? — спросил Том, уставившись на человека, стоящего рядом с его столом.

Мужчина протянул руку, и с удивительной силой пожал ею руку Тома. — Зовите меня Ферос.

— Том.

— Я хотел сделать это при личной встрече, Том, по двум причинам. Первая, я хотел встретиться с вами. Я слышал о Южной Каролине, через что прошли вы с Роем Льюисом. Должно быть это было удручающе.

Том кивнул. — А вторая причина?

— Я нашел кое-что в ноутбуке Кендал Хеффертон, и мне нужно проверить лично с вами, — Ферос посмотрел на пустой стул напротив Тома. — Могу я присесть?

— Пожалуйста.

Ферос подтянул его поближе к Тому, затем развернул его и сел верхом, словно на лошадь, руками уцепившись за спинку стула. — Я слышал, что вас пытали, — сказал Ферос.

Том ничего не имел против людей, которые были прямы, но что-то в Феросе было отталкивающим. Том чувствовал себя так, как будто его тщательно рассматривали.

— Что вы нашли? — спросил он, игнорируя его примечание.

Ферос на секунду уставился на Тома, затем сказал. — У жертвы были проблемы с одним из ее интернет клиентов. Он киберпреследовал ее.

— Это отслеживаемо?

Ферос снова выдержал паузу. — В некоторой степени. Однако, чем лучше киберпреследование, тем сложнее его отследить. Вы много знаете о компьютерах?

— Как любой другой, я полагаю.

— Когда устройства связываются друг с другом в компьютерной сети, у каждого есть лишь один адрес Интернет-протокола. Его можно отследить, если кто-то не предпринял меры удостовериться, чтобы этого не произошло. Если это что-то наподобие электронного письма, то IP-адрес записывает. Но в чате жертва использовала вебкам-моделинг, отследить случившееся практически невозможно. Как только преследователь отсоединяется, его уже никак нельзя найти. Но Кендал оказалась умна. Она сохранила скриншоты домогательства. В последний раз он использовал имя *Тисифона*. Его грозы совпадают с тем, как она была убита.

— Как пишется Тисифона? — спросил Том, с ручкой в руке.

Ферос объяснил.

— У вас есть эти скриншоты?

— Я отправил их вам до того, как еще пришел. Проверьте, получили ли вы их.

Том развернулся к экрану компьютера, получил доступ к электронной почте своего отдела, и увидел новое сообщение от суперныйхакеркоп17. Том кликнул на него, потом кликнул на вложения, воспроизведя слайд-шоу из снимков. Изображение Кендал Хеффертон было на половину экрана, снимок из ее прямого эфира. Она была в дамском белье, выглядя так, словно ей было отвратительно. Том понимал из-за чего. На другой половине экрана были сообщения из чата. Том прочитал несколько угроз от Тисифона и сам тоже почувствовал отвращение.

— Мда, он довольно чокнутый, да? — спросил Ферос.

Том кивнул.

— Продолжайте смотреть. Предпоследний jpeg файл был получен на электронную почту Кендал. Другое имя, но стиль тот же.

Том нашел его и начал читать.

Маленькие девочки, которые делают плохие вещи, должны быть наказаны. Смирись со своей судьбой и смирись со своим наказанием. Отмщение идет из крови Урана, шлюха.

— Можно отследить электронный адрес?

— Уже отследил. Нажмите на последнее изображение.

Том нажал. Он уставился на экран, моргнув несколько раз, запутавшись.

— Не признаете его? — спросил Ферос, прищурившись.

— Я не понимаю, — признался Том.

— Так сложно понять? — спросил Ферос. — В ноутбуке Кендал я нашел лишь одно письмо. Вы знаете, откуда оно отправлено?

— Конечно же, нет. Откуда мне знать?

— Оно отправлено с вашего аккаунта.

Эринии наблюдает.

Легко наблюдать, когда так много камер.

Камеры в предприятиях.

Камеры на улицах.

Камеры в домах. Камеры наблюдения. Скрытые камеры.

Камер на компьютерах. На планшетах. На мобильных.

Делаешь селфи? Эринии может увидеть его.

Видео разговор? Эринии может наблюдать за ним.

Сидишь в интернете? Эринии может включить твою веб-камеру и смотреть на тебя, а ты даже этого не знаешь.

У твоей электронной книги имеется камера?

Взгляни. Посмотри по краям. Эта камера спереди, в самом верху?

За тобой прямо сейчас следят?

Что это внизу? Микрофон?

Кто-то слушает твоё дыхание? Слушает, как ты прокашливаешься? Записывает каждое твоё движение, каждый звук?

Насколько безопасна твоя сеть?

Насколько неуязвим твой пароль?

Думаешь, что твой брандмауэр непобедим?

Думаешь, что антивирусная программа сможет тебя защитить?

Ты действительно думаешь, что в безопасности?

Здесь не существует такого понятия, как безопасность. Если ты подключен к интернету, если ты часть сети, если ты онлайн или в телефоне, просматриваешь новости, разговариваешь, болтаешь, переписываешься, тебя могут увидеть.

Ты напуган?

Выглядишь напуганным.

Том уставился на Фероса. — Вы думаете, это я отправил это письмо?

— Вы мне скажите. Бывалый коп, прошедший через ужасные испытания, стал опасно ненормальным, начал следить за вебкам моделями.

Том собирался было запротестовать, но Ферос улыбнулся, впервые за все время. — Нет, это не вы. Без обид, чувак, у вас мозгов для этого не хватит.

— От практического обвинения меня в убийстве вы перешли к тому, чтобы только сказать, что я идиот.

— Посмотрите на свой стол, детектив. Что это? — указал Ферос.

— Мои заметки.

— Написанные на бумаге? Ручкой? Вы что, неандерталец? Вы что, не знали, что для этого есть программы? Вы слышали о печатании? Голосовой записи? Стилусах для цифровых записей?

— У ручки никогда не кончается батарея, — сказал Том.

— Пододвиньтесь, — Ферос подтолкнул Тома в сторону, приникнув руками к клавиатуре. Промелькнуло несколько окон, слишком быстро, чтобы Том мог это увидеть. — Вы были мистифицированы.

— Мистифицирован?

— Кто-то подделал ваш адрес отправителя, обставив все так, словно это вы отправили письмо. Когда последний раз вы запускали антивирусную программу?

— Эм...

Ферос несколько раз кликнул мышкой. — Ответ, который вы ищите — *никогда*. Так что либо у вас Троян, либо червь, либо кто-то использовал фальшивую рассылку. Мне нужно провести анализ.

— Вот почему вы хотели встретиться, — сказал Том. — Проверить мой компьютер.

— Или арестовать вас, если бы попытались сбежать, — Ферос ухмыльнулся.

— Сколько это займет? — спросил Том. Он хотел поближе взглянуть на снимки экрана с компьютера жертвы, которые Ферос прислал ему.

— Час. Может больше. Зависит от того, есть ли у вас заражение, и насколько все плохо, — Ферос вытащил флэшку из своего кармана и подключил ее в USB порт компьютера Тома. — Я захватил с собой немного основных инструментов. Если мы счастливички, и этот парень взломал ваш компьютер, возможно, я смогу его найти.

— Вы сможете распечатать эти скриншоты для меня?

— Распечатать? — Ферос сказал это слово так, точно она было ругательством. — Почему вы хотите убивать деревья, мужик? Вам не нравятся деревья?

— Я хотел...

— У вас нет электронной почты на телефоне? Подождите-ка, у вас все еще нет даже телефона-раскладушки, верно же? Вы еще скажите мне, что у вас одна из этих старых Моторол РАЗР в чехольчике, — Ферос начал смеяться.

— У меня Айфон, — сказал Том. — Последняя версия. 4.

— 4с?

— Эм, нет. Просто 4, не с. Отстаю всего лишь на одну модель.

— Последняя версия это 6с. Вы отстаете на пять моделей.

Том поднялся. — Я буду за столом моего партнера, если понадобится.

Том забрал свои от руки написанные заметки и документы по этому делу, прошел за рабочее место Роя и присел. Затем он уставился на заставку экрана, Чунь Ли из серии видео игр «Уличный боец». Чунь Ли не вдохновила собой. Но работа детектива не включала в себя вдохновение. Она была в том, чтобы топтать тротуары и проводить исследования. И пока Рой ушел топтать тротуары, ища видеоматериалы преступника, Том открыл гугл и нашел *Тисифона*. Ник того парня, который изводил и, возможно, убил Кендал Хеффертон.

Тисифона, Мегера и Алектэ — три дьявольских богини в греческой мифологии, известные как Эринии или Фурии.

Том видел слово *Фурия* написанное на стене с последнего места преступления. Он стал читать дальше.

У них были крылья воронов, налитые кровью глаза, носили короны из живых пауков и наказывали нечестивых за их преступления болью и пытками.

Том кликнул на гипер-реалистичный рисунок сердитой, как ведьма, женщины с пауками в ее волосах, сдирающей кожу со спины кричащего мужчины шипованным хлыстом.

Он искал больше информации, выучил все об истории фурий, их изображение в искусстве и литературе. Они были пугающими, садистическими натурами, единственной целью которых было причинить страдания. Том читал научную статью о перемещении греческих богов в раннее христианство, и о том, как Фурии преобразовались в демонов, утащив грешников в ад для искупления.

У Тома не было сомнений, что это — его убийца. Псих, который мстительным божеством, вымещал свои извращенные действия на вебкам моделях. Как и его мифический коллега, он сначала выслеживал и преследовал своих жертв, мучая их, прежде чем ворваться в их жизнь, чтобы пытать, а затем убить.

Том вернулся к первому отчету, к убийству Кендал Жанпинг, совершенному свыше пяти недель назад. Они с Роем взяли подробное интервью у вебкам агентства, на которое она работала наряду с конкурентами. Их конфиденциальность была на высоте. Модели могли жить в любой точке мира и имели полный контроль над списком клиентов. К примеру, вебкам исполнитель, который живет в Чикаго, может ограничить доступ к своей странице кому угодно из Чикаго, Иллинойса или Среднего Запада. Их местонахождение скрыто от клиентов, и агентства давали моделям советы касательно того, как сделать область работы не отслеживаемой. В отличие от секс-работниц, экзотических танцовщиц или взрослых актеров, которые ходят на встречи и приветствуют поклонников, в частности вебкам моделей было сложно найти. И в этом был смысл. Ты бы не хотел, чтобы преследователи нашли тебя. Но также ты бы не хотел, чтобы твой почтальон признал тебя из-за твоего шоу вибратором «Хитачи».

Вебкам модели не использовали свои настоящие имена. Все сайты были обеспечены безопасностью, использовали защищенное соединение. Модели могли блокировать отдельных пользователей или целые регионы. Тем не менее, Снайпер нашел двух жертв, и их обеих звали Кендал. Не их модельные имена. Их *настоящие* имена.

Если это был тот же самый сайт, Том мог бы кого-нибудь заподозрить в нем. Но, во всяком случае, два агентства не были никак связаны.

— Эй, Ферос, — позвал Том через стол.

— Что?

— Насколько сложно взломать зашифрованный сайт?

— От многого зависит. Разные сайты имеют разный уровень защиты. Что за сайт?

— Порно сайт. Вебкам модели.

— Слишком жадны, чтобы заплатить?

— Я хочу знать, как Сниппер узнает, кто эти модели и где они живут.

Фером отвернулся от компьютера Тома и сцепил пальцы за своей головой. — Способов много. Смотря какими средствами и программами. Он мог взломать исходный код, чтобы найти пароли. Если у этого сайта HTTPS, то он мог использовать атаку полным перебором.

— Звучит жестоко.

— То есть ты используешь программу, которая произвольным образом подбирает пароли, пока один не сработает. Технически, ее можно использовать во всех системах. Зависит от надежности пароля, это может занять минуты, а может и тысячелетия. Например, у меня займет тридцать секунд, чтобы взломать ваш пароль от Фейсбука. Для заметки, фамилия плюс год вашего рождения – то, что используется миллионами людьми. Так же как и числа по возрастанию, например 1-2-3-4 или слово *пароль*. Надеюсь, ваш банковский пароль не такой простой. Некоторые придурки используют свой номер социального страхования. У любого, кто обворовывает ваш кошелек, есть ваша страховка. Люди идиоты.

Том мысленно взял себе на заметку, что стоит сменить банковский пароль. — Если бы вы следили за вебкам моделями по имени Кендал, как бы вы это сделали?

— Я бы нашел самый популярный сайт вебкам моделей и разузнал пароли администраторов. Это бы дало мне доступ к веб-мастеру, а потом я бы смог найти личные дела сотрудников.

— Что бы мне понадобилось, чтобы вы начали поиски?

— Тогда вам нужен был бы ордер. Но вы его не получите. АНБ отклонит этот запрос, вы не сможете просто так хакнуть всю страну, надеясь найти доказательства преступления. Это устроено не по законам или конституции.

Том знал это. Но он хотел заложить эту мысль в голову Фероса, в том случае, если мужчина захочет сделать небольшой взлом все обычного рабочего времени. — Возможно, это единственный способ поймать его. Разузнать, кто его следующая жертва. Ею будет вебкам модель из Иллинойса по имени Кендал. Как много их здесь с таким именем?

Кендал открыла глаза, не понимая, где она находится. Линди смотрела вниз на нее.

— Эй, шлюшка. Ты до чертиков нас напугала.

Кендал осознала, что лежит на диване в гостиной. — Что произошло?

— Мы слышали, как что-то ударилось о входную дверь. Это была твоя голова. Ты отрубилась на пороге.

Она начала искать больное место на голове, в итоге нашла шишку. — Как давно это было?

— Да только что. Мы вот собирались уже звонить 911.

Кендал увидела Хилди на кухне, с трубкой стационарного телефона в руке.

— Нет! — сказала Кендал, громче, чем ей хотелось. — Я в порядке. Мне не нужен доктор.

Кендал знала, к чему бы это привело. Если бы она сказала кому-то в скорой помощи о том, что слышала и видела, они бы взяли ее под наблюдение. Это означало, что она бы пропустила несколько дней учебы. Или недель, если бы они сочли проблемы ее ментального здоровья достаточно серьезными. Кендал сама могла с этим справиться.

— Я в порядке, — она кивнула Хилди. — Seriously. Просто споткнулась.

Хилди сказала. — Как скажешь, — и положила трубку.

К Кендал вернулась память. Темный фургон. Сообщение. Она проверила свои карманы. — Где мой телефон?

Линда поморщилась, а затем передала Кендал Самсунг Гэлакси, экран потрескался паутинообразным образом. Кендал потянулась за ним. Телефон даже не включился.

— Дерьмо, — выругалась Кендал.

— У меня есть шесть старых телефонов. Можешь взять один мой. Только свою СИМ карту вставь, он отлично будет работать. Но тебе следует это обыграть, — Линда наклонилась и прошептала. — Сделай чат, покажи всем. Им станет жалко тебя, а затем заплатят бешенные чаевые.

Кендал не хотела делать чат. Она хотела убраться подальше ото всех этих камер. Она чувствовала всех их, словно это был вес, давящий на нее. Дрель, просверливающая ее кости. Но сама идея покинуть дом ужасала ее. Может, фургон был всего лишь галлюцинацией, а, может и нет. Так или иначе, Кендал не была готова это доказать. Ей просто необходимо время побыть наедине, чтобы подумать. Какое-нибудь темное и тихое место.

Подвал?

В женской общаге был еще незаконченный подвал, цементный пол и стены, открытые балки и колонны. Там было пыльно, и вероятно было полно пауков.

Нет, спасибо.

Тогда в ванной. Камеры отключены, даже при том, что Кендал как никогда сильно нужны были деньги.

Кендал сказала. — Хорошая идея, — Линде, а затем поднялась. Она ощутила легкое головокружение, которое быстро прошло, а затем начала отсчитывать шаги до своей спальни. Три раза она прикоснулась к дверной ручке, зашла внутрь и закрыла за собой дверь.

После того, как она убедилась, что все камеры отключены, Кендал зашла в свой ноутбук. Она уставилась на встроенную веб-камеру на верху экрана, нахмурилась и заклеила

ее клейким стикером. Затем она отправилась в гугл и забила в поиске «шизофренические галлюцинации». Она нашла обычные сайты; Википедия, Национальные институты здравоохранения, ВебМД, но обо всем этом она уже знала много лет. Прими таблетки. Заведи дневник. Борись с голосами в своей голове.

Что, если это были не голоса? Что, если это был фургон? Или текстовое сообщение?

Появилось чат облако. Подписчик, который хотел заполучить Кендал. Она кликнула на *игнорировать*.

Облако снова появилось.

Я знаю, что у тебя начались галлюцинации.

Кендал застыла.

Я могу помочь тебе.

Кендал не знала, что делать. Если это было галлюцинацией, то, как рекомендовали доктора, нужно столкнуться с ней лицом, приказав ей уйти.

Но если это был какой-то извращенец, преследующий ее, Кендал нужно было это доказать.

Как? Сделать фото экрана? Ее телефон только что сломался.

Можно было ли еще как-то сделать снимок экрана?

Кендал загуглила.

Ты не можешь игнорировать меня, Кендал. Я твоя судьба.

Кто ты? Напечатала Кендал.

Некоторые зовут меня Мегерой.

Чего ты хочешь?

Того же, что и все люди. Я хочу, чтобы справедливость восторжествовала. А нечестивцы были наказаны.

Кендал быстро прочла, как сделать изображение экрана. Все, что ей нужно было сделать – это нажать на кнопку PSTSCN. Но где она находилась?

Шлюхам нужно наказание. Я могу дать тебе Епитимью за твои грехи.

Откуда мне знать, что ты настоящий? Напечатала Кендал.

Ты узнаешь, что я настоящий, когда воткну в тебя нож.

Кендал нашла кнопку PSTSCN, которая находилась над кнопкой INSERT. Она нажала на нее. Ничего не произошло.

Она снова вернулась к странице Гугл и поняла, что ей необходим фотошоп или что-то подобное; какую-нибудь программу для рисования или изображений, чтобы вставить снимок экрана, который она сделала. Она кликнула на иконку Пуск и начала искать арт-приложения.

Что ты делаешь?

Она кликнула на папку Стандартные. Здесь! Программа под названием Paint.

Остановись, Кендал. Я тебя предупреждаю.

Кендал открыла Paint и нажала на Вставить. На странице появился скриншот чата, и окно, предоставляющее возможность выбрать формат сохранения. Кендал выбрала jpg и...

Ее компьютер отключился, оставив Кендал смотреть на черный экран.

Джоан смотрела на черный экран, затем она включила ноутбук Тома. Когда он зажужжал, возвращаясь к жизни, она отпила свое пойло, которое в его доме называлось кофе. Его Мистер Кофе был уж совсем древним, у него было даже больше чешуи, чем у комодорского варана. И не в воде была проблема, потому что она использовала в бутылках. Проблема была исключительно в машине. Каждый раз, когда Джоан приезжала, она боролась с позывом купить новую. Но это была территория Тома, а мужчины не любили, когда в их пещере происходят изменения. Вообще, она могла бы перекусить в старбаксе, но Джоан была голодна, и если бы она пошла в кофейный магазин, она бы не смогла отказать себе в булочке. Это бы испортило ей аппетит и нарушило ее предстоящий ужин с Томом, который, как она ожидала, все еще должен случиться, несмотря на все знаки, указывающие на его отмену. Поэтому либо это отстойное пойло, либо остаться без кофеина, а Джоан нуждалась в кофеине как аквалангисты в кислороде.

Том разрешил ей пользоваться его компьютером, но все же оставалось ощущение, будто она шпионила за ним. Они встречались уже несколько лет. Из-за большого расстояния их интимные отношения находились на грани, это могло бы измениться, если бы они стали вместе жить. Но сейчас Джоан находилась в *его* маленьком доме, пила *его* дерьмовый кофе, сидела на *его* бугорчатом диване вместе с *его* ноутбуком, которому уже было восемь лет, и пользовалась Вай-Фаем, скорость которого была меньше, чем у Пони Экспресс.

С другой стороны, это место пахло Томом, что она очень любила. И, безусловно, она любила его.

Но она не любила жить без него, не любила Чикаго и его работу, которая была хуже, чем какая-нибудь любовница, потому что любовницы обычно стояли на втором месте, а Том ставил свою работу на первое.

Джоан знала, что она тоже ставит свою работу на первое месте, но она получала в десять раз больше денег, чем он, поэтому она могла позволить себе двойной стандарт.

После просмотра сообщений на телефоне, от которых должно было стать больно, Джоан заметила папку на рабочем столе Тома под названием *СНИППЕР*.

Не думая, она кликнула на нее, и картинки начали мелькать в слайд шоу.

Большая ошибка.

Джоан продюсировала несколько фильмов ужасов. Она даже сделала сиквел в франшизе о серийном убийце, который соорудил свое уникальное оружие, которое либеральная пресса ликующе отклонила как *порно с пытками*. Самой же Джоан в прошлом пришлось столкнуться с насилием от рук некоторых людей, которые были худшими из худших, которых только могла предоставить история.

Но она никогда не видела ничего подобного как на этих картинках, ни в жизни, ни в фильмах. Они выходили за все рамки непристойности. Эти бедные девушки были безжалостно разделаны как... эм... мясо. Будучи в ужасе Джоан не могла отвернуться, в то время как одно фото за другим отпечатывалось в ее мозгу. Но к тому времени, как она закрыла папку, увиденное Джоан уже никогда не забудется, и это будет преследовать ее всю оставшуюся жизнь в ночных кошмарах.

Как Том мог это терпеть?

Почему он продолжал подвергать себя подобному злодеянию?

Джоан даже не думала о замужестве, а тем более о детях. Но если Том был тем парнем, с которым она собиралась провести всю свою оставшуюся жизнь, то как она могла позволить подобной тьме осесть в ее семье? Джоан стоило больших усилий отделиться рабочую жизнь от личной, и для нее плохим днем было тогда, когда какая-нибудь суперзвезда устраивала очередной скандал на съемочной площадке. Том же имел дело с действительно очень серьезным темным дерьмом. Она видела его угрюмого. Но когда это угрюмость стала нормой? Джоан встретила бывшего босса Тома на рождественской вечеринке, женщину по имени Джек Дениелс. У Джоан сложилось впечатление, будто Джек подожгла себя. Джек была крепкой бабой, но работа измотала ее.

По какому пути шел Том? Какое тут удовольствие от ловли психов? Разве это не оставляет на твоей душе пятно, когда приходится иметь дело с людскими страданиями?

Именно в этот момента паук решил заползти на ее руку.

В длину он был меньше сантиметра, коричневый, его волосатые лапки щекотали, когда он пробежал по ее большому пальцу.

Джоан вскрикнула, затем как *я девушка, которая ненавидит такие мерзкие вещи*, она отряхнула кисть руки, затем уже всю руку, потом волосы, и, в конце концов, она не смогла сдержать дрожь.

Она тут же возненавидела себя за такую глупую реакцию. Джоан сталкивалась в своей жизни с некоторыми пугающими вещами. Пугающими в плане того, что они были угрозой для ее жизни. Из-за слишком острой реакции на насекомое она почувствовала себя слабой и растерянной.

Когда она была в третьем классе, ее укусил паук, и один ребенок в школе рассказал ей, что он отложил яйца у нее под кожей и что свора маленьких паучков выйдет из нее. Когда укус опух, у Джоан началась истерика, и ее матери пришлось ее забрать.

Как-то раз Джоан предложили продюсировать фильм об убийцах-пауках, но она отказалась без раздумий. Экранизация стала хитом. Но она его так и не посмотрела, выбросив этот фильм на DVD.

Она проверила свою руку; паук, конечно же, исчез, поскольку она швырнула его через комнату. Затем она быстро осмотрела свое тело и окружающую обстановку. Если у Тома завелись пауки, то она не останется здесь ни на одну ночь. Это был Иллинойс, дом для печально известных коричневых пауков-отшельников. Укус коричневого паука отшельника был очень ядовит, и он вызывал все больше ежегодных смертельных исходов, чем от черной вдовы. Они оставляли за собой увечья, которые оставались на всю жизнь, что было почти так же ужасно, как и смерть. В отличие от ее в третьем классе мучительной сказки, укусы коричневых пауков отшельников были реальны и довольно серьезны. До ее длительного пребывания у Тома, она исследовала среднезападных пауков и змей. В интернете Джоан видела картинки опухше-лопнувших ран от укусов паука с черноватой некротической тканью, которую должны были хирургически удалить.

Мог ли этот быть коричневым пауком отшельником? Джоан не задерживала на нем взгляд, чтобы заметить характерную для него форму скрипки на спине. Также это мог быть еще один кусатель известный как, верите в это или нет, *агрессивный домашний паук*. Только подумав об этом названии, Джоан пробила дрожь. Если у Тома...

Зазвонил ее телефон, Джоан так сильно испугалась, что снова взвизгнула. Она сделала глубокий вдох, прежде чем посмотрела, кто это был.

Том.

И Джоан догадывалась, почему он звонил.

Раздражение заменило страх, и она взяла трубку.

— Привет, детка. Кое-то важное только что пришло. Я немного опоздаю.

— Конечно же, как без этого, — сказала она. — Увидимся, когда ты вернешься домой.

— Я все еще могу устроить поздний ужин.

— Я уже поела, — соврала Джоан.

— Уже?

— Ты знал, что в твоём доме есть пауки? Один практически укусил меня.

— Я... эм... Я не знал этого. Может, мне позвонить кому? Дезинсектору?

— Ты же знаешь, что я не люблю пауков, Том.

— Ты в порядке?

— В порядке. Иди ловить своего плохого парня.

Джоан повесила трубку, затем пошла, чтобы найти свою куртку. Она возьмет чего-нибудь выпить в Старбаксе и булочку. Может, несколько булочек.

Тем временем Эринии наблюдает за ней через веб-камеру ноутбука.

Острая боль от слов Джоан была все еще свежа, когда Том сел в свою машину, чтобы встретить своего партнера. Рой позвонил ему пять минут назад, чтобы дать Тому новое поручение в том районе, чтобы тот искал записи с камер видеонаблюдения. Он не нашел каких-либо доказательств, подтверждающих существование мистического мужика, которого упоминала Таня. Но он достал видеозапись с камеры круглосуточного магазинчика, где Таня проходила мимо витрины, сжимая огромную связку, завернутую в пластик.

— Было похоже на душевую занавеску, — сказал Рой ему.

Том заметил исчезновение душевой занавески из квартиры Кендал Хеффертон. Пластиковая душевая занавеска была легким способом, чтобы завернуть кровавую улику и взять ее с собой с места преступления, вместо того, чтобы где-нибудь закопать ее.

Затем Рой позвонил в «Эй-Би-Си Ньюс», у которых было множество дорожных камер и веб-камер в реальном времени по всему городу, которые и захватили в обзор Таню в двух кварталах отсюда несколько минут назад.

Без пластикового свертка. Она выбросила его.

Поэтому Рою и Тому необходимо было найти мусорный контейнер. Согласно быстрой проверки Гугл карты, было шесть возможных маршрутов между двумя ее появлениями на видео, и шесть переулков, где бы она могла выбросить занавеску.

По пути к тому месту, Том набрал номер Тани Бестрейфен, который она им дала.

Номер был отключен.

Том связался с диспетчером, чтобы определить местонахождение квартиры Тани и данные из министерства транспорта. Адрес Тани и имя было фальшивкой.

Их разыграли.

Пока горел красный свет светофора, Том загуглил Бестрейфен.

Это означало *наказание* на немецком.

Том до боли стиснул зубы. Человек, звавший себя Таней Бестрейфен, мог быть Снайпером, а они просто позволили ей свалить с места допроса, даже не удостоверившись в правдивости ее слов.

Он нашел Роя в переулке на Хальстед, уставившегося на мусорный контейнер, выглядя так же жалко, как и Том.

— Ну и запах, — сказал Рой.

— Это точно. Пришлось попотеть.

— От нас несет, как от копов. Но я говорю о мусорном баке. Воняет как, словно кого-то стошнило на мертвое шимпанзе. В общем, мы позвоним кое-кому в униформе, и пускай тут все разгребают. Это отвратительно.

Запах ударил в нос Тома, из-за чего его носовые волосинки встали дыбом, а глаза заслезились. Он нервно сглотнул. — Неплохая идея.

По крайней мере, это не было плохой идеей до тех пор, пока мусоровоз не стал подъезжать к переулку.

— Черт, Рой, мусор сегодня забирают.

— И? — Том посмотрел на лицо партнера, когда до него дошло. — Вот дерьмо. Они могут забрать улику.

— Если уже этого не сделали.

Если Таня была убийцей, то ложь полиции не была достаточной, чтобы свалить все убийства на нее. Им нужно было вещественное доказательство. Им нужно было нечто, завернутое в душевую занавеску.

Том поднял свой значок и подошел к грузовику. Мусорщик был похож на парня, который рос, чтобы стать мусорщиком, он носил уставшее от жизни и полное подозрительности выражение лица.

— Что?

Чикагцы были не очень разговорчивы.

— Мы ищем улику, которую выбросил убийца. Возможно она где-то на твоём маршруте.

— И?

— Насколько большой твой маршрут?

— Такой большой, что я поздно приезжаю, а босс не платит без сверхурочных.

Том мог прикинуться мудаком, начать угрожать, быть таким копом, которого ненавидит народ. Но вместо этого он пошел другим путем.

— Да ни хера. Нас, гражданских служащих, вообще не уважают. Мой босс тоже козел. Он заставил меня бродить по проулкам, когда моя девушка в отъезде.

— Ну и сколько?

— Десять минут, максимум. Мой партнер проверит кузов твоего грузовика, я проверю мусорный контейнер, а вы ребята пойдете и принесете мне кофе.

Том достал десять баксов.

— Это Чикаго, офицер. Где мы достанем два кофе за десять баксов?

У Тома было в кармане еще четыре бакса. — Это все, что у меня есть.

— Я не обязан это делать, вы же знаете. У вас даже нет ордера или судебного приказа.

— Я знаю. И ценю это.

— Давайте по-быстрому тут, — сказал мужчина, ударяя по гидравлическому переключателю, чтобы поднять засов и открыть кузов.

— Есть запасные перчатки? — спросил Том.

— Для не имеющего четырнадцати баксов — нет, — затем он выбрался из кабины и направился к его партнеру. Они вдвоем издали громкий смешок, а затем направились вдоль по улице. Они обошли Старбакс и зашли в бар.

— Они ушли, — сказал Рой.

— Да ты прям детектив.

— Ты не заплатил им за то, чтобы они разгребли этот мусор?

— Я заплатил им, чтобы они сходили за кофе.

Рой сделал лицо мистера Яка. — И что, мы теперь будем все это разгребать?

— Цепочка доказательств. Если они трогали связку Тани, то есть еще один способ для защиты адвоката, чтобы дискредитировать это.

— Так у них были перчатки?

— У меня есть резиновые перчатки в машине.

— Резиновые перчатки не защитят меня от гепатита, если я уколюсь об иглу какого-нибудь нарकोши.

— Тогда постарайся не колоться об иглу какого-нибудь нарकोши.

Том забрался на сторону грузовика и заглянул в кузов, быстро выяснил, чтобы предстоящая задача была невозможна. В глубину мусоровоз был несколько метров, и уже утрамбованный. Чтобы толком разгрести его, Тому нужно было разрешение завести

грузовик, чтобы вывалить его куда-нибудь, и просмотреть все это командой, как минимум из пяти копов. И это только в одном грузовике. В этом округе должны были быть дюжины мусорных баков и контейнеров. Все они должны быть проверены.

Это означало звонок капитану, выделение средств, место, персонал. Вполне выполнимо; Снайпер был громко известен, и мэр был не пожалел бы ни каких средств, чтобы поймать его. Но на это дело надо было уделить всю ночь, за что Джоан бы на него обиделась.

Но это был отпуск Тома. Может быть, он мог бы обратиться к хорошей стороне Роя, и попросить партнера взять дело на себя, без него. Это стоило...

— О черт, только не это!

Том быстро перевел взгляд на Роя, который отходил от мусорного контейнера, держась за запястье, тогда как кровь стекала из его порезанной руки.

— Быть НЕ может!

— Это была игла? — спросил Том.

— Это была гребаная крыса. Томми, гребаная краса только что укусила мой палец.

Том почесал подбородок. Это будет чертовски долгая ночка.

— Позвони в полицию, — сказала Линда, сидя на кровати Кендал.

— И что я скажу? У меня даже нет никаких доказательств.

Кендал более или менее рассказала Линде обо всех произошедших странных вещах, опуская усиливающуюся возможность того, что все это было в голове Кендал. Если это действительно было психическое расстройство, то Кендал сама с этим разберется. Она скорее умрет, чем вернутся обратно в психушку.

Линда прикусила нижнюю губу, выпячивая губки для камер, которые Кендал отключила. Она от природы была хамкой, из-за чего были проблемы.

— Тогда нам нужно откопать какие-нибудь доказательства. Получается, что тебе уже и звонили, и писали на телефон и в чате?

Кендал кивнула. — И фургон, что преследовал меня.

— Ладно. Давай поищем фургон.

Линда взяла руку Кендал, вывела ее из комнаты и затем они направились к входной двери. Кендал знала о камерах, что они наблюдают за ней. Наблюдал ли за ней преследователь прямо сейчас? Или он все еще на улице, в фургоне? Или она просто сходила с ума?

Если я действительно схожу с ума, хочу ли я знать?

Кендал заколебалась, остановившись.

— Боишься, что он там? — спросила Линда.

Кендал бы больше испугало то, если бы его там не было, но решила умолчать об этом. — Можешь проверить, ради меня? Пожалуйста?

— Тебя действительно это так пугает?

Кендал кивнула. Линда пожала плечами, подошла к двери и выглянула. Она задержалась в таком положении на десять секунд.

— Эй, подруга, — сказала Кендал, не выдавая имя Линды на камеры.

Линда не ответила. Она вообще не двигалась. В голове Кендал пробежал смехотворный сценарий фильма ужасов. Линда была так напугана, что не могла двигаться? Кто-то удерживал нож у ее горла? Упадет ли она назад, как срубленное дерево, со стрелой, торчащей во лбу?

— Эй!

Линда наконец-то высунула назад свою голову, с серьезным выражением лица.

— Он там? — спросила Кендал.

— Черный фургон?

— Да.

— А водитель одет в клоунскую маску?

Кендал заморгала. — Что?

— И у него с собой гигантский топор?

Кендал почувствовала, как все ее тело напряглось, а мочевого пузыря сократился в два раза. — О чем ты?

Линда растопырила дверь, показывая пустую улицу. — Там вообще никого нет, подруга. Если там и был фургон, то он уехал.

— Но ты же сказала...

— Да я прикалывалась над тобой. Что, на твоей планете шуток не существует?

— Не смешно это.

Линда драматически закатила глаза. — Да все из этого смешно. Если ты не можешь просто посмеяться на жизнь, то она того не стоит, — она захлопнула дверь. — Так что дальше? Ты сказала, что этот извращенец угрожал тебе в чате? Ты сообщала о нем модам?

— А?

— Модераторам. Сообщала о нем? Они сохраняют записи чатов, и IP-адреса, чтобы всякие уроды не ошивались. Мы все прошли через это, когда ты еще только присоединилась к дому, шлюшка.

— Я... эм...

Линда взяла Кендал за руку. — Пошли.

Они зашагали в комнату Кендал, и она была так сильно занята подсчетом шагов, что уловила не все сказанное Линдой. Они сохраняют записи чатов? Если так, то это могло послужить доказательством Кендал. Либо ее кто-то преследовал, либо она была уже на пути к Городу психов, из-за возвращения болезни.

Линда зашла в компьютер Кендал — как она узнала пароль? — и открыла чат-приложение.

— Как ты...?

— Я зашла под именем администратора. Это как был за кулисами в программе.

— Тогда как...?

— Да-да, я шарю в компах. Это мое призвание, знаешь ли. Когда мне было шестнадцать, я совершила свою первую DoS-атаку. Разбила большую нефтяную компанию. Бомбардировала их картинками морских выдр на побережье. Ладно, тут запись твоего чата за последние два часа. Кто из них преследователь?

— Он использовал ник Мегалон, или что-то наподобие этого. А до этого Алекс2 или Алек2.

Линда пролистала последние сообщения. Тех угроз, по словам Кендал, не было.

— Детка, я ничего не вижу. Уверена, что сидела со своего аккаунта? Может ты зашла под именем другой сестры?

— Нет. Это был мой аккаунт.

О господи, я спятила. Мне придется вернуться в больницу? Смогут ли они меня заставить? Я уже не малолетка. Может, стоит проверить инфу на счет того, что в психушку попадают добровольно. Что, если я не хочу? Может, пока не поправлюсь, не возвращаться в институт. Без медикаментов. Но как я могу...

— Погодь, дай мне провести сканирование. У меня есть анализатор трафика в сети. Может, кто-то полазил тут. Каждый третий захудалый хакер с небольшой мощностью компьютера может пойти грубой силой искать пароли. Есть такие программы, которые не являются генераторами случайных чисел. Они начинают с самого очевидного, имен и простых числовых последовательностей. Ты удивишься, как много людей используют даты в паролях. Быстрая система может проверить каждую дату в истории человечества за микросекунду. Если ты использовала свою годовщину, то ты в... эй, что это? Похоже, что у нас посетитель. Давай проверим его IP.

Кендал наблюдала без каких-либо представлений о том, что делала Линда.

— Располагается в Гуаме. Черт возьми. Он использует Тор.

— А?

— Луковая маршрутизация. Он меняет локации пользователя, скача по всему миру, так они могут быть анонимными в сети.

— Это мой преследователь?

— Вообще без понятия. Может и да. А может быть хозяин нашего веб-кам сайта, который просто любит анонимность. Может также быть какой-нибудь подросток, который не хочет платить за месячную подписку. Или просто кто-то любопытный.

— Ты можешь его заблокировать?

— Я не знаю, как он проникает внутрь сети. Возможно, он вообще законно здесь. И даже если бы я смогла заблокировать его IP, он бы смог просто зайти под другим. У нашего сайта приличное шифрование, но нет такой вещи, как полная безопасность. Все, что относится к интернету, может быть скомпрометировано. Современная компьютерная безопасность не для того, чтобы оставлять людей в стороне. А для того, чтобы быстро обнаруживать их, как только они войдут.

— Тогда что мне делать, когда он вернется?

— Доложи модам. И сделай снимок экрана.

— Жутко.

Линда вышла из системы и отстранилась от клавиатуры. — Добро пожаловать в двадцать первый век. Никакой приватности. Никаких секретов. Все мы живем в аквариуме, где каждый может за нами наблюдать. Радуйся, тебе, по крайней мере, за это платят. А за ничего не подозревающими сосунками шпионят через их веб-камеры на телефонах и планшетах, причем они не получают при этом ни копейки, да и вообще понятия об этом не имеют.

Покуда ночь продолжается, Эринии слушает.

Приложение в телефоне детектива Тома Манковски связано с его камерой и микрофоном, но мобильник в кармане копа, поэтому ничего, кроме черноты не видно. Тем не менее, Эринии может слушать.

Уличные звуки.

Грузовик.

Разговор людей.

Партнер Тома, Рой Льюис, говорит что-то о лопате.

Они роются в мусорном контейнере. Ищут душевые занавески.

Удачи. Это не тот мусорный контейнер.

Идиоты.

Однако попались они довольно быстро. Быстрее, чем ожидалось. Эринии допускала, что это может произойти, но все равно была удивлена.

Вынюхивайте, собачонки. Идите по следу, посмотрим, куда это вас приведет.

Эринии отходит от компьютера, направляется в свою комнату. Идет вдоль коридора, останавливается и смотрит в зеркало в полный рост. Эринии изучает себя, пробегается пальцами по тонкому подбородку, опускается ниже к шее.

Индивидуальность. Некоторые рождены с этим. А некоторые приобретают позже.

Некоторые меняют ее. С помощью пластики. Флюидов. Орел или решка, зависит от того, какая тебе выпала сторона.

— Я вижу тебя, — говорит она монстру в зеркале.

Эринии долгое время боролась с ночными кошмарами. Но секретом в победе над ними было то, что психиатры тебе никогда не расскажут.

Боль может пройти. Самое быстрое лечение твоего страдания это заставить кого-то тоже страдать.

Затем она идет к своему шкафу в спальне, чтобы проверить свою багажную сумку.

Не смотря на то, что на этой неделе Кендал уже достаточно долго не включала камеры в своей комнате, она все равно продолжала оставлять их в таком состоянии. Хоть клиенты и платили за просмотр спящих девушек в этом доме, это были легкие деньги, и Кендал это было не по душе. Она могла справиться с тем, что за ней следят в бодрствующие моменты, когда она была на стороже. Но это немного жутко, когда за тобой шпионят в неосознанном состоянии. Она слишком сильно ценила свой сон.

Кендал заползла в кровать, потянулась к своей читалке, дотронулась три раза, а затем включила ее.

Она была на странице 2375 страшной книги под названием *Торговец адом*. Кендал не знала, зачем она читает ужастики. В ее жизни и так полно ужаса. Прошлая ее книга была о кошмарах. Зачем читать о выдуманных кошмарах, когда в этом мире так много настоящих ужасов?

И все же, она упивалась такими вещами. Может, это была такая форма самолечения. Способ выплеснуть стресс. А может, ее просто заводили такие вещи. Но чем больше она в это верила, тем больше Кендал становилось страшно.

Кендал нашла закладку, где она остановилась и продолжила чтение.

Комнатные часы показывали три часа ночи. Время ведьм. Когда ведьмы, демоны и духи наиболее мощны.

Джейден смотрел на свой шкаф.

Там, внутри, был монстр.

Он был уверен в этом.

Хотя когда ему было двенадцать лет, он вообще не верил в монстров. Но эти твари могут существовать, даже если ты не веришь в них.

Но Джейден верил. Ему с Чарли не следовало играть с той колодой таро. Цыганка предупредила их не баловаться с такими вещами. И нечто пробудилось.

Нечто злое.

Нечто, что сейчас находилось в шкафу Джейден.

Джейден схватил свой мобильник, наряду с картой Десятки мечей. Он медленно отбросил одеяло и шагнул голой ногой на холодный, деревянный пол. Эта карта привела монстра. И эта же карта должна его победить. Пол, приняв его вес на себя, заскрипел.

Слышал ли это монстр?

Джейден затаил дыхание. Он смотрел на дверцу шкафа. Он представил монстра по другую сторону, также смотрящего на дверцу. Ждущего для внезапной атаки.

Я СЛЕЖУ ЗА ТОБОЙ

Кендал испугалась. На экране высветилось всплывающее окно. На секунду она подумала, что ей пришло сообщение. Но это должно быть была часть электронной книги, которую она читала. У Джейдена был сотовый в этой истории. А монстр в шкафу, должно быть, послал ему сообщение.

Она продолжила чтение.

Джейден почувствовал, как его мочевой пузырь сжался. Он никогда не был так напуган. Его руки дрожали, и он забыл, как сглатывать, а его глотка стала похожа на гигантский узел.

Он сделал еще один шаг по направлению к шкафу, и пол заскрипел.

Шаг, скрип.

Шаг, скрип.

Шаг, скрип.

Скрип.

Послышался скрип, но Джейден не сделал еще последующего шага.

Этот звук издал монстр.

Он оторвал свой взгляд от шкафа, спрашивая себя, бежать ли. Убраться из этой комнаты, пойти рассказать родителям. Они подумают, что он глупый. Ребенок. Но, по крайней мере, он будет в безопасности.

ТЫ НЕ МОЖЕШЬ УБЕЖАТЬ

Кендал снова вздрогнула. Это было очень похоже на всплывающее окно. Но не похоже, чтобы это было частью электронной книги.

Выглядело так, словно кто-то прислал ей сообщение.

Разве в электронных книжках можно обмениваться сообщениями?

Немного пугает, она закрыла книгу, пошла в гугл, набрав «Можно ли взломать электронную книжку?» и начав пролистывать результаты.

Прежде, чем она нашла ответ, она задалась вопросом посерьезнее. Есть ли у электронной книги камеры? Мог ли кто-то наблюдать за ней через камеру? Наблюдать за ней, пока она читает?

Кендал знала одного парня-параноика, который заклеивал черной лентой камеры на своем мобильнике. Хотя может этот парень наткнулся на что-то.

Что, если кто-то взломал мою электронную книгу и наблюдал за мной прямо сейчас?

Кендал нервно засмеялась. Это было смешно. Этого просто не могло случиться. Это все из-за книги, которую она читала. Автор пользовался самоотсылками, с целью заставить ее поверить, что за ней следили.

Джейден был единственным, кто получал эти всплывающие окна. Должен был быть единственным.

Кендал продолжила чтение, пролистывая вперед к той сцене, где Джейден отвечал на сообщение.

Джейден потянулся к дверной ручке шкафа, но остановился, прежде чем прикоснуться к ней. Сначала ему нужно было рассказать Чарли. Если бы что-то произошло, Чарли нужно было бы знать, что все это из-за их глупого заклинания на вызов демона.

Джейден достал свой мобильник, готовясь набрать номер. Но его батарейка села. Он подумал, что если поставить его на зарядку, попытаться...

Я ВИЖУ ТЕБЯ

Перепуганное сердце Кендал ушло в пятки. Она уставилась на сообщение, ей было

сложно сказать, было ли это частью истории Джейден, или же это происходило с ней в реальной жизни. Телефон Джейдена отключен, но вызванный им демон, возможно, все еще мог присылать ему сообщения сверхъестественным способом. Вероятно, это было...

СКОРО ТЫ УМРЕШЬ

КЕНДАЛ!!!

Электронная книга вспыхнула, и на экране появилась картинка с перепуганным лицом Кендал. Она бросила ее через комнату, прижала колени к своей груди и начала всхлипывать.

Почему это происходит со мной?

Что я сделала?

Я плохой человек? Что же я сделала, чтобы заслужить такое?

Разве я еще недостаточно настрадалась?

Несмотря на панику, к ней подобралась небольшая идея.

Доказательство. Это доказательство. Я могу предъявить это полиции.

Она выползла из кровати, спеша к своей читалке, но перевернув ее, увидела огромную трещину, ползучую вниз по стеклу. Экран был черным. Когда она снова нажала на кнопку включения, ничего не произошло.

Кендал была уверена в том, что видела. Свое собственное лицо и расширенные от ужаса глаза. Это не могло быть галлюцинацией.

Но сделал ли это ее преследователь? Или Кендал всего навсего сделала селфи и себя же сама и напугала?

Она включила свет и вернулась в кровать, слезы обжигали ее щеки.

Камеры в ее комнате были выключены, но она все еще могла чувствовать, как они наблюдают.

Кендал подошла к шкафу, потянулась к своему рюкзаку и достала скотч. Она начала заклеивать камеры в своей комнате одну за другой. Она подошла к столу и выключила свой компьютер.

Вероятно, они выгонят ее из дома. А без денег ее, несомненно, исключат из учебного заведения.

Но на данный момент Кендал это не заботило. Она уже много лет не была так сильно напугана. С тех пор как ее отец...

Перестань. Не хочу об этом думать.

Вообще ни о чем не хочу думать.

Просто хочу спать.

Но Кендал была слишком напугана, чтобы сомкнуть глаза.

— Воняешь помойкой, — сказала Джоан Тому, когда тот пришел домой в два часа ночи. Она сидела на диване с ноутбуком, ее лицо и тон были полностью лишены каких либо эмоций, из-за чего Том подумал, что она в гневе.

— Прости. Я помоюсь.

Он устало потащился в ванную, включил воду и начал раздеваться. Два часа копошения в мусорном контейнере и Том, к счастью, потерял обоняние. Но он знал, что, возможно, его одежду придется сжечь, и он не сомневался, что его машина также провоняла, как и его дом. Он запрыгнул под душ, пока там еще была теплая вода, потянулся к мыльнице, вытащил отколотый кусочек мыла, который был таким же тонким, как и библиотечная карта. Он усердно пытался намылиться этим несчастным кусочком, но так и не смог, и тогда он вышел из душа, чтобы посмотреть под раковиной новое мыло, а потом вспомнил, что это мыло он израсходовал и собирался купить новое еще до приезда Джоан. Он залез обратно в душ, выдавив на свое тело шампуня, и попытался отскрести от себя последние пять часов.

Он так и не смог.

Поиски душевой занавески ни к чему не привели. Они с Роем перерыли весь мусорный контейнер и мусоровоз, а затем они вызвали подкрепление, чтобы те проверили все остальные контейнеры в том районе. Когда Том ушел, мужчины и женщины все еще были по пояс в отходах, а Рой пытался определить местонахождение мусоровоза, который уже забрал остаток мусора.

Вот такой вот отпуск.

После того, как он облачился в халат, который Джоан купила ему во время их остановки в Хилтоне в Беверли Хиллз, Том почистил зубы, прополоскал рот ополаскивателем, и выдавил немного лосьона для бритья, который Джоан ему купила, несмотря на то, что ему он не нравится. Он знал, что она была зла. Черт, да он сам на себя был зол. Время, которое они провели вместе, было замечательным. Поистине замечательным. Но Том знал, что пребывая порознь, отношения становятся слабыми. Нельзя даже сравнивать секс по скайпу, СМСкам и телефону с реальным, когда вы находитесь в одном месте в одно время. Любовь не должна быть на большом расстоянии. Поэтому они договорились, что когда они будут вместе, то наверстают упущенное.

Но Том нарушил правило. Он ранил Джоан. И знал это. А ведь на этой женщине он хотел жениться.

У него был бестолковый план, как компенсировать все это, по крайней мере в ближайшее время. Джоан любила массаж ног. Возможно, это послужит небольшим прощением.

Том проверил гостиную, там ее он не увидел и тогда пошел в спальню.

Джоан, закутавшись в одеяло, мягко посапывала.

Он сел на краешек кровати, призадумавшись. Было бы не очень учтиво ее будить. Но кому бы не понравилось проснуться за массажем ног?

Он нырнул рукой под одеяло, нашел ее ножку и начал мягко ее массировать. Дыхание Джоан изменилось.

— Прости, — сказал он.

— Ты поймал его?

— Нет.

— И стоило это того?

Том понял, что вопрос был с подвохом. Если бы он ответил да, то работа была бы для него важнее, чем Джоан. А если нет, то у него не было причин ходить.

— Я скучал по тебе, — сказал он. — Сейчас я себя очень сильно ненавижу.

— Хотя бы пахнешь получше, — он вытянула ножку и протяжно простонала.

— Хочу загладить перед тобой вину, — сказал Том. — Помнишь, как ты сильно хотела пойти в Бон Нуритюр? Я зарезервировал столик на завтрашнюю ночь.

— Ты терпеть не можешь французскую еду.

— Но я люблю тебя. А ты любишь французскую еду. Ты терпишь мою работу, значит и я могу потерпеть немного фуа-гра.

— Я не люблю фуа-гра. Они силой закармливают уток, чтобы сделать печень жирнее. Это жестоко.

— Так... ты не хочешь пойти? — Том попытался прозвучать более невозмутимо. Он попросил об одолжении весьма неприятного парня зарезервировать столик, и сейчас он его должник.

— Конечно же, я хочу пойти. Их *Coq au vin* оценили как самого лучше в стране.

— Можно ли мне спросить, что это такое?

Джоан села, положив руки на плечи Тома. — Это значит *петух в вине*.

— Ну, — сказал Том. — Мы не обязаны ждать до завтра ради этого. У меня в холодильнике есть Пино гриджо.

Джоан запустила пальцы в его волосы. — Ну, это лишь половина рецепта. А как на счет остальной?

Телефон Тома зажужжал в кармане его халата.

Джоан убрала от него руки. — Ты ответишь?

— Нет. Сейчас я здесь, с тобой.

— Что, если это по делу?

— Я в отпуске. Рой разберется.

— Что, если у Роя какие-то проблемы?

Том поджал губы. Его телефон снова зажужжал.

— Том, зачем же ты тогда включил телефон, если не собираешься отвечать?

— Я думал, что выключил его.

— Думал, что выключил его, и, тем не менее, носишь его в халате?

— Просто скажи, что ты хочешь, чтобы я сделал, Джоан?

— Я просто хочу, чтобы ты был тем мужчиной, который выключает свой телефон, перед тем как лечь в кровать вместе со мной.

Том вытащил телефон из кармана и нажал на кнопку. — Все. Выключил.

— Кто это был?

— Я не смотрел.

— Конечно же ты посмотрел.

Том бы все равно не переспорил Джоан. Она всегда была на полшага впереди него. Умная леди, одна из тех ее черт, которую он любил в ней.

— Это был Рой.

— Это нормально звонить в два часа ночи?

— Нет.

— Так, может, это было что-то срочное?

— Может.

— Так ты хочешь заниматься со мной любовью, тем временем думая о Рое?

— Ага. Нет! Джоан, послушай, я пытаюсь быть тут. У меня был дерьмовый день.

— У меня тоже. Я весь день провела в ожидании своего парня, а ведь если вспомнить, то я прилетела из Лос-Анджелеса, чтобы навестить его.

Том потянулся к ее лицу, чтобы провести по ее щеке, но она отпрянула.

— Джоан, а как насчет того, чтобы игнорировать звонки и продолжить то, на чем мы остановились?

— А мы можем, Том? Возможно ли это? Мы вдвоем будем думать об этом звонке. Ты будешь задаваться вопросом, что же такого срочного могло быть, а я буду думать о смерти другой бедной девушки, потому что я была слишком эгоистична и не отпускала от себя своего мужчину. И к тому же то, что ты не выключил свой телефон, будь то намеренно или нет, показывает то, что для тебя наиболее важно.

Звонок обоих их напугал. Домашний телефон Тома, на тумбочке возле кровати.

— Ты ответишь? — спросила Джоан.

— Предпочту не отвечать.

Джоан взяла трубку, не отводя взгляда от Тома. — Да?

Том услышал извиняющиеся бормотания Роя.

— Все нормально, Рой, я уже проснулась. Он рядом.

Она передала телефон Тому. Он не шевельнулся. Когда ее глаза сузились, он взял трубку.

— Да, Рой?

— Мы нашли душевую занавеску, Том. В нее был завернут нож, кровь еще на нем. Достаточно, чтобы определить ДНК.

— Отлично, Рой. Но это могло подождать до утра.

— Криминалисты сняли отпечатки. Я приехал на место. Том, у нас есть совпадение.

Сердце Тома подпрыгнуло, но он держал свое лицо и голос нейтральным. — Хорошо.

— Том, ты меня слушал? Мы поймали его. Преступник уже занесен в базу. Гектор Валентайн, обвинен в сексуальном насилии. Двадцать восемь лет, живет на Логан сквер в Фуллертоне. Я сделал звонок судье Харбогу, теперь у нас есть орден на дом преступника.

— Это мужчина? Что на счет Тани? Разве она не подозреваемая?

— Может, его девушка. Или дочь. Она соучастник, это мы точно знаем. Черт возьми, а может он так нарядился, чтобы сбить нас со следа.

Том с Джоан продолжали смотреть друг на друга. — Ну, мои поздравления, Рой. Позвони мне завтра, скажешь, как обстоят дела.

— Том, ты пьян? Нам нужно выезжать, партнер.

— Я в отпуске. Ты можешь вести это дело без меня.

— Это все Джоан? Она на тебя злится? Том, мы собираемся поймать серийного убийцу. Это крупное дело. Скажи ей остыть.

— Я скажу ей, — сказал Том, собираясь никогда не говорить ей этого. — Но я не приеду, Рой.

— Ты должен ехать, — сказал Рой.

— Ты должен ехать, — сказала Джоан.

— Видишь, Том? Она сказала тебе ехать.

Том нахмурился. — Да вы вдвоем, оказывается, можете слышать друг друга.

— Твой телефон до смешного громок, — сказал Джоан.

— Она права, Том. Очень громок. Прости, что забираю твоего мужчину, Джоан, но это крупное дело. Ему нужно быть там.

— Он весь твой, Рой. Мы все равно ничего не делали, — Джоан сузила свои глаза. — Я просто собиралась спать.

Ой.

Том послушал, как Рой продиктовал ему адрес. Джоан легла и повернулась к нему спиной.

— С нами будет две команды, Том, криминалисты и группа специального реагирования. Встретимся там?

Том колебался.

— Скажи ему, что приедешь, — сказала Джоан в стенку.

Том вздохнул. — Увидимся через десять минут.

Он нажал на кнопку сброса и посмотрел на женщину, которую любил.

— Иди, — сказала она. — Арестуй плохого парня.

— Джоан... мне...

— Это то, кто ты есть, Том. Я знаю это. И я люблю это. А сейчас иди быть собой.

Том подумал поцеловать ее на прощание, но ему станет плохо, если она его отвергнет, и вместо этого начал одеваться, пытаясь выглядеть так, словно он не торопится.

Спустя шестнадцать минут он уже был перед местом жительства Гектора Валентайна. СРТ – чикагская версия спецназа – уже была задействована, как и Рой с технарями. Том, очевидно, прибыл последним.

Он подошел к Рою, который разговаривал с сержантом специального реагирования с бейджиком Нарушитель, что очень подходило для копа, который врывался в дома и Том задумался, было ли это никнеймом. Нарушитель был одет в стандартную тактическую экипировку, жилет, шлем с лицевой панелью, боевые сапоги, запасной пояс с множеством болтающихся штук, что Бэтмен позавидовал бы. Том слушал выданный Нарушителем план вторжения.

— Четверо парней в переулке, по одному на каждое окно, и четверо на входе. У нас также есть снайперы на крышах, тут и там.

— Валентайн внутри? — спросил Том.

— Тепловые сенсоры что-то засекли на верхнем этаже. Не двигается вот уже пять минут. Похоже, что подозреваемый спит. Мы выдвигаемся туда.

— Удачи, сержант.

Нарушитель кивнул, поправил камеры на каске, а затем приказал остальной команде.

— Диспетчер прочитал мне досье по пути, — сказал Том Рою.

— Ага, типичный отморозок, изнасиловавший шестнадцатилетнюю девочку. И отсидевший семь лет из десяти.

— Работает поваром в закусочной.

— Что ты хочешь сказать?

— Парень бросил школу, Рой. Разве он похож на киберпреступника с хакерскими навыками?

— Отпечатки есть отпечатки, Том. У нас их три, все разные, на занавеске и теске.

— Не знаю. Что-то здесь не так.

— Причина, по которой я так сильно тебя люблю – твой оптимизм.

Они смотрели на видеомонитор техника сзади машины, тогда как сержант Нарушитель вломился во входную дверь. Вход был чист, и за считанные секунды они уже поднялись по лестнице и надвигались на перепуганного, безоружного Валентайна. Меньше, чем через минуту, они уже вытаскивали этого подонка на улицу в наручниках.

— Думаешь, он заговорит? — спросил Рой.

На самом деле, это не имело значения. У них были доказательства. Том полагал, что ЭЛТ найдет в доме куда больше доказательств, что-то, что навело бы на Таню. Такой же злой, какой возможно была Джоан, Том почувствовал всплеск гордости. Причина, по которой он стал копом. Зачищать улицы от плохих людей. Это была важная работа, и он хорошо с ней справлялся. Может она и вмешивалась иногда в его личную жизнь, но...

— О, черт, — сказал Рой.

— Что?

— Посмотри на его руки, Том.

Взгляд Тома упал на спину преступника, к его закованным в наручники рукам.

— О, черт, повторил Том. — Те отпечатки, они были от левши? Указательный, большой и средний палец?

— Ага. Дерьмо.

Дерьмо и даже больше. У Гектора Валентайна было лишь два пальца на левой руке и то не те, которые Том только что упомянул. Том немного знал об отпечатках, но он был более чем уверен, что владельцу тех отпечатков нужно было иметь указанные пальцы, чтобы его осудили. Если только они не найдут отрезанные пальцы Валентайна в коробке в его доме, а так это был не их преступник.

Том пошел вместе с Роем к мужчине. Подойдя поближе, он заметил, что тот выглядел как тот украинский актер с картинки, о котором говорила Таня. Максим, с труднопроизносимой фамилией.

— Когда ты лишился своих пальцев, Гектор?

Том заметил, что культы уже зажили, и, причем, неплохо. Он давно получил эту травму.

Еще в июне. За что вы меня арестовываете? Я ничего не сделал. Я чист. Я не мог ничего сделать, даже если бы хотел.

Валентайн устался на свои ноги. Он казался больше пораженным, чем возмущенным – это не то, что Том ожидал от того, которого копы только что вытащили из кровати посреди ночи. Если он на самом деле был невиновен, то должен был быть злым, а не хмурым.

— Как это произошло?

— Что, вы о моих пальцах?

Том с Роем кивнули.

— Тьма отняла их. Чтобы наказать меня.

— Что это значит, Гектор?

— Я спал в своей комнате. Тьма подобралась ко мне, пока я спал. Отрезала мои пальцы и исчезла.

— Ты принимаешь наркотики, Гектор?

Он впервые встретился взглядом с Томом. — Это не из-за наркотиков! Наркотики не отрезают твои пальцы посреди ночи!

Рой сказал своим безгранично терпеливым голосом. — Расскажи нам конкретней, что произошло.

— Хочу адвоката.

Том положил свою руку на плечо подозреваемого. — Гектор, мы нашли твои отпечатки на месте убийства. Но если ты расскажешь нам о своих пропавших пальцах, то это станет доказательством того, что ты не совершал убийства.

Том заметил, как лицо Валентайна блеснуло надеждой. — Это была тьма! Я клянусь!

— Хорошо, и каким же образом тьма забрала твои пальцы?

— Было поздно. Я лежал в кровати, смотрел телик. И открылась дверца шкафа.

— Кто-то был в шкафу?

— В шкафу была тьма. Она подобралась ко мне. Я поднял свои руки, и тьма отрезала их.

Парень казался вполне убедительным. — Как?

— Сначала они были, потом их не стало.

— Куда они подевались?

— Я же сказал вам. Тьма забрала их. Чтобы наказать меня.

— Как ты узнал, что она это сделала, чтобы наказать тебя? — спросил Том.

— Потому что тьма мне это и сказала.

— Что именно она сказала?

— Она сказала «Ты плохой человек и должен быть наказан».

Конечно, это бы ничего не изменило, но Том все же решил попытаться. — Гектор, эта тьма, можешь описать ее?

— Черная. Самое черное, что я когда либо видел. Нет формы. Я не мог разглядеть края. И она не была большой. Что-то вроде плоской. Как тень.

— Что-то еще?

— Да. У тьмы были глаза, — надежда на лице Валентайна исчезла, и страх занял ее место. — У тьмы были карие глаза.

Через пять минут они уже были в комнате Гектора, одетые в стандартные бахилы и перчатки. Гектор Валентайн был полной свиньей, не только в отклонениях сексуальных предпочтениях, но также и в чистоте. Его дом был свинарником, и воняло в нем также хреново, как и в том мусорном контейнере, который ранее вычищал Том. Старые обертки от еды, грязная одежда и вонь тела, которая прорезалась даже через лосьон после бритья Тома, и это заставило его сморщиться.

— Просто сорок восемь часов и я уже почти готов отрезать свой нос, — сказал Рой.

— И ты будешь страшным.

— Уж с этим я как-нибудь разберусь.

— Взгляни на это с другой стороны. У парня, очевидно, нет горничной. Так, может, мы сможем найти какие-нибудь следы тьмы, даже если им уже пять месяцев.

— Ты веришь в эту чепуху, которую он нам только что наплел?

Том посмотрел на своего партнера. — А ты?

— Он звучал убедительно. Для насильника.

Они обошли выброшенную коробку из-под пиццы, и Том заметил шкаф. Обычная дешевая ДВПшная дверь с алюминиевой ручкой. Он медленно открыл ее, точно некая сверхъестественная тьма сейчас вырвется оттуда и начнет отрубать пальцы.

— Это что, дырка? — спросил Рой, указывая на отверстие.

На внутренней стороне двери было черное пятно, с глазок. Том прищурился.

— Я не знаю, что это.

Он дотронулся до него пальцем. Это не было дыркой. Оно было твердым. И хоть он мог

чувствовать дверь, но на этом месте никакой двери он не видел. Словно его палец трогал что-то одновременно и твердое и пустое. Его фиолетовая нитриловая перчатка замаралась во что-то черное, и это было одно из странных вещей, которое когда-либо происходило с Томом. Там, где чернь замарала его палец, то казалось, что этот кусочек и вовсе исчез. Словно был стерт.

— Только не говори, что кто-то изобрел исчезающий крем для реальности, — сказал Рой.

Том пригляделся. Из-за черни его палец казался двумерным. Никаких углублений. Чернее, чем черный.

— Тьма, — сказал Том.

— Ты хочешь сказать, что какой-то пижон скрывался в шкафу, полностью измазанный во всю эту черную дрянь?

Том кивнул. Он заметил больше черной субстанции на внутренней стороне дверной ручки и ковровом покрытии шкафа. Затем он отошел от шкафа и осмотрел комнату. В углу, на столе, был плоский монитор. Том подошел к нему, и заметил веб-камеру, прикрепленную к верхушке. Она была направлена в сторону шкафа.

Левое и правое полушария мозга Тома выстрельнули несколько идей.

Таня сказала, что тот, кого она видела, выглядел как тот актер, Максим.

Гектор выглядел как Максим.

Таню видели, идущей по улице Кендал с пакетом.

Этот же пакет был найден в мусорном контейнере. Отпечатки на нем принадлежали Гектору.

Гектор лишился этих пальцев несколько месяцев назад. Некто в черном забрал их.

Должно быть Таня забрала их, и оставила их отпечатки на ноже и душевой занавеске.

Таня пыталась подставить Гектора.

Таня знала Гектора?

Гектор был отмечен, как сексуальный преступник. Любой мог посмотреть, где живут сексуальные преступники. База данных находилась в сети. Если Снайпер — а Том предполагал, что Таня была Снайпером — мог хакнуть компьютер Тома, то и компьютер Гектора она тоже могла взломать. Снайпер находил в сети вебкам моделей и наблюдал за ними, прежде чем убивал, возможно, он так же наблюдал и за Гектором. И так же, как и у вебкам моделей, у Гектора не было никакого шанса связаться со Снайпером.

Тупик.

Тогда зачем же приходить в полицию и докладывать фальшь? Зачем наживать себе проблем, оставляя фальшивые отпечатки? Почему нельзя было просто держаться подальше от этого расследования?

Том что-то упускал. Он знал несколько серийных убийц, которые только и упивались вниманием власти и СМИ, но Снайпер, кажется, не гнался за славой. Снайпер в каком-то смысле наводил порядок.

Том подумал о фуриях. Греческих богинях мести.

Наказывающих грешных.

Гектор был грешен. Почему же тогда его не убили, как вебкам девушек? Почему он поплатился всего лишь несколькими пальцами?

Том запомнил кое-то сказанное Гектором на улице. Он повернулся к Рою. — Рация с собой?

— Ага.

— Узнай, не увезли ли они еще Гектора. У меня к нему один вопрос. И добудь АЛС и люминол.

Рой поговорил с Разрушителем, Гектор все еще был в полицейской машине, припаркованной впереди. Рой попросил их оставаться на месте на минутку, и они стали ждать пока придет человек с кинескопом, чтобы обрызгать и осветить.

— Он же сказал, что был в кровати? — спросил Том Роя. — Когда лишился своих пальцев?

— Именно. Вся эта зона, — сказал Рой технарю.

Криминалист начал разбрызгивать люминолом кровать Валентайна, а так же пол вокруг нее. Затем он использовал альтернативный источник света для поиска крови. Если бы здесь что-то было, оно бы засветилось.

Здесь не было никакого ярко выраженного свечения. Том с Роем переглянулись.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Они спустились на первый этаж. Ночь, казалось, стала холоднее, пощипывая щеки и шею Тома. Он отвернул воротник на его пальто в горошек и засунул руки в карманы, затем они направились в полицейскую машину.

Гектор оживился, снова видя Тома. — Вы меня отпускаете?

— Ты рассказал нам, что ничего не мог сделать, даже если бы хотел. Что ты под этим имел в виду?

Гектор прикинулся глуповатым. — Я имел в виду, что я не хотел влезать в неприятности.

— Рой, какое у этого джентльмена досье?

— Он насильник с восемнадцати лет. Возможно, даже с еще раннего возраста, но в колонии зарегистрирован с этого.

— Так почему же ты остановился, Гектор? Потому что побоялся вернуться обратно в тюрьму? Потому что потерял несколько пальцев?

Гектор замолчал и вернулся к своему характерному положению – изучения своих ботинок.

— Когда ты лишился этих пальцев, ты был в больнице? Ну, знаешь, зашить их?

Снова тишина.

— Если ты ходил, то есть записи. Было ли, что ты ходил к доктору, Гектор?

— Я хочу своего адвоката, — пробормотал он.

— У тебя есть полное право звонить своему адвокату, Гектор. Но я здесь пытаюсь помочь тебе. Ты сказал мне, что лишился своих пальцев, когда был в кровати, но в твоей комнате никакой крови нет. После этого случая ты вызывал горничную, чтобы все там прибрать? Или ты что-то недосказал?

Тишина.

Том надавил. — Это ты сам отрезал свои пальцы, Гектор? Отрезал их, чтобы скрыть убийство?

Движение Валентайна было таким быстрым, что рука Тома автоматически схватилась за его пистолет. Гектор Валентайн встал, его лицо исказилось в ярости, а слезы потекли по щекам.

— Ты думаешь, что я сам это сделал, тупая ты свинья?! — закричал он, со скованными в наручниках руками за спиной, выгнув свой таз так, как это делала Ники Минаж в своих

видео.

Том опустил взгляд и увидел место между ногами парня, и там, где, по сути, должна быть выпуклость, выпуклости не было вообще.

— Тьма забралась ко мне в кровать и вырубил меня. И когда я проснулся, то у меня уже не было ни трех пальцев, ни моего добра. Слышал, что я сейчас сказал? Тьма забрала мой хер и яйца. Отрезала нахер все и зашила меня. Все, что у меня есть внизу это гребаная трубка. Так почему бы тебе не опуститься на колени и не отсосать ее, ублюдок.

Том предпочел отказаться от предложения. Они с Роем решили пойти в машину Тома, чтобы скрыться от холода. Том заметил, что он подсознательно переживал за свои причиндалы, как и Рой.

— Я видал всякое дерьмо, но вот это просто крышу сносит, — наконец сказал Рой.

— Насильника кастрировали. Есть в этом какая-то извращенная справедливость.

— Но никакой справедливости в резьбе вебкам моделей. Насильник это насильник. А модель никому не причиняет неудобств.

— Она выставляет напоказ свое тело. Заставляет мужчин хотеть ее.

— Сама напрашивается? Ты тут жертву что ли обвиняешь, Том?

— Просто пытаюсь разобраться, почему Снайпер кастрировал Валентайна и оставил его в живых, но пытал двух моделей до смерти. Кажется несоразмерным. Словно это был не один и тот же человек.

Рой взглянул на Тома. — А что, если и так?

— Ты имеешь в виду...?

Рой кивнул. — Два преступника. Что, если у Снайпера есть сообщник?

Кендал не могла уснуть.

Она была вымотана, но как только она закрывала глаза, то тут же начинала паниковать. Из-за этого она начала считать каждое моргание, начиная сначала каждый раз, когда доходила до сотни.

Из-за этого занятия она задумалась о своем отце. Кендал когда-то этим занималась, когда он приходил в ее комнату ночью. Лежать неподвижно. Считать до сотни. Не кричать, не то хуже станет. Скоро все закончится.

Она не хотела об этом думать. Но она не могла перестать моргать, а мысли сменялись одна за другой.

Свет был включен. Кендал было страшно его выключать, а с ним заснуть она не могла. Она выключила камеры, компьютер, положила свою читалку и телефон Линды на тумбочку возле кровати. Но в темноте она все еще не чувствовала себя в безопасности.

Поэтому она моргнула. Посчитала. Повернулась в одну сторону, в другую. Снова моргнула. Снова посчитала.

Около двух часов ночи она почувствовала, как ее глаза словно что-то выщарапывает. Она посмотрела на лампу возле кровати, нуждаясь в ней и ненавидя ее одновременно. Досчитав очередную сотню, она вылезла из кровати и начала отсчитывать шаги до комнаты Линды. Как и следовало ожидать, ее сестры по дому бодрствовали, общаясь по видео со своими клиентами.

— Иди сюда, шлюшка.

Кендал застыла. Она почувствовала, как камеры смотрят на нее. Точно рентгеновские лучи, сквозь ее халат и нижнее белье. Она снова захотела начать моргать, но люди смотрели. Они подумают, что она фрик. Ее могут выставить из дома. Тогда Кендал не потянет колледж без вебкам дохода.

Не поддаваться подсчету было как не почесать гигантский зуд. Ее разум и тело так отчаянно желали этого, несмотря на то, что Кендал знала, что это невротическое и что это неправильно. Она могла сопротивляться этому небольшой период времени, но невроз всегда одерживал победу. Но Кендал не хотела, чтобы это произошло в комнате Линды, со смотрящими на нее камерами.

— Можешь подойти сюда на секунду? — попросила Кендал. Ее глаза были широко раскрыты, из-за чего она, вероятно, походила на ненормальную, но, по крайней мере, так она могла контролировать моргание.

— Конечно, — Линда вылезла из кровати и встретила ее у порога. — Что такое?

— Не могу заснуть, — прошептала Кендал. — Можешь одолжить свой вейп?

Лицо Линды блеснуло восхищением. — Ты же не любишь ловить кайф. Уверена?

— Да. Это меня расслабит.

— Я тут приобрела сок индики, который чертовски липучий. Сейчас добавлю его.

Линда подскочила к своей тумбочке, помахав своим благодарным поклонникам и сказав им, что вернется через минуту. Затем она взяла Кендал за руку и повела обратно в ее собственную комнату. Они сели на кровать Кендал, и Линда подняла электронную сигарету. Ее основание было из черного металла, прикрепленное к прозрачному пластиковому картриджу, внутри которого была жидкость.

— Это дерьмо чертовски липучее.

— Я постараюсь не пролить его.

Линда улыбнулась. — Деточка, липучее значит, что ты заторчишь на месте. Парочка затяжек и уже не сможешь двигаться.

— Я смогу из-за этого уснуть?

— Эта дрянь даже Снуп Догга вырубит.

Линда поднесла электронную сигарету к губам, нажала на круглую кнопочку сбоку и вдохнула. На секунду она задержала, а затем выпустила сладковатый дым. Запах марихуаны окутал Кендал. Марихуаны и еще с чем-то еще. Клубники или арбуза.

— Достала эту дрянь у парня с биологии. У него глаукома или какая-то другая херня с глазами. Этот везучий ублюдок получил медицинскую страховку. Ты веришь в удачу?

Кендал не была уверена, что наличие глаукомы можно посчитать удачей, но она с охотой приняла переданную ей электронную сигарету. Она курила раньше, и для нее всегда это было слишком тяжело и неприятно. Но когда она вдохнула дым, удивилась, что на этот раз ее легким не было больно. Она выдохнула без обычного сопровождающего кашля.

— Такой гладкий, — сказала она, надеясь, что не прозвучала слишком глупо.

— Ты когда-нибудь вейпила раньше?

Кендал покачала головой.

— Это всего лишь вода с сахаром, наряду с ТНС. А гладкие это сиськи девственницы.

Они еще два раза передали друг другу затащить, и тут Кендал заметила, что она забыла про счет морганий.

А затем все стало таким медленным.

Линда рассказывала о парне с класса биологии, и казалось, что она говорит уже целую вечность, все говорит и говорит, но затем Кендал взглянула на часы, не прошло и минуты.

— Чувствуешь это?

Кендал кивнула, ее голова отяжелела. Она могла улыбаться, но не могла чувствовать свое лицо.

Линда пустилась в другую бесконечную болтовню, а Кендал уставилась на свои руки, задаваясь вопросом, сколько же миллионов лет потребовалось эволюции достичь высшей точки в кашемировом матовом лаке для ногтей. Отчего-то это казалось чрезвычайно глубокой мыслью. Она хотела поделиться этим с Линдой, но тут же забыла, что собиралась сказать.

Через час, а по трезвому времени всего две минуты, Линда начала что-то говорить, что ей надо вернуться в свою комнату, и вдруг она ушла, и Кендал осталась одна.

Но это неплохо быть одной.

К тому же, она чувствовала себя великолепно.

Кендал был великолепно.

Она знала, что была под кайфом, но также она чувствовала, что не может четко видеть вещи. Камеры в ее комнате были выключены, и Кендал подсознательно помнила, что по каким-то причинам она боится их, но сейчас это казалось глупым. Все, произошедшее с ней за последние несколько дней казалось глупым. Глупым и очень далеким.

— Может, я сама себя преследовала, — кто-то сказал. Кто-то, кто звучал в точности как она.

Кендал закрыла свою дверь по привычке, и подумала о том, чтобы обратно включить свои камеры. Затем она подумала о мороженом. Затем она подумала о фильме, который

смотрела, когда была помладше, подумала о людях, которые побывали в центре Земли и в каком-то роде плавали на лодках по рекам лавы, и все это казалось очень забавным попробовать.

Освещение в ее комнате было ярким. Слишком ярким. Кендал выключила его, а затем засмеялась от того, что не прикоснулась к выключателю три раза, как это делала раньше. К тому же, идея подсчета казалась ей смешной. Даже более смешной, чем марихуана, которая все еще находится под запретом, тогда как она без сомнения самая лучшая вещь на земле.

Она легла на свою кровать, в темноте, слушая собственное дыхание, но не считая свои вдохи. Затем она уснула с чувством спокойствия мира и с тем, что все станет хорошо.

Кендал снились пауки.

Большой паук с восьмью красными глазами и длинными волосатыми лапами вскарабкался на ее ногу. Кендал боялась двигаться, ибо у этой твари было два огромных, изогнутых клыка, острых и блестящих как крючки. Он примостился над ее большим пальцем, и она знала, что если двинется, то он ее укусит.

Поэтому Кендал стояла полностью неподвижно. Она не двигалась. Не дышала. Она не хотела делать ничего, что могло бы спровоцировать паука. Он пополз по ее ноге к колену, остановился и начал шептать ей.

— Крошка... паучоооок... из... трубы... бежиииит.

Кендал так испугалась, что проснулась, подскочив в сидящую позицию, похлопывая свои колени. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы сориентироваться.

Я в кровати. Спала. Это был всего лишь сон.

Она прищурилась, оглядывая комнату. Лунный свет прорезал свой путь через щель в оконных занавесках, но этого было достаточно для нее, чтобы увидеть, что она одна.

В ее комнате была только она и тьма.

Кендал обратно шлепнулась в свою кровать. Ее сознание все еще было рассеяно от травмы. Она взглянула на часы. Слегка перевалило за четыре тридцать. Она моргнула, три раза, а затем снова погрузилась в сон.

Паук вернулся.

На этот раз он был у нее на шее. Потом перебрался на щеку.

И стал напевать мягким, низким голосом.

— Вдруг... закапал... доооождик... ииииии... смыл... его... вмиииииг.

Кендал вздрогнула, стряхнув щекочущего паука рукой – и почувствовала его.

Кендал снова проснулась. Паук, должно быть, был сном, но когда она дотронулась, то что-то почувствовала. Что-то, что было мягким и легким.

Также, она чувствовала что-то еще. Что-то куда хуже, чем паук из кошмара.

Кто-то в комнате со мной.

Кендал вглядывалась в темноту, не зная, что ищет. Здесь никого не было. Комната была пуста.

Но она не ощущалась пустой. словно кто-то был рядом. Передвигающийся через то же пространство. Дышащий тем же воздухом.

Стоящий рядом и смотрящий на нее.

— Кто здесь? — прошептала она.

Тьма не ответила.

Кендал задержала дыхание, прислушавшись.

Она ничего не услышала. Ее комната, дом в целом, все было спокойно.
Это был сон. Или травка. У меня начинается паранойя. Здесь ничего...

Затем скрипнул пол.

Рядом с ее кроватью.

Кендал потянулась к лампе у кровати, включив ее.

Свет не загорелся.

Она проделала то же самое еще несколько раз, и в итоге в панике сбросила лампу с тумбочки. Она с ударом упала на пол. Кендал ощупывала пол в поисках лампы. Найдя ее, она снова начала искать переключатель, а обнаружив, нажала на него.

Света нет.

Кендал похлопала ладонью по тумбочке, ища выдвижной ящик, достала свой телефон и включила его. Потребовалось несколько секунд, но телефон включился. Кендал нажала на приложение «фонарик», и комната осветилась в тусклом свете.

Насколько она могла видеть, ее комната была пуста.

Она вернулась к лампе, поставила ее обратно на тумбочку и заметила, что шнур был отсоединен.

Это я сделала?

Может, когда я была под кайфом?

Кендал не могла вспомнить. Она включила лампу в розетку, и на секунду яркость ее ослепила. Она прикрыла свои глаза рукой и снова начала исследовать свою комнату.

Пусто.

Она уже не чувствовала, что кто-то стоит рядом с ней. К тому же, Кендал не знала, было ли это ее воображением. Возможно, в этом не было ничего настоящего, так же, как и прикосновение паука из кошмара. Она спала. Или устала. Или все еще была под кайфом.

Или у нее нервный срыв.

Когда Кендал была помладше, разумные мысли помогали ей держать галлюцинации под контролем. Если она думала, что что-то видела, то это было не по-настоящему, потому что знала, как раскусить это.

Паук у нее на шее, поющий песенку?

Не похоже на правду.

Кто-то в комнате?

Тоже не похоже. В их сестринском доме были замки повышенной безопасности и засовы на каждой двери. Кендал также закрывала свою собственную дверь. Кендал повернулась посмотреть, убедиться, что она закрыта.

Дверь была открыта.

Всего немножко.

У Кендал был один из тех замков, которые можно было открыть только с помощью своего пальца. Но она закрывала его.

Поэтому она либо забыла закрыть его раньше...

Или же кто-то проник.

Еще одна вспышка адреналина и Кендал прижала мобильник к своей груди. Она снова нервно оглянула комнату, думая о том, есть ли где-то здесь место, чтобы спрятаться человеку.

Позади компьютера нет места. Стол был около стены.

Корзина для белья? Она не такая уж и большая.

Кровать?

Когда Кендал была маленькой, у нее была подруга по имени Джулия, которая боялась монстров под кроватью. Они называли себя «Папочка» и заходили через ее дверь.

Но сейчас, от одной только мысли, что под ней кто-то есть, ее начинало трясти. Там кто-то лежит. Ждет, пока она уснет.

Щекочет ее и напевает мягким и низким голосом.

Кендал всмотрелась в край кровати, подняв простынь и увидев, что пружинный матрас был на полу.

Она выдохнула, почувствовав себя глупой. На какой-то момент, она и вправду боялась, что кто-то мог быть под кроватью. Следующее, о чем она подумала – как в той книжке, которую она читала – что кто-то прячется в ее шкафу.

Шкаф.

Кендал уставилась на шкаф.

Дверь была открыта на несколько дюймов.

Она подумала о том, что было в шкафу. Одежда. Ее чемодан. Пластиковая коробка с обувью.

Много где можно было спрятать человека в ее комнате.

Кендал отвела взгляд от шкафа, чтобы взглянуть на дверь.

Я бы могла убежать.

Убраться к черту отсюда.

Разбудить других девушек.

Они подумают, что я спятила, хотя какая разница, ведь из подруг у меня только Линда.

А что, если в шкафу действительно кто-то есть? Лучше ошибиться и выглядеть глупой, чем храброй и мертвой.

Но Кендал знала, что ее не волновало выглядеть глупой. Она боялась выглядеть сумасшедшей.

Кендал скорее умрет, чем вернется в психушку. Там было как в аду. Почти так же плохо, как было и дома. Один из тех невежественных мозгоправов даже дерзнул сказать, что она выдумала все те истории. Что все это было в ее голове. Что не было никаких доказательств вообще, что ее отец...

Дверца шкафа отворилась.

Совсем слегка. Меньше, чем на дюйм. Но Кендал была уверена, что она открылась, хоть и не намного.

Она уставилась на нее, специально не моргая, не дыша, ожидая, когда она снова шевельнется, но в то же время надеясь, что этого не произойдет.

Через минуты Кендал облегченно выдохнула, и ее сердце забило так быстро и громко, что она могла его слышать.

Дверь не шевелилась.

Я схожу с ума.

Или становлюсь еще безумнее.

И что теперь?

Кендал не собиралась обращаться за помощью. Она стала экспертом в том, чтобы держать подальше людей от своего невроза. И она не собиралась прекращать это только из-за того, что затянулась травкой и из-за плохого сна.

Но она никак не сможет снова уснуть, пока не проверит шкаф.

Кендал встала. Она сделала небольшой шагок, вздрогнув от того, что половица скрипнула под ее весом. Словно это было предупреждение для человека в шкафу, к которому она приближалась.

— Это безумие, — сказала Кендал, звук ее собственного голоса успокоил ее. — Меня не щекотал паук. И в моем шкафу никого нет.

Кендал заставила себя пойти нормально. Она дотронулась рукой до ручки шкафа.

Там никого нет.

Я просто свихнулась.

Кендал не знала, что из этого было более пугающе, а вскоре заметила, что ее пробил легкий пот. Но она тронула ручку...

...начала открывать дверь...

...а затем ее телефон вибрирует, и она взвизгивает.

Кендал посмотрела на свой мобильник. Увидела сообщение на экране.

Ты права.

Сообщение от *Неизвестного*. Кендал понятия не имела, откуда это, и что он имел в виду. Но смотря на эти слова, у нее задрожали колени. Она потянулась пальцем удалить это, но ее телефон вновь зажужжал, и появилось другое сообщение.

Это был не паук. Это было перо.

Проверь кровать.

Кендал медленно повернулась. Травка окончательно выветрилась из ее головы, а чрезвычайная бдительность взяла вверх. Она почувствовала себя в каком-то жутком фильме ужасов, объективы фокусируются на ее лице, словно она изо всех сил преодолевала нечто мучительное в замедленном действии, фокусируются на ее расширяющихся глазах, в подтверждение того, что она осознала, в какой ситуации находится.

Там, у основания кровати, половину которого прикрывало ее одеяло.

Длинное серое перо.

Это был не просто сон.

Кто-то был в моей комнате.

Кто-то щекотал меня пером, пока я спала.

Ее телефон снова завибрировал, и он так сильно напугал Кендал, что она его бросила. Телефон упал на деревянный пол, приземлившись экраном вверх, и Кендал смогла прочитать еще одно сообщение.

Ты снова ошибаешься.

Кендал уставилась на телефон. Во рту все пересохло. А мочевой пузырь словно сжался раза в четыре. Затем ее мобильник снова зажужжал.

Я в шкафу.

Дверца шкафа скрипнула прямо перед ней.

Кендал отскочила от нее, ногой ступив на телефон и поскользнувшись, и тогда-то с ее губ сорвался крик – крик был таким громким, что он вполне себе мог разбить стекло – а затем она упала, ударившись о пол. Перед глазами замаячили яркие звездочки, а затем ее взгляд помутнел.

Кендал попыталась отогнать головокружение, которое черной пеленой застилало ее взгляд, но затем тень сдавила ее грудь и схватила за волосы, ударяя ее голову о деревянную поверхность снова и снова и снова...

Пока все не стало расплывчатым, она могла поклясться, что слышала, как тень прошептала.

— До встречи.

Затем ее сознание отключилось и вновь вернулось, словно она пробудилась ото сна, а тень преобразовалась в Линду, которая стояла на коленях рядом с Кендал и держала ее руку.

— Ты в порядке? Ты упала.

Кендал села, так быстро, что у нее закружилась голова. Голова болела. В ушах звенело. Она потрогала свою голову и почувствовала болезненное место у основания черепа. Еще две сестры по дому стояли на проходе, смотря на нее.

— Кто-то был в моей комнате, — сказала Кендал. Ее голос прозвучал тихо.

— Что?

Кендал повернула голову, смотря на кровать.

Перо исчезло.

Она потянулась за своим телефоном, подбирая его.

Сообщения исчезли.

Линда наклонилась, искривив губы в улыбке. — Ты все еще под кайфом?

Под кайфом?

Или сошла с ума?

Она подумала о том ужасном терапевте, когда она была в лечебнице. О той, которая обвинила ее в том, что она все это выдумала.

Может, она была права?

Может, я просто навывдумывала все то насилие?

И сейчас происходит то же самое?

Кендал начала что-то говорить, но слова застряли в ее горле, а она начала плакать. Когда он всхлипывала, Линда погладила ее по волосам.

— Все хорошо, детка. Ты просто напугана.

Напугана это еще мало сказано. Казалось, реальность Кендал начинала разрушаться. Из-за этого она снова себя почувствовала восьмилетней девочкой. Напуганной. Беспомощной. Жертвой.

И не было в мире чувства ужаснее, чем это.

— Ложись в кровать, дорогая, — сказала Линда, помогая ей встать.

— Я слишком напугана, чтобы спать.

— Я останусь с тобой. Устроим что-то типа девичника. Помнишь, как те в детстве?

— У меня такого никогда не было.

— Никогда? Считай тогда, что у тебя и детства не было.

— Ну, примерно так и было.

Кендал легла в кровать, а Линда забралась рядом с ней.

— И что сейчас? — спросила Кендал.

— Ну, когда у меня были девичники, мы обычно делали всякую фигню. Болтали о мальчиках, от которых были без ума. Играли в игры. Я была просто суперзвездой в китайских шашках и в Безумии в торговом центре. Тырили у родителей виски. Читали журналы. Тогда-то я и увидела своего первого идеального мужчину, когда подруга достала Плейгерл. Думаю, это выглядело глупо, — Линда засмеялась. — Я до сих пор думаю, что это выглядит глупо. Ну, то есть, как парни ходят с этой болтающейся штукой между ног?

— Я не знаю, — честно сказала Кендал.

— Иногда мы делали друг дружке макияж. Или сплетничали о команде по лакроссу. Или танцевали под какой-нибудь бойзбенд. Я таааак сильно была влюблена в Ника Джонаса.

— Я не знаю, кто это.

— Ты не знаешь Джонас Бразерс? Они были в Ханне Монтане, еще до того, как Майли начала делать всякие ужасные вещи с ее языком и постоянным раздеванием. Хотя, она клевая. Все в ее руках, ты знаешь? Ее тело, ее правила, а все прочие просто идут к черту. Я тоже хотела быть такой самоуверенной, как она.

Я тоже. Подумала Кендал.

— Что еще вы делали?

— Ну, вот когда первая девочка засыпала, мы клали ее руку в чашку с теплой водой.

— Зачем?

— Чтобы она описалась.

— Зачем?

— Это весело, я думаю. Хотя никто никогда не писался. Они всегда просыпались из-за того, что мы слишком громко смеялись. И не волнуйся, с тобой я этого не сделаю. Я имею в виду, что нам уже не по десять лет. И тем более, я сплю с тобой в одной кровати. Это было бы бессмысленно.

— Линда? — Кендал произнесла ее настоящее имя, поскольку знала, что камеры были выключены.

— Да, шлюшка?

— Спасибо.

— Да без проблем. Сладких снов, окей?

Но у Кендал не бывало сладких снов. И как только она уснула, ей начали сниться монстры.

Эринии сидит в фургоне неподалеку от сестринского дома и наблюдает.

Сегодня не та ночь. Кендал еще не готова.

Но будет. Очень скоро.

Приложение Эринии показывает, что телефон Кендал спрятан. То же самое приложение Эринии загрузил и на телефон копа. Это приложение совершенно бесплатное в Эппл Стор. Элементарная теннисная игра, похожая на Понг. Но это лишь снаружи. На самом деле же это приложение позволяло получить удаленный пользовательский доступ к телефону. Поэтому у Эринии был доступ к камерам телефона, и к прочим другим вещам.

Эта Кендал намного слабее, чем предыдущие ее тезки. Эринии еще не видел, чтобы эта Кендал снимала свою одежду, но это лишь вопрос времени. Она шлюха, как и остальные. Плохая девочка. Любая женщина, которая раздевается перед камерой для мужчин, должна быть наказана.

Ты не должна соблазнять мужчин. Это грех.

Нечестивый грех.

Епитимья уже в пути.

Эринии переключился на телефон Тома. Темнота, но слышится похрапывание.

Епитимья идет и за ним.

Эринии заводит фургон, выезжает на улицу и начинает свою поездку по темным, чикагским улицам.

Он взволнован.

Он был в домах Кендал несколько раз. И у них не было соседей по комнате.

У этой Кендал было пять соседей. Все шлюхи.

Поэтому Эринии задумался. И он так задумался, что практически не заметил у обочины женщину.

Худая. Взрослая. На ее плоских бедрах юбка болтается как квадратный абажур. Ее каблуки такие высокие, что она походила на проститутку. И неспроста. Она и была проституткой.

Он подкатил и опустил окно.

— Сколько?

Она наклонилась, заглядывая в салон фургона. В задней части было темно, так что она не смогла разглядеть, что там.

— Двадцатка за отсос.

Он кивнул и открыл ей дверь. Она забралась.

Взглянув на нее поближе, Эринии думает, что она моложе, чем он предполагал ранее. Возможно, даже подросток.

— Где мне припарковаться?

— Тут сойдет. Эта ночь безлюдная. Никто нас не отвлечет.

То, что я и хотел услышать.

Эринии закрывает тонированные окна, а она достает презерватив из своего кошелька.

— Деньги? — говорит она.

Он вылавливает две десятки из своего бумажника и протягивает их. Она забирает их и наклоняется, расстегивая его ширинку.

Когда она начинает смеяться, он прикладывает электрошокер в районе ее шеи, и ее смачно ударяет током. На протяжении десяти секунд шлюху трясет от двух миллионов вольт, а затем она сваливается ему на колени.

Он связывает ее запястья изолентой. Ее рот. Использует четырехдюймовый металлический пружинный зажим, чтобы прикрепить ее конский хвостик к подголовнику на пассажирском месте. Затем он снова в пути.

Когда она пытается брыкаться, он глушит ее.

— Больно, да? Если еще раз шелохнешься, я приложу его к твоим глазам. Он поджарит твои веки и они полопаются.

Эринии понятия не имел, так это или нет. Но больше она не решалась двигаться.

— Знаешь ли ты, кто такие фурии? — спрашивает он, ведя автомобиль.

Шлюха не отвечает. Она плачет, и ее потекшая подводка делает ее похожей на Элиса Купера.

— Фурии – монстры. У них большие, как у летучих мышей, крылья, и когти на руках и ногах. Красные глаза, красные как кровь. Они носят короны из пауков. Их трое. Алектто. Тильфозия и Мегера. Их создал сам Бог, чтобы наказывать грешников. Грешников, как ты.

Шлюха хнычет сквозь изоленту.

— Похоть – самый худший грех из всех. Это приводит женщин к обману своих мужей. А мужчин к изнасилованиям. Ты продаешь свое тело как мать блудниц. Шлюха Вавилона. Ты приносишь несчастье в этот мир. Твоя душа должна очиститься. Но сначала мне нужно кое-что узнать. И я хочу, чтобы ты сказала мне правду, или я расплавлю твои глаза.

Эринии поворачивается и смотрит на женщину. — Правду, сейчас. Твое имя Кендал?

Она качает головой.

Очень плохо. Девушки по имени Кендал самые худшие грешники из всех. Если бы она была Кендал, ей бы уделили особое внимание.

Эринии едет к своему дому. Заворачивает в переулок к своему одинокому двухместному гаражу, использует электронное управление и загоняет свой автомобиль внутрь.

С загнанным фургоном и закрытыми дверьми гаража, Эринии прикладывает электрошокер к руке шлюхи, пока та не отключается, затем выходит.

Место приятно и пахнет выхлопами и испорченным молоком. Четверть гаража занимают тысяча двести пятьдесят пять галлонов металлических бочек. Бочки черные, из углеродистой стали, эпоксидная покраска, с клапаном в полдюйма на дне. Он забывает, какая из них полная, а какая нет, и постукивает по нескольким, пока не слышит контрольный глухой звук.

Шлюха приходит в себя, когда он погружает нижнюю ее часть тела в бочку. Она сопротивляется ему, но ее руки связаны, а Эринии крупнее и сильнее. После очередного приклада электрошокером, она обваливается.

Еще несколько минут он бьет током ее бессознательное тело.

Ее глаза не расплавились. Они лишь раздулись и стали молочного цвета.

Эринии полностью засовывает ее в бочку, закрывает крышкой наверху стопорным кольцом. Это герметичное уплотнение, и опыт ему уже показал, что когда тело начинает разлагаться, то оно выпускает много газа. Внутреннее давление может возрасти до такой степени, что бочки начинают расширяться. Ни одна бочка еще не протекла, но если бы протекла, то было бы плохо; у разлагающегося человеческого тела особый, сильный запах, который для полиции как большой красный флаг. Чтобы устранить это расширение, Эринии

использует электрические вакуумный насос, чтобы убрать в бочке немного воздуха.

Сорок секунд в вакууме и шлюха приходит в себя. Доносится стук, покачивание, заглушенный крик помощи.

Минуту спустя все прекратилось.

Эринии закрывает клапан, укатывает бочку в дальний угол, рядом с другими десятью полными.

Десять душ, отданные Епитимье.

Десять душ, спасенные от проклятья.

Тяжелая работа. Но она того стоит.

Он идет в свой дом.

Подготавливает и ставит внутримышечную инъекцию Делатестрилом.

Садится за компьютер и открывает ТОР.

Проверяет свой форум.

Натирает гелем Фортеста свое бедро.

Слышит плач, доносящийся из подвала.

Эринии открывает пачку с собачьей едой, раскрывает капсулы клиндамицина, высыпает их в полную бутылку воды, и относит все вниз.

Снова плохой запах. Пора менять ее туалет-ведро.

Высыпает собачью еду в миску и говорит. — Я сегодня спас еще одну душу.

Через секунду смиренный мужской голос шепчет. — Пожалуйста, убей меня.

— Ты еще не искупил свои грехи. Разве ты не хочешь спасения?

— Мне жаль. За все.

Эринии смотрит на ничтожное создание в цепях.

— Как и мне, — говорит он, и уходит обратно наверх.

Тома разбудил телефон.

Но это был не его телефон.

Он кинул взгляд на часы. Чуть больше семи. Затем он повернулся и посмотрел на Джоан, которая покосилась на свой мобильник.

— Работа? — спросил Том.

Он надеялся, чтобы это была работа. Возможно это бы помогло Джоан простить всю ту навалившуюся на него работу за последние несколько дней, которая нарушила их строгое *никакой работы, пока они вместе.*

— Это Триш, — говорит Джоан.

— Девушка Роя?

Джоан кивнула, а затем ответила. — Привет.

Том не мог разобрать слова Триш, но она звучала расстроенной. Он сел на кровати, многозначительно посмотрев на нее. Если с Роем что-то случилось, Джоан бы ему рассказала. Но Джоан вообще на него не смотрела. Она лишь продолжала издавать короткие звуки; угу, хмм, оу, ага, и так далее, что показывало, что она слушает ее внимательно, но Тому это ни о чем не говорило.

Он, наконец, легонько пихнул ее и спросил. — С Роем все хорошо? — она косо посмотрела на него и грубо повернулась к нему спиной.

До Джоан у Тома было еще несколько отношений. Он винил себя в прекращении романов. На работе он думал, что очень даже неплохо разбирается в людях. Свидетелях. Подозреваемых. Копях. Но в личных отношениях Том не был так хорош. Одна из его бывших девушек намеренно обманула его, чтобы увидеть, заметит ли он или нет. Том даже не подозревал, пока не получил приглашение на свадьбу по почте.

С Джоан Том старался быть более внимательным. Он прилагал все усилия, чтобы замечать тонкие вещи, к примеру то, что она говорит под скрытым значением, как смотрит на него, и как часто улыбается. Поэтому, когда она дулась на него, было больно.

Он снова пихнул ее с грустным лицом. Она бросила косой взгляд, закатив глаза, а затем вернулась к ммм-хммм. В конце концов, Джоан закончил звонок словами. — Встретимся там.

— Ну и? — спросил Том.

— Триш думает, что Рой обманывает ее. Это правда?

— Что? Откуда мне знать?

— Вы партнеры и лучшие друзья.

— Да. Но мы парни. Мы редко делимся чем-то личным, а когда делимся, то в основном игнорируем.

— Так он мог обманывать ее?

— Я не знаю. Я думал, он счастлив.

На лбу Джоан появилась складка, показатель того, что он сказал что-то не то. — С каких это пор счастье строится на обмане? Если бы ты не был счастлив со мной, ты бы меня обманывал?

— Нет. Я тебе все докладываю, — Том вытянул руку и погладил бедро Джоан. — Ты знала, что Триш интерсексуальна?

— Конечно. Это что-то решает?

— Нет. Я не знал об этом. До недавнего времени.

— Это имеет какое-то значение?

— Нет.

Она нахмурилась. — Что, если бы я тебе сказала, что я интерсексуальна?

— Я люблю за то, какая ты есть, Джоан. И если у тебя какая-то еще хромосома, то это бы не имело значения.

Джоан уставилась на него, затем обвила руками его шею и поцеловала Тома за ухом. — Это самое приятное, что мне когда-нибудь кто-нибудь говорил.

— А Триш в порядке?

— Она разбита. Она оплачивала счета и увидела выписки кредитной карты Роя. Восемьсот долларов за номер в Шератон. Дата стояла прошлого месяца.

— Она спрашивала его об этом?

— Он на работе. Она боится спросить. Думает, может он это сделал из-за ребенка.

— Ребенка?

— У них был разговор о том, чтобы завести ребенка, а она не может забеременеть. Рой разве тебе не говорил?

— Они что, уже поженились, а я это пропустил?

— Тебе не обязательно жениться, чтобы заводить ребенка, Том. Это тебе не 1950 год. Замужество это древняя, патриархальная традиция, укоренившаяся в религиозной догме и социальном принуждении гендерных ролей. Подожди еще две сотни лет и замужество исчезнет из твоей культуры.

— Seriously? А я думал, что женщин волнует замужество.

— Замужних женщин волнует замужество. А незамужние слишком много веселятся, чтобы заботиться об этом, — она снова поцеловала его в шею. — Мы с Триш вместе позавтракаем. Надо все уладить, ей это необходимо.

— Конечно.

— Плюс твоя работа.

— Никакой работы. Я взял отгул.

— Seriously?

— Ты здесь еще четыре дня будешь, и я не хочу упускать ни один из них.

— Точно?

— Точно. Я клянусь.

На этот раз Джоан поцеловала его в губы. Когда они соприкоснулись языками, она отстранилась.

— Утренний запах изо рта.

— Да все равно, — сказал Том.

— А мне нет. Поцелуй на вкус как мертвый лосось.

— А ты много целовала мертвых лососей?

— Мой бывший не твое дело, — подмигнула Джоан, свесив ноги с кровати, а затем поплелась в ванную. С секунду Том восхищался обзором — разве есть что-то сексуальнее, чем женщина, одетая в твою старую футболку? — а затем пошел вслед за ней.

Его раковина была крошечной, поэтому он стоял позади нее, когда они вместе чистили зубы. Джоан облокотилась одной рукой о раковину, а Том прижался к ее спине и положил свою руку рядом с ее.

Чувствуется... правильно.

Затем он наклонился, чтобы сплюнуть, промахнулся и попал на ее руку.

Джоан засмеялась, и этот смех не был ее типом. Она повернулась и проскользнула в его руки, мятный Колгейт стекал вниз по ее подбородку.

— Знаешь, для чего мы работаем? — спросила она.

— Нам нужны деньги?

— Нет. Мы. Почему мы до сих пор вместе?

— Потому что я очень, очень везучий?

Она усмехнулась, глаза заблестели. — Мы вдвоем очень, очень везучие. И мы оба это знаем. Поэтому мы и работаем.

Джоан поцеловала его, и они вдвоем были на вкус зубной пасты, и, не смотря на то, что Том еще не закончил чистить зубы, она уже сняла свою футболку и его боксеры. Том уже лежал на спине на холодном кафельном полу, пока Джоан забиралась на него, и тут Том осознал, что ему необходимо сделать что угодно, чтобы провести с этой женщиной остаток своей жизни. Даже если ее взгляд на замужество отличен от Тома, то он все равно должен был спросить ее.

Хотя сейчас точно не подходящее время.

Эринии не может видеть их, потому что камера телефона Тома на тумбочке, направленная на потолок.

Но она может слышать.

Том и Джоан сношаются. Как свиньи. Стоны, хрипения и хлопки плоти о плоть.

Грешники.

Эринии больше не хочет слушать, но она бессильна. Она трогает себя между ног. Пробегает рукой по выпуклостям и ребрам.

Наворачиваются слезы, и когда она плачет, она также и кричит; жестким, гортанным звуком, который больше похож на крик чудовища, а не человека.

После того, как Джоан ушла завтракать с Триш, Том заставил себя несколько раз отжаться, затем вытащил из шкафа свою двадцатифунтовую гантель и начал качать сначала левую руку, а затем правую, пока не выдохся. Затем принял душ, размышляя о жизни, Джоан и жизни с Джоан.

Он не думал о Сниппере. Или о своей работе. Или о чем-либо другом, связанным с полицейской работой.

Но все же в нем затаилось несколько неприятных мыслей о его кредитном рейтинге.

После того, как он обтерся полотенцем, взял свой мобильник и десять минут слушал в унижении записи о том, что его кредитная карточка работала, и после еще две не менее унижающих минуты о том, что его кредит не может быть продлен. Все, что у него осталось, это четыре сотни долларов. Также, его счет должен был быть предоставлен через четыре дня; еще не поздно, что его и радовало.

Ладно. План Б.

Том вернулся к своему шкафу и нашел белую картонную коробку под сумкой со старыми свитерами и парой туристических ботинок. Он положил эту коробку на свою кровать и снял крышку.

Последнее, что он помнил это то, что в этой коробке было приблизительно с сотню комиксов. Прежде чем он съехал из дома своих родителей после колледжа, Том позаботился о том, чтобы упаковать каждый выпуск, на всякий случай, если одним днем они будут что-то стоить.

И сегодня он собирался это узнать.

Он вытащил несколько случайных выпусков, отметил, что они в приличной форме, а затем загуглил в телефоне «магазины комиксов в Чикаго». Нашлось много, но самым большим оказалось место, которое также продает спортивные памятные вещи и Б/Ушные драгоценности, называется «Золотые сокровища», расположен на Эддисон.

Том позвонил, чтобы убедиться, что там был оценщик, а затем оделся и закинул коробку в машину. Через двадцать минут он уже проходил через двери, идя по направлению к мужчине старше его на лет десять и с мышинным взглядом, который одет в футболку по сериалу Сосны, и пах он так, словно у него аллергия на принятие душа. Том уперся коробкой об угол и сказал. — Я недавно звонил.

— Ну, давайте взглянем, что у вас есть.

Сотрудник начал вытаскивать выпуски, раскладывая их в только ему известном порядке и что-то бормоча себе под нос.

— Медный век. Очень много медного века. Черепашки-ниндзя. Удивительный человек-паук #238. Новые мутанты. Отряд Альфа. Тайные войны. Возвращение Темного рыцаря. Невероятные Люди Икс #120!

— Это хорошо? — спросил Том.

— Первое появление Полярной звезды, — кто-то сказал позади Тома. На вид тридцать с чем-то, узкие джинсы, хипстерская борода.

— Из Отряда Альфы, — Том помнил персонажа. Канадец, может летать, выбрасывать потоки энергии. Возможно, благодаря супергероям Том стал копом. Хотя Джоан сказала, что Том генетически к этому предрасположен. И под этим подразумевалась шутка.

— Полярная звезда первый открытый гей-супергерой во вселенной Марвел, — сказал Хипстер.

— Серьезно? Я, должно быть, пропустил его.

— ССА этого бы не позволил, — сказал сотрудник.

— Орган по надзору за соблюдением кодекса комиксов, — Том кивнул. Он уже перерос то время коллекционирования комиксов, но все еще мог говорить как нерд. Или как гик? В этом вопросе у него были споры.

— Признался в Отряде Альфа #106. Вышел замуж за Кайла Джинаду в Поразительных людях Икс.

— Номер пятьдесят один, — сказал сотрудник.

— Это чего-нибудь стоит? — спросил Том.

— Я дам тебе сорок баксов за это прямо сейчас, — сказал хипстер.

Сотрудник кивнул. — Возьми, я могу предложить только тридцатку. У него еще много Новых мутантов.

— Карма? — просил хипстер, роясь в куче комиксов Тома.

— Ага, — сотрудник взглянул на Тома. — Гэри коллекционирует ЛГБТ издания.

— Карма была лесбиянкой? — спросил Том.

Сотрудник с хипстером обменялись взглядами, что означало *яшень пень*.

— А какие-нибудь трансгендерные супергерои? — спросил Том.

— Мистик могла менять пол, — сказал Гэри. — И она была бисексуальна.

— Снежный человек. Помнишь возраст Ванды Лангковской?

Том вспомнил, что один из сильнейших участников Отряда Альфы застрял в женском теле по некоторым причинам. Персонажа это немного выбило из колеи. — Как на счет интерсексуалов? — спросил он.

— Сияющий рыцарь в 52 Новинки, — сказал сотрудник. — И Алисия Йео.

— Она транс, — сказал хипстер.

— Ладно. Что на счет Серы из На Службе Асгарда?

— Тоже транс.

— При рождении она была мужского пола.

— Уверен?

Когда они там копошились, Том подошел к витрине с украшениями. Наряду с антикварными брошами и ожерельями было также бросающееся в глаза кольцо. С ярко желтым камнем, недорогое, в серебряной оправе. За последние несколько месяцев ему выпадали случаи заходить в ювелирный, выискивал что-то, что было бы стилем Джоан. Том вытащил телефон и нажал на картинку, думая о том, чтобы показать это ювелиру, возможно, он бы подобрал что-то похожее, золотое и с бриллиантом.

Том походил вокруг, нашел несколько выпусков Фангории, и пролистал немного старого Доктора Циклопуса, пока сотрудник не позвал его.

— Гэри хочет твой Отряд Альфа.

— Заплачу четыреста пятьдесят, — сказал Гэри.

— Справедливая рыночная стоимость. Правда, некоторые в среднем состоянии, но остальные отличные. Темного Рыцаря #1 можно за 700 долларов. У тебя есть первые десять Черепашек-Ниндзя, но состояние очень хорошее. Стоило бы куда больше, если бы ты их не читал.

— Какой в этом смысл? — спросил Том.

— Просто говорю. Самое лучшее у тебя это Новые мутанты #98. Первое появление Дэдпула. Один лишь только стоит 2к.

— Так, сколько вы мне дадите за все?

Он прищурился, затем прикусил нижнюю губу. — Я бы дал... четыре тысячи за все.

— Плюс еще мои четыреста пятьдесят, — добавил Гэри.

Меньше четырех тысяч пятисот баксов? Это было намного меньше, чем ожидал Том.

— Я думал они больше стоят, — сказал Том.

— Мог бы получить больше, если бы по одному продавал на ИБэе. Что я и сделаю с большинством из этого. Ты же их владелец?

Том кивнул.

— За большинство из этого ты платил долларами. Четыре тысячи очень не плохо для тридцатилетних вложений.

Это правда, но Тома не столько беспокоила цена за его товары, сколько приобретение кольца Джоан. Он уже взрослый мужик. Зарабатывает на ловле плохих парней. Но с финансовой стороны его дела обстояли не лучше, чем десятилетие назад. Это было чертовски угнетающе.

— Что вы можете мне рассказать об этом кольце в коробочке? — спросил Том.

— О каком именно? С желтым бриллиантом?

— Это бриллиант?

— Почти один карат. Из белого золота. Компания Картье.

— Французское? Серьезно? — спросил Том. Его подавленность на счет нехватки денег исчезла. С бриллиантом? И французское? Джоан бы понравилось, что оно из Франции.

— Ага. Ему несколько сотен лет.

— Сколько хотите за него?

— Я бы дал не меньше семи штук.

— А как на счет сделки? Эти комиксы на кольцо?

Выражение лица работника стало задумчивым. — Не. Не могу. Оно слишком много стоит. Придется еще доплачивать 1500 долларов.

Том подумал о своем банковском счете, который постоянно состоял из кредитов. Он только что оплатил аренду за квартиру, и тратил деньги в основном на Джоан. Он думал, что у него осталось больше, чем пять сотен долларом, до его получки.

— Как на счет тысячи? — спросил Том. — Хочу сделать предложение своей девушке.

Гэри развел свои руки. — Да ладно, Джером. Парень продает свои комиксы, чтобы пожениться. Сократи ему.

Сотрудник Джером потер свою щетину на лице, затем кивнул. — Ладно. Кто я такой, чтобы препятствовать любви, верно? Комиксы и плюс одна штука.

Том принял от хипстера четыреста пятьдесят баксов – и кто только носит такую сумму с собой? – а затем протянул кредитку Джерому, надеясь, что ее примут.

Прошла минута. Эта минута была некомфортной, потливой, пыхтящей, где каждая секунда была сродни десяти.

— Чертова машина, — сказал Джером. — Все время отключается. Не против, если я от руки напишу транзакцию?

Том не возражал.

Через пять минут он уже сидел в машине с кольцом в руке, смотря на него, улыбаясь так, словно он заключил сделку своей жизни. Он просто знал, что Джоан это понравится.

Это был ее стиль, сразу чувствуется.

Но скажет ли она да?

Том понятия не имел.

Его телефон зазвонил, Том ожидал увидеть на экране имя Джоан. После этого он решил, что встретится с ней, и попросит ее выйти за него замуж.

Но это был Рой.

— Я в отпуске, — сказал Том. — И я тебе это говорил. Неоднократно.

— Но ты все равно ответил. И что это говорит о тебе, братан?

— Я вешаю сейчас.

— Подожди! Мы получили совпадение!

— Ты справишься с этим.

— Можешь секунду послушать? Я не спал всю ночь, работал над этим насильником.

Наш парень, Гектор, сломался. Рассказал о своей группе поддержки для педофилов в сети. *Борись с чувствами*, зовут они ее. Это форум для растлителей детей, которые хотят противостоять побуждению. Поэтому я создал фальшивый аккаунт, зашел, стал копаться, смотреть, был ли кто кастрирован недавно.

Том ничего не сказал.

— Ты еще там, партнер?

— Я слушаю, — сказал Том.

— Потому что хочешь знать, что я раскопал. Этот коп внутри тебя. Эта часть не ушла в отпуск.

— Ты меня просто вынуждаешь повесить трубку.

— Подожди, подожди. Я вступил в один чат. Семь чуваков, Томми! Снайпер обрезал на этом форуме семь чуваков. Наш убийца кастрирует педофилов. Делает этому миру чертовые общественные услуги.

— Мы можем с кем-нибудь из тех людей поговорить лично?

— Тут я тебя обошел. Форум анонимный, по очевидным причинам. Никаких настоящих имен. Поэтому я проверил доменное имя, получил адрес парня, который там заправляет; живет в Бактауне.

Том был всего в нескольких кварталах от Бактауна.

— Тебе нежен судебный ордер, чтобы тот доложил информацию о пользователях.

— Я знаю. Но попросить-то не трудно. Если Снайпер выслеживает парней на этом форуме, то им всех грозит лишиться своего добра. Это куда убедительней, чем ордер, не думаешь?

Это было куда убедительнее. Но это ничего не меняло. — Ты можешь справиться с этим без меня, Рой.

— Я знаю. Но посмотри правде в глаза, наши леди все равно сейчас завтракают.

— Ты об этом знаешь? — спросил Том.

— Ага. Триш написала мне. Сказала, что с Джоан перекусят.

— Она что-нибудь еще сказала? Почему они решили пойти?

— Нет, а что?

Том чуть ли не спросил Роя о счете за отель, но неловкость остановила его. Нельзя просто взять и свалить все это на него по телефону.

При личной встрече было бы лучше. Хотя Том не хотел говорить об этом. Они с Роем во многом были хороши, но личные вещи не входили в этот список. Том не хотел

видеть своего партнера застигнутым врасплох. Друзья присматривают друг за другом, даже когда ошибки уже сделаны.

Особенно когда ошибки уже сделаны.

— Ты сейчас где? — спросил Том.

— В участке.

— Через десять минут подъеду.

— Увидимся, партнер.

Том положил кольцо в передний карман, а затем завел машину. По пути он представлял сценарий предложения. Встать на одно колено? На публике? Сначала рассказать ей все, что он в ней любит, или просто подойти и спросить? Том видел фильм, где парень положил кольцо в стакан с шампанским, но что произошло дальше, он не помнил. Шокировало ее это до смерти? Или проглотила, а потом они подождали денек-другой, пока оно не вернулся?

Пожалуй, таким путем стоит пренебречь.

Рой ждал его на улице около полицейского участка, попивая кофе. Тому он не купил. Когда он запрыгнул в машину, то дал Тому адрес.

— В общем, Триш звонила Джоан расстроенной этим утром, — сказал Том.

Рой не ответил. Он просто ковырялся в телефоне.

— Она увидела выписки по кредитной карте, — продолжил Том. — Какой-то большой счет за отель.

Рой шмыгнул носом.

— Она думает, что ты ей лжешь.

— Я проверил домен парня на судимость. Его имя Деннис Дейл Сиссик. Ничего, кроме имени, я не узнал о нем.

— А еще я продал свои комиксы и купил Джоан кольцо на помолвку.

— Гугл выведет нас на Денниса. У него даже нет странички на Фейсбуке. Ну какой двадцати-с-чем-то-летний не имеет странички на Фейсбуке? Это что, типа не законно?

— Ты меня слушаешь?

— Что? Нет. Я сейчас говорю о том чуваке, которого мы увидим. Что-то мне кажется знакомой его фамилия. Сиссик. Припоминаешь эту фамилию?

Звучало знакомо, но Том точно не мог вспомнить. — Напомнишь?

— Десять лет назад. Один ребенок нашел отрезанный палец женщины на тротуаре. Нам повезло установить личность. Она работала в банке, поэтому ее отпечатки были в системе. Лильяна Сиссик. Замужем и мать. Ее так и не нашли. Ее муж Уолтер возбудил дело о пропавшей без вести на прошлой неделе.

Том кивнул. — Сейчас помню. Во всех новостях показывали. Никто не знал, следует ли это рассматривать как похищение или как убийство.

— Тело так и не нашли. Поэтому я проверил мужа. Срок действия его водительских прав истек несколько лет назад, он их так и не возобновил. Но его адрес...

— Тот, куда мы направляемся.

— Верно.

Том проиграл это в голове. Он не мог разобраться, как женщина, пропавшая десятилетие назад связана с маньяком, разделяющим вебкам моделей и кастрирующим педофилов.

— Я думаю Сиссик и его сын подумали, что мама была изнасилована и убита, а затем создали *Борись с чувствами*, чтобы наказывать других насильников.

— А что на счет женщины?

— Без понятия. Но, возможно, в этом замешано два преступника, верно? Может, один выслеживает мужчин, а другой женщин.

— Может. А может это странное совпадение, и форум никак не связан со Снайпером, который также никак не связан с теми кастрированными ублюдками.

— Совпадений многовато. Не нравятся мне совпадения в расследованиях по убийствам.

— Мне тоже.

— Скажешь что-нибудь о Триш и комиксах?

Том свернул на Артезиан авеню и припарковался рядом с пожарным гидрантом. — Это может подождать. Мы на месте.

Они вышли, опавшие с огромных дубов листья тянулись вдоль улицы, а ветер подгонял их вслед за их шагами. Дом был маленьким, серым, двухэтажным, лестница вела их к входной двери, типичный олдскульный чикагский дом. Со всех сторон его окружала похожая постройка, позади дорожка вела к переулку. Том вытащил из кармана свой значок полицейского, повернул его так, чтобы он висел у его джинсов, и автоматически похлопал по своей куртке, чтобы убедиться, что его Глок был при себе.

Деревянные ступеньки уже как лет двадцать нуждались в покраске, и Том держался за перила, поскольку он не был полностью уверен в том, что они выдержат его вес. Наверху была от руки написанная записка, прикрепленная ко второй двери.

Не стучите. Просто оставьте посылку.

— Ты принес посылку? — спросил Рой.

Том покачал головой. Рой постучал.

Затем он еще постучал, уже сильнее.

Том попробовал со звонком, но звука никакого не послышалось.

— У Денниса есть машина? — спросил Том.

— Грузовой фургон. Форд Транзит.

— Давай проверим гараж, посмотрим, может он не дома.

Когда они обошли дом, Том почувствовал это. Что называется чутьем копа. Небольшое предупреждающее покалывание, с которым что-то было не так.

— Слышишь это? — спросил Рой.

Том вслушался. — Нет.

— Кто-то кричит?

— Я ничего не слышу.

Затем Том кое-что услышал. Что-то очень слабое, но пронзительное. Они ускорили свой темп, обходя вокруг дома, во двор. Там были бетонные ступеньки, ведущие к двери в подвал, но прегражденные полными коробками со старыми газетами. Рой встал на колени рядом с постройкой и прижался ухом к кирпичу.

— Кто-нибудь! — закричал он.

На этот раз Том уже точно знал, что это был крик.

— Тебе нужна помощь? — крикнул Рой.

Донесся заикающийся звук, резкий и отрывистый, который длился несколько секунд. Всхлипывания?

Или что-то вроде обезумевшего смеха?

Рой достал рацию и связался по ней, а Том вернулся обратно к крыльцу. Дверь выглядела тяжелой, внушительной. Окна старые, грязные, железная решетка на них была с

уродливым узором флер де лис. Вероятная причина давала им разрешение войти в дом, но это было не просто.

— Как долго ждать подкрепления? — спросил Том партнера.

— Три минуты. Придумал, как войти?

— Просто так не получится, — Том ударил по задней двери, выявляя себя полицейским.

Из подвала послышался еще один скорбный вопль.

— Том! Со стороны дома!

Том по дорожке последовал за голосом своего партнера. Он уставился наверх в боковое окно, которое было около трех метров над землей.

— Собираешься взлететь туда?

— Полезай на мои плечи. Ты сможешь дотянуться.

— А может лучше ты на мои плечи?

— Я больше вешу. Мускулистее. Давай.

Рой сплел свои пальцы вместе, и Том ступил на его руки, уперся ладонями о дом и взобрался на плечи. У этого окна не было решетки, но оно было непробиваемым с проволочной сеткой внутри стекла. Том взгляделся, но ничего не смог разобрать в темной комнате.

— Это непробиваемое стекло, — сказал Том. — Не думаю, что смогу его разбить.

— Проверь, может оно открыто.

Снаружи никакой ручки не было, поэтому Том достал раскладной нож Эмерсон с переднего кармана своих джинсов, и просунул лезвие под окно. Он предварительно проверил, не согнется ли его нож, а затем окно поднялось на несколько сантиметров.

Том сложил свой нож, засунул обратно в карман, просунул пальцы вниз и поднял. Окно открылось, хоть и не с легкостью. Воздух внутри был теплым и слабым, неприятного запаха; нечто среднее между общественным туалетом и школьным спортзалом.

— Открыто. Подсади меня.

Рой шмыгнул, руками взялся за ноги Тома, и на протяжении нескольких минут они воспроизводили неловкий акробатический акт, пока он не поднял Тома достаточно высоко, чтобы тот забрался внутрь.

— Открой мне входную дверь, — сказал Рой.

Том остановился, наполовину повиснув в оконной раме, давая своим глазам абстрагироваться к темноте. Через пятнадцать или около того секунд он уже мог разобрать кровать и комод. Том сдвинулся, затаскивая себя внутрь, сначала он уперся руками о пол, пока не просунул ноги, и в итоге он оказался сидящим на коленях.

Запах был сильным, терпким, с химическими нотками. Он почувствовал, что комната пуста, но недавно в ней кто-то был. Том вспомнил, как ощущался его дом, когда он вернулся от Джоан; после недельного отсутствия воздух всегда был несвежим, а в квартире было душно, словно то место знало, что он покинул его. Эта комната чувствовалась по-другому. Кто-то недавно здесь был.

У него в кобуре, рядом с его Глоком, был небольшой фонарик Феникс. Он вытащил его и двести люменов осветили комнату. Сначала деревянный пол, чтобы убедиться, что здесь нет никакой шерсти животных; Том не хотел впоследствии сюрпризов от ротвейлера или прыгающего кота. Выяснив, что ни пыли, ни волос не было, он направил луч вверх.

Розовые стены. Фиолетовое постельное. Мягкие игрушки аккуратно лежали на кровати. На стене постеры Суперкрошек и Даши-путешественницы. На тумбочке куклы, одинокая

Барби и пять или шесть Кенов на различных этапах раздевания; кто-то со спущенными штанами, показывая свою бесполоую, почти невидную паховую выпуклость. Игрушка пони выглядела слишком большой для Барби и ее дружков. Скакалка с блестящими ручками, висящая на ручке комода.

Это комната была маленькой девочки. Но что-то здесь было не так.

Том еще раз окинул комнату взглядом, пытаясь заметить недостающее. Ни телевизора. Ни компьютера. Ни стерео. А старые радио-часы были выключены. Около кровати было два комода и книжный шкаф, заваленный книгами в мягкой обложке. Том не узнал ни одного автора, они выглядели как подростковые романы в стиле Школы в Ласковой долине.

Том проверил на наличие розеток для зарядного устройства телефона или планшета.

Ничего.

Это было странно. Комната выглядела остановленной во времени 2002 года.

Он сделал шаг и чуть не споткнулся о голубые Конверсы Олстарз с зелеными неоновыми шнурками.

Обувь была даже больше, чем у Тома.

Житель этой комнаты, должно быть, большая девочка.

— Это полиция, — громко сказал он. — Я слышал изнутри крик, и я наверху. Есть кто дома?

Он прислушался для ответа.

Ничего не последовало.

Полная тишина, Том мог даже услышать свой собственный пульс. Его сердце билось быстрее, чем он хотел бы. Лучше всего справляться со стрессовыми ситуациями — это сохранять спокойствие. Из-за страха все идет наперекосяк.

Он задержался на секунду перевести дыхание, затем направился к открытой двери и вышел в коридор, под его ногами закрипели половицы. Света не было, и весь дом находился во мраке. Том дотронулся до выключателя и нажал на него.

Ничего не произошло.

Пребывание в чьем-либо доме никогда не переставало быть жутким. Вторжение ему было не по душе. Том всегда видел в этом подлость и чувствовал себя немного пристыженным каждый раз, когда был в доме незнакомца без приглашения. И даже когда у него был легальный допуск, то все равно нервничал и не любил это дело.

Всему виной его детство. Он вырос на видеокассетных слешерных фильмах 1980 годов, таких как *Пускай мертвые лежат в могилах* (в оригинале «*Не открывай окно*» — прим. Переводчика), *Не заходи в дом* и *Ты одна дома?*, названия которых на данный момент казались странно подходящими. В тех пугающих домах в фильмах ты всегда знал, что какой-нибудь сумасшедший маньяк выскочит из тени с мясницким тесаком, но на деле Тому это никак не помогло, некоторые маньяки на самом деле преследовали. Он вспомнил прошлую жертву, ее веки были отрезаны, кишки завязаны в бант, и он подумал о том, чтобы зарядить свое оружие. Но против этого был протокол, и Том не чувствовал себя под угрозой. Просто был на взводе.

Он прошел дверь, посветив внутрь. Ванная комната. Раковина. Душ. Туалет. Полотенца. Казалось вполне обычным.

Дальше по коридору была еще одна комната. Том заглянул в нее. Эта принадлежала мальчику. Постельное белье с Бэтменом. На комодe стояли фигурки из Звездных войн и Броска кобры. Над кроватью плакат с Бэтменом, избивающим Двуликого. На книжной полке

Гарри Поттер и Толкин. Ни телевизора. Ни компьютера. Ни стерео. Но был айпад старой модели с наушниками на полу рядом с кроватью.

Как и комната девочки, эта выглядела застрявшей в десятилетии назад. Но без пыли. И кровать не застелена, а одеяло свисало вниз.

Недавно кто-то здесь спал?

Рядом с кроватью, на тумбочке, стоял наполовину пустой стакан.

Том почувствовал волну адреналина, и все его маленькие волосики на предплечье встали. Рой проверил на домовладельца, но никаких упоминаний о детях он не нашел. Это была суббота, поэтому они не в школе.

Тогда где они были?

Было жутко.

Но было еще кое-что жуткое. За исключением игрушек, постеров и цветовой гаммы, эта комната выглядела точно, как комната девочки. Кровати, комоды и книжные полки были одного типа и были расставлены в одних и тех же местах.

Может, дети были странными, двойняшки, которые старались быть похожими друг на друга.

В голове Тома вспыхнуло еще больше старых фильмов ужасов из его юности. Фильмы со странными детьми. *Дети кукурузы*. *Выводок*. *Сияние*. Когда Том не тратил свои еженедельные карманные деньги на комиксы, он тратил их на ужастики в видеопрокате. Во взрослой жизни Том повидал достаточно живых ужасиков, и потому все те просмотренные фильмы теперь кажутся ему незначительными. Но по какой-то причине, когда он прогуливался по этому дому, он почувствовал, что на фоне должна играть жуткая скрипка, усиливая звук, пока не выскочит ужасный монстр.

Том осознал, что сам себя и напугал слегка. Ему нужно было впустить Роя, чтобы осмотреть это место.

Он прошел спальню и застыл.

Впереди, в коридоре, была темная фигура.

Словно кто-то сидел на корточках рядом с лестницей.

Кто-то из детей?

— Я детектив Том Манковски, чикагский полицейский участок, — сказал Том своим властным голосом, направляя поток света на фигуру, в то время как другой рукой нащупывал свой пистолет.

Ответа не последовало.

Тому потребовалась секунда, чтобы понять почему. Он принял груды грязного белья за кого-то.

Он вздохнул, прошел мимо грязной одежды – сочетаний мужских и женских вещей – и медленно спустился по лестнице, смотря себе под ноги.

Вонючий запах становился сильнее. Лестница привела к гостиной, и Том увидел огромный стол с тремя компьютерными мониторами на нем. Плоские экраны, современно. Все были выключены. Но под столом, в огромной путанице шнуров, был мигающей роутер и светящийся модем. Вентилятор системного блока мягко гудел.

Рядом со столом был хорошо изношенный диван, старая модель телевизора из эпохи до плоских экранов, и покрывало, висящее на стене. Том догадался, что оно прикрывало окно. Он пошел в направлении входной двери, и когда нащупывал ручку, раздался резкий стук, испугавший его.

— Ты там, Том?

Том выпустил маленький, нервный смешок – снятие стресса – и попытался открыть дверь, чтобы впустить своего партнера.

Дверь не поддавалась.

— К засову на этой стороне нужен ключ, — сказал Том, светя фонариком на него. — Ключа здесь нет.

— Ты кого-нибудь нашел?

— Пока нет. Ты мне не сказал, что здесь дети.

— Я сам не знал. Ты нашел детей?

— Их комнаты. Мальчика и девочки. Подростки или чуть помладше.

— Сиссику двадцать один. У него не может быть детей такого возраста.

— Может, брат и сестра? — спросил Том. — У Уолтера были еще дети?

— Нет, насколько я знаю. У Денниса был лишь один ребенок.

Воображение Тома привело его к еще одной неприятной мысли. Уродливые близнецы, скрытые от общества, выращенные за закрытыми дверями. Кровосмешение инцеста и маньяков-убийц. Возможно, каннибалов. Из фильмов категории «Б», но и в реальности тоже встречается. Тому довелось узнать наглядные примеры из реальной жизни. Он знал парочку, Дэб и Мэл, которая через все это прошла.

— Я обойду, — сказал Рой. — Встретимся там. И не пристрели какого-нибудь ребенка. Возможно, это они тут шумели.

Вполне возможно. Дети дома одни, играют в подвале. Рой позвал их, и они в шутку закричали в ответ. И сейчас коп ворвался в их дом, а они испугались и спрятались. Хотя Том еще предположил, что какой-нибудь злой домовладелец позвонит боссу Тома – или того хуже репортер – и тогда у него могут возникнуть неприятности.

Но тот крик помощи не выглядел как дурачащиеся дети. Он звучал подлинным.

Том прошел через гостиную и попал на кухню. Запах стал хуже. Как будто кто-то держал огромное животное дома и после не прибрал за ним. Том миновал кухню и зашел в подсобку со стиральной машинкой и сушилкой, а затем подошел к запасному выходу.

Еще один засов без ключа.

Единственный путь сейчас впустить Роя, это выломать дверь или окно. А что, если это были всего лишь дети...

БАХ БАХ БАХ!

— Томми, ты там?

Том вздрогнул. Это был всего лишь Рой, молотящий в дверь.

— Дверь и здесь закрыта, — сказал Том.

— Дерьмо. Бригада здесь будет через минуту. Но если это дети здесь, а мы выломаем дверь...

— Я о том же подумал.

— Ты уже проверил подвал? Там, откуда были слышны звуки.

— Собираюсь сделать это прямо сейчас.

— Ну тогда шевели своей задницей. Это вот-вот превратится в цирк. Хочешь, чтобы показали по новостям Фокс?

— Я о том же подумал, — снова сказал Том.

— Перестань уже думать, ищи давай.

Том повертел фонариком по подсобке и увидел увесистую дверь с железной защитной

решеткой. Это устранило теорию *играющих детей*; они никак не могли сами себя запереть в подвале, а затем опустить решетку.

Он подошел к двери и поднял металлическое ограждение, установленное рядом с косяком, задаваясь вопросом, кто бы стал закрывать подвал в таком месте и почему.

Том медленно потянулся к ручке, словно при прикосновении она ударит его током. Еще больше видео из его растроченной впустую молодости заполнили его мысли. *За дверью. Люди под лестницей. Не заглядывайте в подвал.*

Просто глупые фильмы. Том слишком остро реагировал. Он схватился за ручку, и как только он был готов повернуть ее...

БАХ БАХ БАХ!

Его партнер снова колотил по двери, из-за чего Том подскочил.

— Отряд здесь.

— Подожди. Я нашел подвал.

— И чего же ты ждешь?

— Страшновато.

— Страшновато? Ты серьезно?

— Тут на двери большая железная решетка.

Рой не ответил.

— Рой? Ты все еще тут?

— Как на счет того, чтобы убраться отсюда и дать отряду войти.

Несколько лет назад Рой бы такого не сказал. Раньше из-за братской любви они постоянно выбирали слабости друг друга, и в прошлом Рой бы нещадно дразнил Тома за его трусость. Но после того, через что они прошли в Южной Каролине, после этого посттравматического стрессового расстройства, ни один не стал разыгрывать из себя героя. И если дела становились пугающими, то они оба знали, что нужно подождать подкрепления.

Кроме того, подкрепление было уже здесь. Но чего же Тому стоило бояться в закрытом подвале?

— Я всего лишь быстро проверю, — сказал Том. Хотя эти слова и чувствовались слабыми, выходя из его рта.

— Уверен?

— Ага.

— Переключи свой мобильник на громкую связь, чтобы я мог слышать, что происходит. Скажешь стоп-слово, и кавалерия прибежит.

— Понял, — Том вытащил телефон из куртки, быстро набрал Рою и нажал на громкую связь.

— Слышишь меня? — спросил Том.

— Четко и ясно, партнер. Будь осторожен.

— Понял тебя.

Том держал свой айфон в той же руке, что и фонарик, а другой он поворачивал ручку и оттягивал. Дверь открылась с обязательным жутким скрипом.

Поднявшийся запах был ужасен; мусор, сточные воды и гниль окружили его вонючим ветерком. Том прикрыл рот рукавом и закашлял.

— Ты в порядке? — спросил Рой по телефону.

— Плохо пахнет. Спускаюсь прямо сейчас.

— Может, сначала себя представишь?

— Хорошая идея, — он кашлянул и крикнул. — Это детектив Том Манковски, полиция Чикаго. Есть здесь кто-нибудь?

Тишина.

Затем снова тишина.

Секунды тикали, и Том ощущал каждую из них. Он стал искать выключатель на стене, но не нашел ни одного, и посветил фонариком на лестницу.

Здесь ничего.

— Я спущусь, — сказал Том Рою.

Лестница была деревянной и старой. Она искривлялась влево, поэтому Том не видел низа. Он спускался, и ступеньки выдерживали его вес, а затем он остановился, чтобы послушать.

Где-то снизу шел позвякивающий звук. Словно по бетонному полу волочилась цепь.

— Эй?

Снова тишина.

— Я здесь, чтобы помочь, — сказал Том. Хотя он чувствовал себя так, словно это ему нужна была помощь.

Затем последовал ответ. Или что-то вроде того. Легкий, пронзительный, протяжной визг становился все громче из темноты внизу.

Том задрожал, а его руки покрылись гусиной кожей. Из-за страха его волосы встали дыбом. Том помнил то самое стоп-слово, потому что оно отвечало на вопрос телеигры, которое он смотрел.

— Какого черта это было? — спросил Рой.

— Эй? — снова позвал Том.

Призрачный голос становился громче. Это походило на звуковой эффект прямо как в доме с привидениями; ненормальный, маниакальный и нездоровый. Это может быть рыданием. Может быть смехом. Так или иначе, это было довольно пугающе, чтобы заставить Тома вытащить его Глок. Он держал его одной рукой, фонарик и телефон были в другой, его руки вытянулись, словно он отгонял вампиров деревянным крестом и связкой чеснока.

Том не верил в сверхъестественное, но он полностью верил в извращенность человеческой природы. Что бы ни было в подвале, оно не могло быть паранормальным, но от нормального оно было чертовски далеко.

Он спустился на еще одну ступеньку, каждая мышца напряглась, палец на спусковом крючке, его дыхание было таким же учащенным, как и его сердцебиение. Том заставил себя сделать глубокий вдох, не хватало еще потерять сознание от интенсивного дыхания. Это было по-настоящему самое страшное, что происходило с ним, и страх брал над ним вверх.

— Я здесь, чтобы помочь, — сказал Том в темноту.

Еще шаг. Он уже мог видеть бетонный пол.

— Я коп. И вооружен.

Казалось, что чем ниже он спускался, тем сильнее становился едкий запах. Моча. Дерьмо. Кровь. Запах тела. Зловоние стало таким сильным, что Том не смог сдержаться и помахал рукой перед лицом, словно он отгонял от себя дым. Но обе руки он держал полностью вытянутыми. Пистолет. Фонарик. Телефон. Все из этого потенциально сохраняло ему жизнь.

Тогда как страх неизвестного был общим для большинства человечества, страх Тома был более примитивным. Он боялся боли и смерти. В его рептилоидном мозгу

активировалось реакция «борись или удирай», что являлась историческим прецедентом. Том слишком хорошо помнил, какого это быть раненым. Почти убитым. Еще хуже было беспомощно ожидать очередную боль или смерть. Быть связанным, тогда как тебе делают вивисекцию, точно подопытной крысе. Никакой пощады. Никакой надежды. Том тесно знаком с этим чувством, и сейчас же это чувство его раздавливало.

Но на этот раз Том не был связан. Он был свободен и мог убраться отсюда сию же секунду. Что и хотела сделать каждая клеточка его тела.

Я в безопасности. У меня пистолет. Снаружи подкрепление. Я могу убраться отсюда если понадобится.

Он попытался сделать еще один шаг.

Его ноги не слушались.

Из темноты донесся смех.

— Я не могу пошевелиться, — сказал Том Рою. От стыда его уши залились красной краской.

— Ты ранен?

— Нет.

— В опасности?

— Нет.

— Я тебя понимаю, братан. Будь там. Мы сможем войти. Просто скажи стоп-слово.

Том подумал об обручальном кольце в кармане. Подумал о Джоан. О счастливых годах, что ждут их впереди. Стоила ли его работа того, чтобы рисковать всем этим? И он охотно согласился вляпаться в такую плохую ситуацию, чтобы доказать...

Что именно я пытаюсь доказать?

— Мы входим, — сказал Рой ему.

— Дай мне секунду.

— Том...

— Секунду, Рой.

Всякий раз, когда полицейский стрелял в кого-то, профессиональная консультация была обязательна. Если ты не получишь пропуск от окружного психиатра, то на улицы ты не сможешь вернуться. Том раньше проходил через этот процесс, и понял его цель. Целью не являлось заставить копа почувствовать себя лучше. Целью было, чтобы коп все еще мог в кого-то стрелять, если ситуация этого позволяла. Это как снова оседлать лошадь, которая сбросила тебя.

Том знал, что если он позовет на помощь, то никогда уже не сможет взобраться на лошадь. И сейчас он должен был либо встретиться лицом к лицу со страхом, либо повесить значок.

Тихий смех донесся до лестницы.

Повесить значок казалось довольно хорошей идеей.

Он собирался сказать Рою, чтобы тот высылал кавалерию, когда голос в подвале заговорил с ним.

— Он... мееееертв?

Голос был хриплым и высоким. Том не мог сказать, был ли он мужским или же женским.

— Срань господня, до чего жуткое дерьмо, — сказал Рой.

Том сказал своему партнеру быть тише. — Кто мертв? — спросил он у человека в

подвале.

— Эрин... ииии...

— Кто ты?

— Эрин... ииииииииии.

— Я здесь, чтобы помочь, — сказал Том. Позволяя накаленному моменту заполнить резервы его мужества, Том ступил на последнюю ступеньку. Затем повертел фонариком.

Бетонный пол и стены. Столбы с двутавровыми балками поддерживали первый этаж. Различные трубы вились через открытый потолок. А в углу...

Ужасно запачанное одеяло. Расстеленное перед огромной, деревянной коробкой.

Спереди коробки была вырезанная дырка. Словно будка для собаки.

К боковой стороне была прикреплена тяжелая цепь. Она вела внутрь коробки.

— Нам понадобится скорая помощь, — сказал Том. Он заметил миски на полу, воду и сухой корм. — Кто-то здесь закован в цепи, как животное.

Том попытался осветить фонариком в коробку, но внутри кто-то скрывался в тени.

— Вы ранены? — спросил он, подходя ближе.

— Я... ранен...

— Вы можете двигаться?

— Я... ранен... очень... сильно...

Том подошел с другой стороны, и уловил вид голый ноги, испещренной грязью и засохшей кровью. Она быстро скрылась от света. Человек в коробке снова начал смеяться.

Том колебался. Его естественное желание помочь и защитить боролось с примитивным, глубоко-укоренившимся ужасом.

В коробке человеческое существо, сказал Том себе. Которому нужна медицинская помощь.

Так почему я думаю, что это выскочит и нападет на меня.

Еще один артефакт из множества старых фильмов; запертое в подвале существо, слишком опасное, чтобы выпустить в ничего не подозревающий мир.

Я больше никогда не буду смотреть гребаные ужастики.

— Помощь в пути, — сказал он скорее, чтобы успокоить себя, нежели человека в коробке. — И мы сможем уйти отсюда.

— Эрин... ииии... неее... понрааавится... это.

— Эринии здесь нет.

Том сделал шаг влево, пытаясь с хорошего ракурса заглянуть в коробку. Его луч все равно не смог осветить угол, где прятался человек.

— Эрин... ииии видит все.

— Это невозможно, — сказал Том, хотя быстро оглянулся, чтобы убедиться, что в подвале никого не было.

— Эрин... ииии видит все. Знает все. Наказывает грешников.

Том подошел поближе. Все клише на счет страха были правдивы, во рту у него пересохло, ноги стали резиновыми, сердце бешено стучало. Он никогда не прыгал с парашюта, но представил, что сейчас он чувствует себя, словно перед прыжком с самолета.

— Ты грешен... Том?

Том вздрогнул от своего собственного имени. Как этот человек узнал его? А затем он вспомнил, как представлялся наверху лестницы. Том слотнул, затем пошевелил рукой, держась за рукоятку Глока, поскольку ладони его вспотели.

Я слишком остро реагирую. У меня есть пистолет. Этот бедный ублюдок прикован к будке. Мне нечего бояться.

— Мы пытаемся войти, — сказал Рой, и его голос напугал Тома и он вздрогнул. — Дверь чертовка.

— Понял.

Том сделал еще один шаг к коробке.

— Все мы грешники. Всем нам нужна Епитимья.

— Выходите, — сказал Том. — Я не собираюсь причинять вам боль.

— Я заслужил страдания.

— Никто не заслуживает этого.

— А я заслуживаю, Том.

— Нет, не заслуживаете, — Том шагнул к собачьей миске и присел. Между ним и коробкой был всего лишь метр.

— Я... нечестив. Я грешен.

— Грешников можно простить. Бог прощает грешников.

— Бог прощает, — снова послышалось ненормальное хихиканье. — Эрин... иииии... не прощает.

Наконец-то Том смог выбрать правильный угол, чтобы посветить фонариком на человека в коробке.

Но уже пожалел об этом.

Это был нагой мужчина, но он был так истощен, что определить его пол можно было только по неравномерной бороде, которая в некоторых местах была вырвана. Цепь была прикреплена к кольцу на его лодыжке. Под всей этой грязью и засохшей кровью, кожа мужчины была испещрена ранами и шрамами. Он сидел спиной к задней стенке коробки, ноги прижаты к груди, и покачивался вперед-назад. Было ужасно смотреть на это, и в то же время невозможно отвести взгляд.

— Теперь вы в порядке, — сказал Том. Это было самой большой ложью, которую он когда-либо говорил. Даже с пятьюдесятью годами интенсивной психической терапии и физической реабилитации этот мужчина уже никогда не будет в порядке.

— Какой сейчас год? — спросил мужчина сиплым, высоким голосом.

Том ему сказал.

Мужчина снова засмеялся. Смех превратился в пронзительный вопль, а затем он внезапно набросился.

От испуга Том сжал спусковой крючок, но отвел его и выстрел пришелся не по парню.

Как оказалось, это было ошибкой.

Мужчина накинулся на него, выводя его из равновесия, к большому удивлению своей силой. Том упал на спину, его пистолет выскользнул в одно направление, телефон улетел в другое, тогда как мужчина взобрался на него и руками обхватил его шею.

Том почувствовал зазубренные, грязные ногти, впившиеся в его кожу. Ему удалось навести на него Феникс, и получилось так, что свет фонарика попал прямо ему в глаза. Вблизи его лицо было ужасным; половина носа была отрезана, то же самое было и с его ушами, делая его похожим на живой череп. Рот был красным, зубы были гнилыми, а где-то и вовсе отсутствовали. Он зарычал, из-за его дыхания Том прикрыл рот и попытался оттолкнуть парня, но тот даже не шевельнулся.

Но он укусил.

Несколько зубов впились в предплечье Тома, вгрызаясь в плоть.

Тогда как давление на шею Тома только увеличивалось, последний воздух выбил искры из глаз; пятнышки света плавали перед глазами Тома. Том сменил тактику, выбирая путь уличного бойца, и потянулся к месту мужчины между ног.

Но сжимать было нечего. Лишь рубцовая ткань и маленькая шишка, которая была похожа на пластиковую трубку.

Тома почти что стошнило, но поскольку его душили, ему бы это убило. Он боролся с отвращением и потерей сознания, и, отбросив фонарик, сильно приложил мужчину по виску. Этого было достаточно, чтобы его челюсть освободилась, но не его руки. Он закричал, разбрызгивая кровь и слюну.

— ВСЕХ НУЖНО СУДИТЬ!

Том снова его ударил. Сбоку лица мужчины свободно стекала кровь.

— ВСЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ НАКАЗАНЫ!

Том снова его ударил, и на этот раз послышался громкий треск. Словно грецкий орех раскололся. Сильный захват мужчины расслабился, и Том жадно вдохнул воздуха, когда его атакующий упал на пол.

— Эринии доберется до всех нас... — прошептал мужчина, его веки дрожали, а моча вытекла из его катетера и затекла под ноги Тома.

В этот момент Рой и вся остальная бригада бежали вниз по лестнице, и Том посчитал, что сейчас самое подходящее время проблеваться.

Несмотря на то, что в контактах ее телефона было много людей – так много, что ее ассистенту требуется целый день для отправления праздничных открыток – у Джоан не было близких друзей. Под близостью она подразумевала рыдать у человека на плече, и единственный человек, с которым она могла это делать, был Том, и то, только если произойдет нечто ужасное.

Поэтому из-за Триш, плачущей у нее на плече, он почувствовала себе некомфортно. И Джоан не нравилось то, что она это почувствовала, и из-за этого ей стало еще больше некомфортно. Это и было причиной, почему у нее не было близких друзей.

Триш была палочкой-выручалочкой Джоан, когда она приезжала к Тому в Чикаго. Они веселились, когда ходили поесть, по магазинам или иногда в кино. Они болтали о своих парнях, сексе и вообще о глупых вещах, которые делали мужчины (было много, о чем поговорить). Но сейчас Триш впервые попросила ее об эмоциональной поддержке. Джоан могла ее предоставить; недаром же она хороший актер, но это бы ей напомнило о работе.

— Не думаю, что смогла бы найти кого-то еще, кто бы меня полюбил, — сказала Триш. С тех пор, как Джоан приехала, она много раз говорила на эту тему. Бедная официантка даже еще не приняла у них заказ, а Джоан уже чувствовала себя так, словно допивала вторую кастрюлю кофе.

— Он любит тебя.

— Я не могу иметь детей.

— Можно ведь усыновить.

— Мужчины хотят, чтобы у тех были их гены. Типа показаться самцом.

— Тебе это Рой сказал?

— Нет. Но я знаю мужчин. Технически, я сама мужчина.

Джоан на секунду остановилась, закатив глаза. — Ладно. Выкладывай свои яйца на стол и покажи мне.

Триш засмеялась. — У меня нет яиц. Но у меня яички, Джоан.

— У тебя они в *твоей вагине*, — сказала Джоан, достаточно громко, чтобы соседние столики кинули на них взгляд. — Послушай, Триш, ты же призналась Рою в этом, когда вы только начали встречаться, верно?

— Ага.

— И он нормально к этому отнесся?

— Ага.

— Поэтому если он тебя обманывает – и здесь все еще есть слово *если* – то зачем тогда испытывать судьбу?

Триш наклонилась к столу. — Ты знаешь, какого это не чувствовать себя как не в своей тарелке?

— Ты знаешь Академию кинематографических искусств и наук? Там восемнадцать процентов женщин.

— И сколько из них интерсексуальны?

— Я тебя поняла. Ты спросила меня, какого это чувствовать себя не в своей тарелке. Я не афро-американка. Не трансгендер. Я не знаю, каково это. Но я знаю, каково это быть отстраненной, только потому что у меня нет Y хромосомы. И я знаю, каково это, когда тебя

воспринимают скорее объективно, нежели серьезно. Нужно пройти длинный путь, прежде чем мы станем чуточку равны. Но ты не можешь использовать свой гендер как оправдание. Когда ты определяешь себя тем, кем ты не являешься, вместо того, кем являешься, то начинаешь играть по их правилам.

Триш кивнула ей, но Джоан задалась вопросом, действительно ли она поверила ее словам. Потому что она могла вести мальчишечью игру, даже лучше, чем большинство парней. Джоан была симпатичной, и пользовалась этим. Она знала, что из-за ее вида ее недооценивают, и этим она тоже пользовалась.

— Тебя Том когда-нибудь обманывал?

— Насколько я знаю, нет.

— А если все-таки обманывал?

Том? Джоан даже представить этого не могла, это не было на него похоже.

— Он красивый парень. Коп. У копов есть поклонницы, ты знаешь. Двадцатилетние девушки, ищущие папочек. Проститутки, которые обхаживают копов, так же, как и сортиры. Еще другие копы. Как на счет Евы? Том брал ее на официальный вечер по сбору средств.

— Я была на съемках и не смогла прийти. Меня Том сначала спросил, не против ли я. Ева просто друг, — Джоан добавила. — И она лесбиянка.

— Она би.

— Серьезно?

— Ты видела ее фото?

— Нет, — отчего-то Джоан представляла Еву низенькой и пухленькой.

Триш пролистала фото в телефоне и нашла одну Тома в смокинге. Женщина держалась за его руку, в золотом платье, и была сногсшибательна. Высотой сто восемьдесят сантиметров, а грудь такая большая, что, должно быть, была фальшивой.

— Это Ева?

— Ага. Хотя это не самая лучшая фотография.

Джоан махнула официантке, чтобы та принесла еще кофе. — Триш... К чему ты клонишь?

— Когда я показала тебе ее фотографии, ты хотя бы на секунду подумала, что Том спит с ней?

— Нет.

— Нет? Она выглядит как София Вергара, но с сиськами побольше.

— Ну, я имею в виду, она высокая. Том рассказывал мне, что любит женщина покороче.

Джоан не была высокой. И то количество денег, что она тратила на каблуки, было доказательством того, что она не довольна своим ростом.

— Сколько ты? Метр двадцать пять?

— Метр шестьдесят.

— А все парни предпочитают второй размер груди, вместо пятого, так что ли?

— Ладно, я поняла, — сказала Джоан. — Это нормально сомневаться в себе, а потом фокусироваться на своей неуверенности. Но тебе нужно перестать опираться на это и просто пойти спросить Роя об этом.

— А что, если он с кем-то еще спит?

— А что, если так?

— Что, если бы Том переспал с Евой, а ты узнала об этом, чтобы ты сделала?

Джоан не думала даже об этом. — Я бы его бросила.

— Серьезно?

— Да.

— Но ты же его любишь, да?

— Да.

— Разве тот, кого ты любишь, не заслуживает второго шанса?

— Когда это стало обо мне и Томе, Триш? Это ведь о тебе и Рое. Просто будь мужиком и позвони ему.

Триш возвела свои покрашенные бровки. — Быть мужиком?

— Ты тут недавно хвасталась своими яичками.

Триш казалась смущенной, но затем улыбнулась своей ослепительной улыбкой. Она набрала Роя. Джоан припросила снова подлить ей кофе и заказала рогалик, пока Триш разговаривала. Джоан намеренно избегала слушать, но выражение лица Триш преобразилось из уверенного в опустошенное.

— Что? — спросила Джоан, даже не дождавшись, пока она закончит говорить.

— Рой в больнице, — сказала Триш.

— Он в порядке?

— Из-за Тома. На него напали.

Эринии раздражен.

Дом скомпрометирован, но он мог покрыть ущерб. Место чисто. Ничего из этого не могло привести к нему.

Ему не нравится, что его компьютер забрали. Его вещи.

Грешника в подвале.

Но у него были деньги. Эринии может получить новое место. Новый компьютер. Новые вещи.

Нового грешника для наказания.

Начать Епитимью с чистого листа.

Со временем все плохо, нужно сделать слишком много вещей, ему придется ускорить свой график. Это опасно. Этими вещами нужно было наслаждаться, а не быстро с ними разделяться. Поспешные действия могут привести к ошибкам.

Эринии проверяет время. Проверяет ноутбук. Проверяет топливный бак. Быстро подсчитывает в голове. Принимает утреннюю дозу спиринолактона. Затем идет к задней части фургона, чтобы надеть хирургический костюм.

Эринии достаточно знает об игре в доктора.

Медсестры тоже.

Он проверяет цепь на металлической бочке, убеждается, что она хорошо держится, а затем едет к своему месту назначения, не превышая положенную скорость и обращая внимание на дорожные знаки.

Будет плохо, если остановит полиция. У Эринии назначена встреча.

Будет грех опоздать.

Джоан была зла.

— Ты же сказал, что взял отгул, — в третий раз повторила она.

Том кивнул. — Я знаю.

— Ты же мне обещал.

Том кивнул. — Я знаю.

— И сейчас ты в больнице.

— Просто для обследования.

Тому наложили шесть швов на руку из-за укуса, не очень серьезно. Но кто знает, чем этот бедный парень болел? Лечащий врач Тома решил проверить его практически на все, от столбняка, бешенства, герпеса и СПИДа до пятнистой лихорадки Скалистых гор.

Джоан сидела рядом с ним на кровати, вздыхая своим голливудским драматическим вздохом. — Черт тебя подери, Том.

— Прости, Джоан. Я не хотел, чтобы все так закончилось. Поверь. У меня были совсем другие планы.

— У нас были планы, Том. У меня и у тебя. И у нас есть правила на счет работы, когда мы гостим друг у друга. А ты забил на все эти правила.

Том подумал об обручальном кольце в своей куртке.

Возможно, это не подходящее время.

Джоан потеряла свои виски — это всегда плохой знак — а затем повернулась и уставилась в окно четвертого этажа.

— Я и вправду не хочу быть как сучка...

— Ты не сучка. Это моя вина.

— ... но это то, как я себя сейчас чувствую. Как много требующая, постоянно несчастливая девушка. Мне не нравится это чувство, Том.

— Джоан, ты немного требуешь. У нас есть основные правила. И я тот, кто их нарушил. Ты просто святая, раз терпишь все это.

— А что, если бы я сделала то, что сделал ты?

— Что? Пошла бы на работу, когда я был бы у тебя?

Когда Джоан снова посмотрела на него, ее глаза были стеклянными. — Что, если бы я пошла в дом психопата и меня бы покусали?

О, черт. Это куда хуже, чем Том мог себе представить.

— Джоан...

— Я серьезно. Ты же любишь меня, да?

— Конечно.

— Что, если бы я попадала в опасные ситуации? Что, если бы я преследовала убийц? Что, если бы при каждом телефонном звонке, ты знал, что это мог быть мой босс, который звонит тебе сообщить, что я мертва?

И что ты на это скажешь? — Мне жаль, Джоан.

Джоан встала. — Брехня, Том. Я зарабатываю фильмами. То, что я снимаю — фальшивки, так же, как и люди там. Худшее, что может случиться в моей карьере, так это то, что фильм будет провальным. А у тебя? Сейчас ты в больнице, из-за того, что какой-то псих пытался откусить тебе руку.

Том точно знал, что это. Это был избитый *что, если ты не вернешься домой* аргумент. Рано или поздно каждая супруга каждого копа приходит к такому заключению. У Тома были коллеги, которые через это прошли. В большинстве случаев, это приводило к перерыву в отношениях, расставанию или разводу. Том никогда не сталкивался с этим раньше, потому что не был ни с кем так близок, как с Джоан.

Это было проблемой, и она права. С этим аргументом никак не поспорить. Если вторая половинка не могла принять этого, то единственным выходом было разойтись.

Ранее у них был менее экстремальный случай, и тогда Том пообещал уйти из полиции. Но он не ушел. А Джоан его не оттолкнула. И сейчас, несколько лет спустя, он все еще был на улице, гоняясь за отморозками. Он думал, что его девушка не возражает, что означало, что она нормально относится к выбору его профессии.

Как же он ошибался.

— Я брошу, — сказал он.

— Ты и раньше говорил это.

— На этот раз точно.

Джоан вытащила свой мобильник и бросила его на кровать. — Хорошо. Делай это. Позвони своему начальнику прямо сейчас. Скажи ему, что сегодняшний день был твоим последним днем.

Том уставился на телефон.

— И чего же ты ждешь? — требовательно спросила Джоан.

— Я не могу просто бросить работу, Джоан. Я госслужащий. Я должен предъявить надлежащее уведомление. Могу потерять свою пенсию.

— К черту эта пенсия. Я достаточно зарабатываю.

— Я не могу просто уйти, Джоан.

— Это бред, Том. Дело не в том, что ты *не можешь*. А в том, что ты *не хочешь*. И не потому, что ты волнуешься о своей пенсии. Это все из-за психов, за которыми ты гоняешься. За Снайпером. Ты не можешь уволиться, пока не поймаешь его. Признай это.

Том не ответил. Она загнала его в угол, и любое оправдание будет ложью.

Джоан уперла руки в бока, — Ты не отвечаешь, потому что знаешь, что я права.

— Ладно. Я уволюсь, как только поймаю его.

Джоан снова отвернулась к окну. Никто из них ничего не сказал на протяжении целой минуты.

— Гоняться за плохими людьми... Джоан, это часть меня. И одна из причин, почему ты влюбилась в меня. Если ты хочешь меня изменить, я попытаюсь. Я попытаюсь ради тебя. Но это не может случиться всего за одну ночь.

Она продолжала смотреть на улицу. — Этого никогда не произойдет, Том. Ты сам это сказал. Это часть тебя, тот, кто ты есть. Но я не думаю, что смогу с этим справиться.

— О чем ты?

— Я не хочу так чувствовать себя, Том.

— Джоан?

Она покачала головой.

— Джоан, прошу, посмотри на меня.

Том потянулся к тумбочке рядом с кроватью и открыл ящик. Он вытащил свою куртку, роясь в кармане в поисках кольца. Затем он свесил свои ноги с кровати и пошел к ней. Прежде чем он достиг ее, его капельница остановила его, давя иглой на вену в его руке.

— Джоан, мне нужно кое-что у тебя спросить.

Джоан повернулась.

Посмотрела на его руку.

Увидела кольцо.

А затем ее лицо стало таким грустным, каким Том его никогда не видел.

— Нет. Ты не сделаешь этого прямо сейчас.

— Джоан...

— Это несправедливо, Том.

Том встал на колени, освободившись от капельницы, из-за чего аппарат рядом с его кроватью начал гудеть.

— Джоан Де Вильерс, выйдешь ли ты...

— Прекрати! Просто прекрати!

— Джоан, я никогда не хотел ничего больше, чем это.

— Серьезно?

— Серьезно.

Джоан уперла руки в бока. — Тогда уходи с работы. Прямо сейчас. Уходи, пусть кто-нибудь другой поймает этого маньяка. Сделаешь это, и я выйду за тебя.

Том не ответил.

Тишина была ужасней некуда.

— Ну тогда, — сказала Джоан. — Очевидно, есть что-то, что ты хочешь больше, чем меня.

Она прошла мимо него, мимо его протянутых рук, и направилась к двери.

— Выходи за меня, — сказал он. — Прошу.

Она остановилась на пороге. — Ты знаешь мои условия. Когда все решишь, то можешь позвонить мне.

— Куда ты?

— Домой, — сказала она.

Затем она ушла.

Том встал с колена. Вернулся обратно в кровать. Посмотрел на кровь, текущую вниз по его руке. Посмотрел на обручальное кольцо. Попытался вспомнить момент, который был бы хуже этого, и не смог.

В конце концов, пришел медбрат, отчитывая его и заменяя капельницу. — Здесь антибиотики, мистер Манковски. Вам нужно оставить это внутри. Мы диагностировали мужчину, который укусил вас и... — его голос затих.

— И что?

— Придет специалист. Он объяснит.

Видимо, простыми словами тут не обойтись, но при обычных обстоятельствах Том бы не дал просто так уйти парню, пока тот бы не объяснил все сам.

Но в этот самый момент Тому было просто наплевать.

До карпентерской клиники было двести восемьдесят шесть шагов, и на назначенную встречу Кендал уже опаздывала на четыре минуты. Она подождала снаружи, пока не станет пять минут, потому что число пять лучше, а затем потянула на себя входную дверь.

Дверь была закрыта.

Кендал попыталась ее толкнуть. Это тоже не сработало. Она проверила дверные петли, и хорошенько дернув их, снова попыталась и дверь открылась.

Перед ней стояла высокая женщина, выражение лица которой было нечто между раздраженностью и скукой. Она одета в розовую форму, белые кеды, а на ее бейджике значилось *Медсестра Деметра*.

— Доброе утро, дорогуша, — сказала медсестра так фальшиво, как обычно говорят люди, когда ты их ни капельки не волнуешь.

Она повернулась на каблуках и Кендал последовала за ней по покрытому линолеумом коридором, в некоторых местах он был порван, как если бы здесь был ремонт. До зала ожидания было восемнадцать шагов. Медсестра присела за стойку и уставилась в телефон. Кендал окинула взглядом зал. Стулья пусты, столик завален журналами, цветы в горшках на полу, которые нужно было протереть, и старая кофе-машина с пустым графином.

Кендал посчитала стулья, выбрала третий от двери и подошла к нему, чтобы сесть.

— Возьми блокнот и полностью заполни информацию, — сказала медсестра, даже не глядя на нее.

Ее нервы уже были расшатаны после прошлой ночи, и поэтому после, как ей сказали что сделать, она вздрогнула. Она посмотрела на стул, встала, три раза прикоснувшись к подлокотнику, повернулась и сделала пять шагов по направлению к углу, взяла блокнот, проделала обратно пять шагов к креслу и прежде чем сесть, три раза постучала по подлокотнику.

Она нервно глянула на медсестру, но женщина не заметила компульсивного поведения Кендал. Или ей просто было наплевать.

Кендал вытащила из блокнота карандаш и начала заполнять опросник о медицинской истории.

Ни анемии, артрита, катаракт, диабета, эмфиземы, подагры, сердечного приступа, гипертонии, камней в почках, мигрени, инсульта, заболевания щитовидки или язвы у нее не было.

Пока все хорошо.

Ни операций, ни переливаний крови, ни беременности, не курила табак, алкоголь лишь в умеренных количествах, наркотики...

Кендал не думала, что кого-то касается, что она иногда курила траву, поэтому она отметила, что нет.

Лекарства? Ничего за несколько лет. Поэтому не стоит даже упоминать.

Семейная история. Невольно она вспомнила своего отца и отметила алкоголизм.

Сексуальная история...

Здесь не уточнили, были ли это по обоюдному согласию или нет, и у Кендал не было желания во всем этом разбираться, поэтому для всего она выбирала *нет*.

Психические проблемы...

Кендал взглянула на контрольный перечень.

Биполярное расстройство. Депрессия. Посттравматический стресс. Беспокойство. Злость. Склонность к суициду. Проявление жестокости.

Это была не сколько анкета, сколько вся психиатрическая история Кендал. *Да* ко всему. Спасибо тебе, Папа. Ты мне многое дал.

Обсессивно-компульсивное расстройство.

Она отметила это. Три раза.

Шизофрения.

Шизофрения. Это вопрос, да? Внутренние монологи - это нормально или ненормально?

И как все из этого хоть как-то связано с гребаной маммографией?

Кендал оставила это поле пустым, заполнила данные о страховке, и за пять шагов добралась до медсестры Деметры, положив блокнот.

Медсестра не удосужилась даже взглянуть на нее или на информацию, которую Кендал только что заполнила. Она заблокировала свой смартфон, положила в карман и сказала. — Иди за мной.

Кендал пыталась не отставать от огромной женщины, которая гигантскими шагами шла по коридору.

— Можешь там переодеться, — сказала она, указывая на проход. — Сними свой свитер и лифчик, халаты висят позади тебя.

Кендал зашла в примерочную и встала там, дожидаясь, пока уйдет медсестра.

Медсестра не уходила.

— Халаты висят позади тебя, — повторила медсестра Деметра, на этот раз тверже.

Кендал повернулась и увидела два однообразных, светло-серых больничных халата. Она протянула руку к одному, сняла с крючка, а затем оглянулась на медсестру Деметру.

Медсестра скрестила руки на своей широкой груди. Очевидно, она никуда не собиралась идти.

Кендал неуверенно сняла верх, положив на скамейку, ненавидя себя за то, что коснулась ее три раза.

— Ну же. Бегом-бегом.

Кендал не уверена, что это *бегом-бегом* было уместно говорить женщине, которая пришла к ней на осмотр груди, но она подумала, что медсестра Деметра одна из тех грубых от природы людей, которых не волнуют проблемы других людей. А еще она извращенка. Она хотела посмотреть, как Кендал раздевалась? Она немного выглядит мужиковатой. Из-за ее позы. Или больших рук.

Если бы здесь была Линда, она бы пошутила по этому поводу. Линда была жесткой. Намного жестче, чем Кендал. Она хотела попросить Линду пойти вместе с ней, но ее соседка по комнате все еще спала в ее кровати, и выглядела такой умиротворенной, что Кендал не хотела ее будить.

Линда бы не постеснялась. Не нервничала бы. Она бы сняла свой верх и уставилась прямо в глаза жуткой медсестры.

Что Кендал и сделала.

И жуткая медсестра улыбалась.

— Большие сиськи, ты раньше никогда не делала маммографию? — спросила медсестра Деметра.

Кендал почувствовала, как ее уши покраснели, но она продолжала смотреть. — Мне

всего девятнадцать.

— Генетике плевать на твой возраст. Ты когда-нибудь слышала о синдроме Кальмана? Некоторые люди не достигают естественным путем половой зрелости. Всю свою жизнь они вынуждены принимать гормоны. Очевидно, это не то, о чем тебе стоит беспокоиться. А сейчас снимай лифчик.

Должно быть, она была одной из большинства непрофессиональных медсестер за всю историю медицинской помощи в кампусе. Кендал подумала о том, чтобы уйти.

Медсестра Деметра улыбалась все той же фальшивой улыбкой. — Выглядишь взволнованной, но не стоит. Я делаю регулярную маммографию с шестнадцати лет.

Медсестра распрямила свои плечи, выпятив грудь. — Верь или нет, но за это я благодарю отцовскую линию в моей семье. Странно, наверное, слышать, что твои булочки от своего папули, да? Маленькие девочки боятся, что унаследуют такие признаки, как алкоголизм, — улыбка медсестры спала. — Или психическое заболевание. Природа против воспитания. Генетика против экологических факторов. В любом случае, родители виноваты, не так ли? Но ведь это ребенка начинают дразнить, начиная с четвертого класса, потому что их гипофиз отличен от других детей их возраста.

Затем медсестра Деметра изменилась в лице, и ее слезы потекли по щекам.

Неприязнь Кендал к женщине заменилась жалостью.

— Я подожду в коридоре, — сказала медсестра. — Накинь халат на плечи, чтобы впереди было открыто. Я дам доктору знать, что ты здесь.

Медсестра Деметра ушла.

Кендал почувствовала себя очень одиноко.

Она закрыла глаза. И всякие разные мысли заполнили ее голову.

Странная медсестра.

Я слишком молода для маммографии.

Почему она упомянула о психическом заболевании?

Было ли что-нибудь из произошедшего со мной недавно реальным?

Это вообще реальность?

Как можно в этом убедиться, когда теряешь свой рассудок?

Отец Кендал был алкоголиком. И определенно психически нездоров. Но Кендал недостаточно знала о его истории психического расстройства. Могла ли она унаследовать его безумие? Или она стала сумасшедшей из-за того, что он сделал с ней?

Она сняла лифчик и протянула руку к ближайшему халату.

В конечном счете, не имело значения, что было реальностью, а что нет. Кендал была экспертом в том, как вести себя, словно все хорошо. Это был ее отличительный навык. Не важно, насколько все плохо, она сможет это выдержать. Примет все издевки. Розовый дракон мог ворваться в раздевалку, и все равно это был бы еще один день ее жизни.

В выживании, по своей сути, нужно гибко реагировать на удары. Потому что жизнь жестока. Смирись с этим или прыгай с крыши.

Кендал вышла из примерочной и нашла в коридоре медсестру Деметру, прикасавшуюся к зеркалу. Та слабина, которую она показала, исчезла.

— Сюда, — сказала она, и Кендал последовала за ее длинными шагами по коридору. И снова Кендал старалась не отставать, ее правая рука была поверх груди, удерживая халат. Медсестра открыла дверь, приглашая Кендал войти. Она зашла внутрь. Помещение было холодным, с затхлым воздухом. У дальней стены стоял большой аппарат, и Кендал

предположила, что он предназначен для маммографии.

Дверь хлопнула позади Кендал, из-за чего она подпрыгнула.

— Ты регулярно себя осматриваешь?

— Что? — спросила Кендал.

— Проверяешься на опухоли?

— У меня нет опухолей, — сказала Кендал. — Я даже не знаю, почему я...

— Твой анализ крови показал следы от ракового антигена 15-3, — сказала медсестра Деметра.

— Я не делала анализ крови в...

— Подними руки над головой, — сказала медсестра.

Кендал подчинилась, ее больничный халат распахнулся спереди. Медсестра Деметра положила руку на правое плечо Кендал, и начала ощупывать ее левую грудь.

Медсестра оказалась на удивление нежной, учитывая ее грубое поведение. Ее прикосновения явно были не сексуального характера, но все же нельзя было сказать, что это было полностью по-медицински.

Было похоже, что медсестра пыталась разобраться, что да как. Словно она раньше никогда не осматривала грудь.

Вся ситуация перешла из странной в неудобную, к звенящим предупреждающим колокольчикам в голове Кендал. Может она и была параноидальной шизофреничкой с тяжелыми галлюцинациями, но она хотела убраться из этой клиники, немедленно.

— О боже, только сейчас поняла, что пропускаю главный экзамен, — Кендал начала отстраняться. — Мне и вправду нужно...

— Здесь опухоль.

— Что?

Медсестра Деметра взяла руку Кендал и положила ее наверх ее груди. — Здесь. Надави. Чувствуешь это?

Кендал надавила.

И что-то почувствовала. Какую-то шишку.

— Разве это не мое ребро?

— Нам нужен доктор, — сказала медсестра. Она повернулась, чтобы уйти, но затем остановилась. — Подожди, нам нужно сделать тебе рентген-снимок.

Она прошла мимо Кендал к ужасному, бежевому медицинскому оборудованию в конце комнаты. Оно выглядело как огромный микроскоп, с прикрепленным прямоугольным выступом на уровне плеч. Медсестра обхватила грудь Кендал и шлепнула ее на платформу.

— Не двигайся. Нам нужно опустить пониже камеру.

Одной рукой медсестра Деметра держалась за спину Кендал, прижимая к аппарату, а другой она нажимала на кнопку на конце шнура. Камера опускалась, пока не начала соприкасаться с грудью Кендал.

Затем она продолжила опускаться.

— Ай!

— Нам нужно прижать ткань настолько, насколько это возможно.

Кендал наблюдала, перепугавшись, но камера все опускалась, пока не сдавила ее грудь, словно сэндвич.

— Больно!

— Не двигайся. Я скоро вернусь с доктором.

Медсестра Деметра ушла.

Кендал начала плакать. Она попыталась выбраться, но стало только больнее. Это неправильно. Эта сумасшедшая медсестра слишком сильно прижала ее.

— Эй! Кто-нибудь! — закричала Кендал своим сломанным голосом. — Я здесь! Помогите!

Это уже вышло за рамки простого дискомфорта, и Кендал уже было плевать, если бы вошел какой-нибудь незнакомец. Она хотела выбраться. Сейчас.

Безумным взглядом она начала искать кнопку, которой пользовалась медсестра, чтобы сдавить ее, и увидела ее в метре от нее самой, болтающейся на шнуре.

Кендал потянулась к ней.

Слишком далеко.

Она попыталась оттолкнуться от аппарата и выскользнуть, но почувствовала, как ее грудь вот-вот оторвется от ее тела, а этот кусок оборудования ни на сантиметр не сдвинулся.

— КТО-НИБУДЬ! ПОМОГИТЕ!

Никто не пришел на помощь.

Прошла минута. Может, больше минуты. Она оставила свой телефон в куртке, к раздевалке. На нее обрушился иррациональный страх. Застрячь здесь на целые часы. Что, если сумасшедшая медсестра ушла? Что, если доктор никогда не придет? Что будет, если Кендал потеряет сознание? Ее грудь оторвется от ее тела?

Кендал боролась со страхом. Не давая ему сломить ее.

Кендал прокрутила в своей голове худший сценарий. Худшее, что могло произойти, это застрячь здесь. Медсестру могут уволить. Возможно, Кендал даже подаст на нее в суд. Такая концепция вообще-то была забавной. Она, наконец-то, сможет уйти из HotSororityGirlsLive.com, и выплатами оплачивать свой колледж. Конечно, одна ее сиська превратится в блинчик, но зато в этом будет ее цена за финансовую свободу.

— Все хорошо, — говорила она себе. — Все будет хорошо.

— Нет, — сказал мужской голос позади нее. — Не будет.

Кендал попыталась повернуться и посмотреть, но она не смогла увидеть того, кто вошел в комнату.

— Доктор?

— Я не доктор, Кендал.

Она услышала приближающиеся шаги.

— Помогите, — умоляла она.

Никто не ответил.

— Кто здесь?

Секунды тикали, и Кендал уже начала подумывать, что она вообразила этот голос. Может, все это было иллюзией. В этом был смысл? Какая-то чокнутая медсестра зажала ее сиськи в маммографическом аппарате и ушла? Или у нее нервный срыв?

Или, возможно, и то и то. Может, Кендал была здесь, в студенческой поликлинике, и кто-то сделал это с ней. Что Кендал оказалась в подобной безумной ситуации как в *Играх разума* или *Бойцовском клубе*. Почему здесь больше никого не было? Почему в примерочной все было таким пыльным?

Кендал вспомнила о приложении, над которым они с Линдой несколько месяцев назад прикалывались. Это выручало их во время плохих свиданий, всего лишь автоматическим дозвоном номера, так ты могла сказать, что находишься в чрезвычайно ситуации. Вчера

Кендал получила автоматический звонок в сестринский дом и сама назначила встречу с фальшивым врачом?

Может быть, прошлой ночью в ее комнате никого не было. Или в ее компьютере. Или в ее электронной книжке. Может, ее преследователь был воображением ее сломанного разума, все такого же ненормального спустя все эти годы, и спасибо папе, за то, что он сделал...

— Странно, — сказал мужской голос, заставляя ее подпрыгнуть на месте. — Но это первый раз, когда я вижу тебя голой.

Кендал снова попыталась обернуться. Она ничего не смогла увидеть.

— Кто ты?

— Не стесняйся, Кендал. Ты знаешь, кто я.

— Не знаю.

— Ты всегда забываешь парней, которые были в твоей комнате? Я вообще-то вылез из шкафа ради тебя.

Кендал начала всхлипывать. Галлюцинация или нет, но это до усрачки пугало ее.

— Что... что ты хочешь?

— Мы оба хотим одного и того же. Ты грешница. Тебе нужна Епитимья. Эринии здесь, чтобы дать ее тебе.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Ответа не последовало.

— Эй?

Нет ответа.

— Эй!

— Мы все еще здесь, — сказал мужчина прямо в ухо Кендал. — И мы только начинаем.

Кендал почувствовала, как что-то холодное и влажное прижалось к ее рту. Что-то, что сильным запахом ударило ей в ноздри. Сработал инстинкт, отработанный в классе по самозащите несколько лет назад.

Поднять ногу.

Зарядить каблуком в ногу нападающего.

Мужчина завыл, убрав тряпку с химическим веществом от ее рта, а она начала кричать изо всех сил.

— Мы не узнаем наверняка, пока не получим ваш анализ крови, но мы уже начали лечение от некротического фасциита, — сказал врач-специалист, стоя рядом с кроватью Тома. Он выглядел как с обложки актерской компании; белый, лет за сорок, лысый, в очках, в лабораторном халате. На бейджике значилось *Доктор Джонс*.

— Тогда выпишите мне что-нибудь и дайте уйти.

Джоан не отвечала на телефон. Том даже пытался звонить Триш, думая, что, возможно, она с ней, но и сама Триш не брала трубку. А Рой все еще в доме преступника собирает улики, так что никто не мог помочь ему выследить его девушку.

— Мистер Манковски, не уверен, что вы относитесь серьезно к своему положению. За всю свою карьеру я лишь единожды видел такое, и то у того, кто укусил вас. Больница только что предупредила ЦКЗ.

— Вы позвонили в Центр по контролю заболеваний только потому, что какой-то парень пожевал мою руку.

— Мы позвонили в ЦКЗ, потому что вспышка некротического фасциита была бы очень серьезной. Также известная, как Бактерия, поедающая плоть.

— Звучит серьезно, — сказал Том.

— Это и есть серьезно. Нам нужно держать вас под наблюдением и внутривенно вводить антибиотики. Я также строго настоятельно рекомендую хирургии удалить ткань вокруг укуса. Бактерия распространяется очень быстро.

— Насколько быстро?

— Моментально.

— Мужчина, который напал на меня...

— Честно говоря, я был удивлен, с какой силой он напал на вас. Без сомнений он является переносчиком стрептококка. А степень его травм... необычайна. Голодание. Многократные избиения. В его волосах жили пауки. А несколькими шрамам уже несколько нет. Тот, кто взял его в плен, очевидно, давал ему антибиотики, чтобы он оставался жив.

— Он в сознании?

— Я вышел из хирургии пол часа назад. Некоторое количество инфицированной кожи пришлось удалить... много пришлось удалить.

— Могу я с ним поговорить?

— Нет, вы не можете. Все, что вы можете — это подписать согласие. Если не хотите рисковать своей рукой.

Том знал одного бывшего копа, который был занозой в заднице и который лишился руки. Том понятия не имел, как портится личность человека, когда он теряет свою конечность, или даже если он всегда был таким, то Том не хотел рисковать. — Я бы предпочел сохранить руку. Мне сделают анестезию? Я бы не хотел ее делать.

На случай, если Джоан перезвонит.

— Мы начнем с анестезии. Но я не могу предсказать, какие повреждения я найду, пока не начну копать там скальпелем.

Кажется, доктор был рад этой идее, что было более, чем просто тревожно. Он ушел, медбрат пришел с бумагами, а Том снова попытался дозвониться до Джоан и Триш. Безрезультатно. Но он сумел связаться с Роем.

— Томми, ты не поверишь, что мы нашли в гараже. Бочки с телами. *Бочки*. Сукин сын замариновал их как... соленые огурцы. Команда по работе с опасными веществами подсчитала головы. Пока восемь. Ты новости смотришь?

— Рой, ты знаешь, где Триш? Я пытаюсь найти Джоан.

— Я не говорил с ней с самого утра. Тебе нужно взглянуть на жуткое дерьмо, что мы здесь нашли, Томми. Помнишь тот безумный кнут из фильма *Страсти Христовы*? Тот, что был с шипами на концах? У этого сукиного сына есть такой. А также целая аптечка. Лекарств до жопы просто. Мы уже можем его только за нелегальные стероиды запечь на всю жизнь. И я нашел огромную связку универсальных ключей. Они открывают почти все замки. Так что теперь понятно, как он проникает в дома жертв.

— Рой, послушай меня. Мне нужно, чтобы ты позвонил Триш и через нее попытался найти Джоан. Триш думает, что ты обманываешь ее, так что они могут быть вместе сейчас.

— Что думает Триш? Скажи еще это, Том.

— Твоя женщина нашла счет по кредитной карте из Шератона. Восемьсот баксов.

— Чувак, я не могу себе позволить Шератон. Восемьсот баксов! Погодь, Том. Этот компьютерный гик, Фероз, хочет с тобой поговорить. Подожди секунду.

— Рой...

— Ало? Детектив Манковски? Я детектив Фероз Нафиси. Компьютер подозреваемого как и ожидалось, защищен паролем. Прежде, чем я попытался методом полного перебора, я подумал, может, у вас есть какие-либо идеи. Детектив Льюис упомянул, что к делу относятся какие-то греческие демоны.

Греческие демоны? — Я не знаю, что Рой... подождите. Рой говорил о фуриях. Греческие богини возмездия. Из википедии.

— Попытаюсь. Спасибо.

— Можете передать трубку Рою?

Фероз не ответил.

— Эй? Вы там?

Очевидно, нет. Фероз повесил трубку.

У Тома было искушение вновь позвонить Джоан, но он откинул эту идею и нашел пульт дистанционного управления, прикрепленный к подлокотнику кровати. Он включил местные новости и увидел кучу бочек, о которых говорил Рой.

Господи. Они нашли и вправду что-то жуткое.

Нашли. Не поймали. Он все еще был на свободе.

Том выключил телевизор и подумал о словах Джоан.

Ты не можешь уволиться, пока не поймаешь его. Признай это.

Права ли она? Том подумал, что он готов уйти с Этой Работы ради нее. Но, смотря эти новости, он не мог отрицать щемящее чувство...

Чего?

Ответственности? Гражданского долга? Она дразнила Тома о генетической связи на всю жизнь, вольности и погоней за счастьем. Могла ли эта шутка оказаться правдой? Перевешивала ли его нужда в справедливости и стремлении сделать мир лучше любви к Джоан?

Борьба с монстрами была достойным делом, но из-за этого он многое терял. Бывший босс Тома, ушедшая в отставку лейтенант Жаклин Дениелс, очень сильно страдала, посвятив свою жизнь погоне за плохими парнями. Том не верил в добро и зло; все это обсуждают на

уроке философии, а к простому смертному это никак не относится. Но Джек сделала этот мир намного лучше, остановила много злодеяний, и она была из тех самых несчастных людей, которых знал Том.

Это было будущее Тома? Служить большому благу, но быть несчастным?

Он взглянул на проход в его комнату, и его самоанализ быстро сменился любопытством. Мужчина, который укусил Тома в подвале. Что он знал?

Том свесил ноги с кровати, схватился за свою капельницу и поколесил к маленькому шкафу. Он нашел свои трусы, выудил свой значок, а затем вышел в коридор. Кафель под его голыми ногами был холодным, а под больничным халатом на нем были только боксерские трусы, но, как ни странно, ему было тепло. Волнение от допроса свидетеля и возможное получение ответов? Или по его венам течет некротический фасциит?

— Вам не следует покидать постель, мистер Манковски.

Том повернулся, увидел медбрата, который ранее был в его палате. — Детектив Манковски, — сказал Том, показывая свой значок. — Доктор Джонс дал мне разрешение задать несколько вопросов мужчине, которого привезли сюда вместе со мной.

— Доктор Джонс не говорил мне о...

— Ты видел новости? — перебил Том. — Они вытащили из дома дюжину тел, нам нужно найти убийцу.

Медбрат, казалось, хотел ему возразить, но сказал следующее. — Он в палате 703, вам направо.

Том кивнул. Уже через тридцать секунд он таращился на мумию. Мужчина, который укусил его, так сильно был перемотан бинтами, словно он пришел напрямик из Хаммерфильма (Классическая серия фильмов ужасов студии Hammer – прим. переводчика).

Том не мог разобраться, закрыты ли его глаза или нет, поэтому он подошел ближе.

— Вы не спите?

Веки мужчины задрожали. Его голос был слабым. — Где... я?

— В больнице. Сейчас вы в безопасности. Как вас зовут?

— Уол... тер.

Так это был Уолтер Сиссик, и он несколько лет был заперт в подвале, что объясняет то, почему он никогда не менял водительские права.

— Кто это с вами сделал, Уолтер?

Уолтер пробормотал что-то себе под нос. Том наклонился поближе.

— Можете повторить?

— Эра... ни...

— Эринии, — повторил Том, узнавая греческий термин. — Но как его зовут?

Уолтер не ответил.

— Где ваш сын, Уолтер? Где Деннис?

— Епитимья. Грешники... должны быть... наказаны...

Том вспомнил комнату, в которую он залез. — У вас есть дочь, Уолтер? Или какая-нибудь девушка, жившая с вами?

— Корона...

— Корона?

— Корона... из пауков...

Том так и не сдвинулся с мертвой точки. Или Уолтер все еще отходит после операции, или просто чокнулся, проведя столько лет в плену и насилии.

— Уолтер, мне нужно, чтобы вы сказали, что это сделал с вами. Вы знаете, где он?

— Кен... дал.

— Что с Кендал, Уолтер? Убийца преследует еще одну девушку по имени Кендал? Еще одну вебкам модель?

— Детектив Манковски.

Том повернулся и увидел доктора Джона в дверном проеме. Позади него стоял медбрат, он скрестил руки на груди и выглядел самодовольным.

— Я тут пытаюсь жизни спасти, док.

— Как и я. Вашу. Вернитесь в кровать. А пока будете лежать, загуглите *Гангрену Фурнье*, а потом и решите, слушаться меня или нет.

Том позволил отвести себя в палату. После того, как он вернулся в постель, зашел в интернет на своем смартфоне.

Некоторые вещи ты просто не можешь развидеть.

Он решил подчиниться приказам доктора. Затем он стер пот со лба и приложил к нему тыльную сторону руки, чтобы проверить температуру.

Как обычно, невозможно было определить, высокая ли у тебя температура, когда сама рука той же температуры, как и все тело.

Телефон Тома зазвенел, и он так торопился ответить, что уронил его на кровать и потерял в скомканном одеяле. Как только он нашел его, то увидел, что это был Рой, а не Джоан.

— Привет, Рой. Этот иракский компьютерный гик сбросил меня.

— Здравствуйте, детектив Манковски, это компьютерный гик. И я ирано-американец, а не иракец. Звоню потому, что смог зайти в компьютер с места преступления. Вы были правы насчет википедии. Паролем была *Деметра*, еще одно имя греческой богини, связанное с фуриями.

— Простите на счет...

— Не можете проследить разницу между иракским происхождением и иранским? Я жил в этой стране всю свою взрослую жизнь, детектив. Ваше незнание – обычное явление. Количество предрассудков, с которыми я сталкивался, особенно после 11 сентября (Террористические акты 11 сентября 2001 года — серия четырёх координированных самоубийственных террористических актов, совершённых в Соединённых Штатах Америки — прим. переводчика).

— Мне жаль то, что я сказал про компьютерного выродка, — перебил его Том.

— Оу. Ну, я не возражаю, чтобы меня называли компьютерным выродком. Я и есть компьютерный гик. Вы хотя бы не назвали меня компьютерным нердом.

— Не вижу разницы.

— Ну, здесь большая разница. Такая же разница, как если кто-то из Ирака и кто-то из...

— Вы что-то нашли в компьютере, Фероз?

— Ах, да. Я кое-что нашел. Ничего. Ничего, потому что он использовал Тор браузер.

— Я не знаю, что это, — Том снова стер пот со лба.

— Тор – это сокращенная форма от лукового маршрутизатора. С его помощью можно серфить интернет анонимно. Он скрывает местоположение пользователя, используя пиринговую сеть нескольких тысяч ретрансляторов. Поэтому Управление национальной безопасности, или кто-то другой, не могут отследить вас. Также он не записывает историю

вашего браузера, поэтому если вы в темном интернете...

— Что такое темный интернет?

— Даркнет, детектив. Он использует общедоступный интернет, но который не доступен для обычных двигателей. Вместо точка ком или точка нет, там точка онион. Вы слышали о Шелковом пути?

Это Том знал. — Он был черным интернет рынком. На нем можно было купить нелегальные товары и услуги. Федералы прикрыли их лавочку.

— Черный рынок никогда не уходит. Где есть спрос, кто-то обязательно найдет выход обеспечить предложение. Поэтому, благодаря Тору, у меня нет истории браузера подозреваемого, и я не вижу варианта, как его можно отследить. У него есть права администратора на домен Борись с чувствами, но и он защищен паролем. Я с ним еще не разобрался.

— Ну, вы хотя бы попытались. Можете передать трубку Рою?

— Рой в гараже. Я позвонил вам не для того, чтобы поговорить о том, чего я не нашел, детектив. Я позвонил вам, чтобы рассказать что нашел.

— Ладно, — сказал Том, думая о том, почему Фероз сразу не начал с этой информации.

— Его компьютер подключен к двадцати камерам видеонаблюдения по всему дому. Это очень современная, высокотехнологичная установка. Камеры миниатюрные и беспроводные.

— Они записывают? — спросил Том, кинув взгляд на дверной проем, поскольку там появился медбрат.

— Да. Файлы на зашифрованном жестком диске, но я попытаюсь применить атаку методом холодной перезагрузки и...

— Через минуту мне нужно уже быть на операции, Фероз. Можете перейти сразу к сути?

— Суть в том, детектив Манковски, что у подозреваемого без сомнения есть доступ к этим камерам на телефоне и ноутбуке. Что значит, что он знает, что мы здесь. Он даже может наблюдать за нами, прямо сейчас.

Эринии и есть фурии.

Он пытается игнорировать копов, топчущихся в его доме как стадо слонов, потому что наблюдать за тем, как они роются в его вещах, его доме, его жизни, было невыносимым. Он не хочет смотреть, но не может этого не делать, и с каждым взглядом его кровь закипала все сильнее. Один умник даже получил доступ к его компьютеру. Из-за этого вторжения в личную жизнь он почувствовал себя оголенным, разоблаченным и беспомощным перед какой-то кучкой безбожников.

Они думают, что я зло.

Я не больше зло, чем сама полиция. Или судьи. Или священники.

Я наказываю плохих людей. И делая это, спасаю их.

Я не преступник.

Я бог мести.

Почему они не видят?

Из всех в мире, я единственный по-настоящему невиновный человек.

Эринии потирает свои ноги, задумываясь о том, что если кости сломаны от того, что Кендал потопталась на них. Ему пришлось отойти от нее, потому что его ярость достигла своего пика и стала такой сильной, что он чуть ли не прибил ее прямо здесь.

Это было бы грязно. И расточительно.

Она же Кендал. Все Кендал заслуживают особого внимания.

Эринии закрывает свои глаза, сосредотачиваясь на себе.

Это всего лишь гормоны. Делают меня эмоциональным.

Сфокусируйся.

Делай то, для чего тебя послали сюда.

Захват дома не слишком отразился на планах. У Эринии есть в фургоне все, что нужно. Он думал, что самой сложной частью будет перетаскивание Кендал из клиники в автомобиль, но он рассчитал, как можно это сделать легче. Вместо этого самой сложной частью было усмирить грешницу. Ему нужно было быстрее действовать с эфирной маской.

Урок усвоен. Эринии включает электрошокер, затем щупает карман своего больничного халата, чтобы удостовериться, что кляп-шар на месте. Крики Кендал становятся невыносимыми.

— Доктор?

Эринии поворачивается. Видит мужчину в униформе охранника, стоящего в конце коридора. Охрана кампуса.

— Это здание закрыто на реконструкцию, — говорит он.

Эринии слегка поворачивается, пряча электрошокер своим телом. — Прямо сейчас я делаю маммографию пациентке.

— Почему же она так кричит?

Эринии рассматривает варианты. Мужчина огромен, но толст. Возможно, не в форме. Возможно, вооружен. В его левой руке ничего нет, а правую закрывает живот.

Эринии начинает подходить к охраннику, показывая раздражение на своем лице. — Послушайте, у меня нет на это времени. Моей пациентке, очевидно, больно, и мне нужно взглянуть на нее.

У копа что-то в руке, и он поднимает это.

Пистолет?

Нет. Рация.

— Здесь парень, говорит, что он доктор, и еще кричащая женщина. Запрашиваю подкрепление.

Эринии прибавляет шагу. Он уже всего в нескольких шагах от него. — У меня есть удостоверение, — говорит он, уже готовый наброситься с электрошокером.

— Мы уже за углом, — трещит рация.

Затем Кендал кричит. — Здесь кто-то есть?! Помогите!

И охранник возводит пушку. Эринии выкрикивает. — Она в опасности! Помогите ей!

Коп смотрит на Эринии, затем оглядывает коридор, и снова возвращает взгляд на Эринии. — Стойте здесь! — приказывает он, мчась прямо к Кендал.

Эринии не остается. Он направляется в другую сторону, прямо в зал ожидания, хватая свою сумку и натягивает длинное пальто. Когда он уже находится за пределами клиники, прибывает больше охранников.

— Что происходит? — спрашивает он, проходя мимо них.

На волоске от гибели.

Когда он снова навестит Кендал, ему придется быть более осторожным.

Более осторожным, и лучше вооруженным.

— Выпьем за независимость от мужчин, — сказала Джоан, поднимая рюмку.

Триш чокнулась с ней и осушила виски. Джоан наслаждалась алкогольным привкусом. Это не сравнится со старым Паппи Ван Винкль 23 летней выдержки, который у нее был дома в Лос-Анжелесе, но для пабов он был на удивление мягким.

К тому же, это уже была третья рюмка, которая, возможно, также поспособствовала ей оценить вкус.

— Так... оно было красивым? — спросила Триш, беря салфетку.

— Что?

— Кольцо.

— Серьезно? Мы же планировали *девичник-и-к-черту-парней*, а ты меня спрашиваешь о кольце?

Триш пожала плечами. — Мне раньше парень никогда не делал предложения.

— Эти все предложения – полная херня. Замужества – херня. Единобрачия – херня. Ты знаешь, сколько на самом деле моногамий существует?

— Сколько?

— Нисколько, — сказала Джоан. — Все животные лгут.

— Лебеди моногамны, — сказала Триш.

— А вот и нет. Этологи просто еще не поймали их за этим.

Триш нахмурилась. — А я слышала, что они моногамны.

Джоан надеялась хоть на какое-то женское сочувствие и на добродушную взрослую мужскую трепку. Вместо этого. Триш же казалась действительно подавленной.

— Разве ты не злишься? — спросила Джоан.

— Вообще-то нет. Думаю, я этого и ожидала.

— Почему? Ты же такая замечательная.

— Как женщина с яичками?

— Как человек, сказала Джоан.

— Что, если Том изменял тебе?

— Он и сейчас это делает. Со своей работой. Он скорее проведет время на своей работе, чем со мной.

— Разве его работа не важна?

— Каждая работа, по сути, важна, — сказала Джоан. — Я снимаю фильмы, которые делают миллионы людей счастливыми. Ты же помогаешь людям с возмещением средств.

— Большинство моих клиентов слишком богаты для возмещения, — сказала Триш. — И я ненавижу встречаться с ними. Кучка богатеет под названием маленькие ненасытные мрази.

— Даже если бы ты любила свою работу, была бы она главнее твоих отношений?

— Что, если бы мы были хирургами? — спросила Триш. — И были бы на связи 24/7 в случае какого либо ужасного происшествия?

— Это другое, — сказала Джоан. — Доктора спасают жизни.

— Также как и Рой с Томом.

Джоан махнула рукой бармену – который был милым, но слишком юным – для еще двух рюмок Блантона.

— Триш... я хочу сказать, что если наши парни что-то выбирают, или кого-то, вместо нас, то это не стоит всего этого стресса.

— Так ты не нервничаешь?

— Я имела дела со знаменитостями, которые на протяжении пяти недель угрожали уйти из двухсотмиллионного фильма только из-за того, что их парикмахер неправильно подстриг их челки. А на счет этого не переживаю.

— Он только что сделал предложение, Джоан.

— Мне не нужен муж. Мне нужен парень, который заботится обо мне. И если Тому угодно больше гоняться за отморозками, чем проводить время со мной... что ж, возможно, мне будет лучше с кем-то другим.

Джоан не понравилось, как это прозвучало вслух. А Триш, очевидно, вообще не слушала, потому что капалась в своем телефоне.

— Рой до сих пор не позвонил, — сказала Триш.

— Тогда зачем постоянно проверять его? Я свой отключила.

— Что, если будет что-то срочное?

— Как этим утром? Я сломя голову неслась в больницу, до смерти перепуганная, из-за того, что какой-то козел слегка укусил Тома за руку?

— Ты ЭП Тома, верно?

— ЭП?

— В контактах его Экстренной Помощи. Человек, которому звонят, если что-либо произойдет с ним.

— Думаю так, — Джоан сомневалась.

— Тогда тебе нужно включить телефон.

— Чтобы я проверяла его каждые пять минут на случай, если он позвонит? Нет, спасибо, — Джоан снова махнула бармену.

— По любому он звонил уже.

— Что, если так?

— Я хочу сказать, что это замечательно иметь мужчину, который постоянно названивает, чтобы извиниться, когда он напортачил.

— Рой не звонит тебе, когда напортачит?

— Звонил. До этого момента.

— Ты вообще говорила ему, что расстроена?

— Нет.

Джоан закатила глаза. — Триш, как можно ожидать его извинений, если он даже не знает, что ты злишься?

— Я не жду извинений. Я просто ожидаю... не знаю... сообщение, что он любит меня? Сообщение, со словами, что он хочет перепихона? Но зачем же ему это делать, когда он просиживает задницу в Хилтоне.

Бармен принес еще две порции виски и подмигнул Триш.

Он даже не взглянул на Джоан.

— Ты видела это? — только и сказала Джоан. — Флиртует с тобой. Даже на меня не посмотрел.

— Этот пушисто-персиковый бармен? — Триш фыркнула. — Да я этого паренька могу на две части разорвать.

Они подняли свои стопки и снова чокнулись.

— И как это было? — спросила Триш.

— Бурбон?

— Кольцо.

У Джоан эта картина встала перед глазами. Белое золото. Желтый бриллиант.

— Оно было бесподобно. Полностью мой стиль.

— Проверь телефон. Глянь, позвонил ли он.

Джоан замотала головой. — Ни за что. Я играла в эту игру *ждать-звонка*, когда была в старшей школе, надеясь, что мой возлюбленный пригласит меня на школьный бал.

— И ты пошла на школьный бал?

— Нет. Этот козел так и не позвонил. Но сейчас мы с ним общаемся на фейсбуке. Работает в закусочной, уродливая жена, четыре раза на день выгуливает своего йоркширского терьера. Я уклонилась от пули.

— Он счастлив?

Джоан нахмурилась. — Да.

— И это та самая пуля, от которой ты пытаешься уклониться? От счастья?

Ого. Сильно сказано.

— Вот так ты обламываешь мой кайф, Триш.

Триш протянула и положила свои руки на руки Джоан. — Я хочу, чтобы мой мужчина позвонил мне, чтобы знать, что он любит меня. А ты выглядишь так, словно не хочешь, чтобы твой звонил тебе, чтобы ты могла доказать... что ты пытаешься доказать? Что тебе никто не нужен?

— Мне никто и не нужен.

— Тогда зачем тебе, чтобы Том бросал свою работу ради тебя?

Джоан не нашлась, что ответить на это. И алкоголь не помогал.

— Включи свой телефон, — сказала Триш. — Посмотри, звонил ли он.

— Потому что это покажет, что он меня любит?

— Да.

Джоан покачала головой.

— Уверена, он звонил тебе, как минимум, десять раз.

— Ни за что.

— Давай поспорим. Если Том звонил тебе десять или больше раз, то ты ему перезвонишь.

— А если нет?

— Тогда мы с тобой вдвоем отключим телефоны на всю оставшуюся ночь.

— Договорились.

Они пожали руки, и Джоан достала свой телефон. Как только она включила его, ее живот скрутило.

Из-за чего я переживаю? Что Том позвонил мне больше десяти раз и мне придется с ним поговорить? Или что он не звонил?

— Десять пропущенных звонков, — сказала Джоан, всматриваясь в экран.

Триш усмехнулась. — Видишь?

— Девять от Тома. Один моего ассистента.

На мгновение они замолчали.

— Девять – тоже много, — сказала Триш.

Это было много. Но по какой-то необоснованной причине, это не казалось

достаточным.

— Спор есть спор. Отключаем телефоны.

Джоан с Триш отключили свои телефоны, а затем Джоан снова попыталась привлечь внимание бармена. У нее было сильное предчувствие, что они здесь задержатся надолго.

— Эйр энидс? — сказал офицер Ледесма. Он был не старше, чем Кендал, и у него не было этого уставшего от жизни взгляда, как у большинства копов. Кендал сидела напротив него за столом.

— Вот как это у него звучало. *Эйр энидс или эйр энис.*

Он напечатал что-то на своем компьютере.

— И ты никогда не видела его лица?

Кендал всхлипнула. Ее сиська все еще болела, а она все еще была сильно расстроена. Прошло более часа с тех пор, как коп спас ее, но сердце Кендал все так же сильно колотилось.

— Я только женщину видела. Медсестру Деметру.

Кендал не хотела снова плакать. Она плакала в машине по пути к полицейскому участку. Плакала в вестибюле в Эванстоне, дожидаясь детектива поговорить с ней. И она уже чуть не заплакала перед детективом, который к ней был очень добр.

Он снова предложил ей коробочку с салфетками, и Кендал вынула одну и промокнула ей глаза.

— Ты бы хотела поговорить с консультантом по сексуальному насилию? — спросил он.

— Я не была изнасилована.

— Ты была подвергнута сексуальному домогательству, мисс Смит.

— Я просто хочу покончить со всем этим и пойти...

Пойти куда? Она чувствовала себя так, словно куда бы она не пошла, за ней всюду следили. И сколько людей действительно за ней следили?

Или это все было просто у нее в голове?

Кендал всхлипнула. Добрый полицейский терпеливо ждал, пока она снова возьмет себя в руки.

— У тебя есть какие-либо враги? — мягко спросил он. — Или кто-то, кто тебя преследует?

Кендал не знала, что сказать. Мог ли разыграть все эти трюки ее собственный мозг? Может же быть, что она сама прижала свою грудь к тому ужасному аппарату? Этот ее кибер-преследователь, мужчина в шкафу, медсестра и доктор, все они могли быть галлюцинациями?

— Думаю, что меня кто-то преследует, — сказала она, снова разрыдавшись.

Затем она рассказала копу практически все.

— Где мне тебя высадить? — спросил детектив Ледесма.

Кендал зевнула. Еще не было время спать, она просто вымоталась. Она пробыла в полицейском участке пять часов. Детектив Ледесма купил ей пиццу, пока она работала с художником, чтобы создать портрет медсестры Деметры. Она прошла через все, что произошло с ней за последние несколько дней, и даже упомянула о нескольких травмах из ее прошлого; воздержавшись лишь от рассказа о том, как ей в детстве поставили диагноз шизофрении, а также от того, что в ее женской общаге полно камер, которые транслируют видео в интернет по подписке.

Но она рассказала ему все остальное. Она даже рассказала ему о своем обсессивно-

компьюльсивном расстройстве.

Было так приятно поговорить обо всем, и Кендал никогда не чувствовала себя более защищенной. Что-то в детективе Ледесме – имя которого, как она выяснила, было Джейкобом – оказывало успокаивающий на нее эффект. И она не хотела покидать его полицейскую машину.

— Я не знаю, — сказала она. Ее пугала мысль о возвращении домой. Ее пугала мысль хоть куда идти. — Я просто хочу остаться здесь.

— Я не против, — Джейкоб убрал с руля руки и занес их за голову. — Мы можем здесь вечность проторчать.

— Такой расклад меня устраивает. Но что, если нам нужно будет сходить в туалет?

— Это не проблема. Мы всегда можем сделать машинную бомбочку.

— Что за машинная бомбочка?

— Сначала мы пишем в пластиковую бутылку, а затем выкидываем на улицу.

Кендал засмеялась. — Это отвратительно. Копы же не должны так говорить.

— Копы всегда это делают. На долгих слежках. Туалета нигде нет. Сначала выпиваем полгаллоновую бутылку энергетика. А потом заполняем ее обратно и выкидываем в окно.

— Ты не серьезно.

— Конечно же нет. Мужчины и женщины Эванстонского полицейского участка никогда не мусорят. Мы ответственные и законопослушные. И каждую машинную бомбочку кладем в мусорку.

Она разразилась смехом.

— Так ты ловил когда-нибудь убийцу?

— Нет. Население восемьдесят тысяч человек, и единственное убийство за последние два года.

— А как на счет насильников?

— Десятки.

— Преследователей?

— На прошлой неделе выдал судебный запрет. Мужчина угрожал побить свою жену, и она обратилась в суд. Мне пришлось насильно вытащить его из его же жилья.

Глаза Кендал расширились. — Было опасно?

— Очень. Мужчине было восемьдесят восемь лет. Я очень переживал, как бы он не помер по пути в его новый дом престарелых.

Они снова засмеялись. — Думаю, я определилась, куда я хочу поехать, — сказала Кендал. — В библиотеку колледжа.

У Кендал была научно-исследовательская работа по биологии, и ей нужно было покопаться в интернете, но свой компьютер она все еще боялась включать.

— Заметано.

Он завел машину, и она наслаждались приятной, пусть и молчаливой, пятиминутной поездкой обратно к кампусу. Кендал открыла дверь, но не вышла.

— Все хорошо, — сказал Джейкоб. — Я буду здесь.

Кендал не из-за этого колебалась. Она пыталась прикинуть, сколько потребует шагов, от обочины до входа в библиотеку.

— У тебя же в телефоне записан мой номер, да?

— Да.

— Я не куда не уйду, Кендал. Ты хочешь, чтобы я пошел туда с тобой?

Кендал воспроизвела быстрые расчеты в своей голове и решила, что может начать свой счет с 1167. — Нет. Все отлично. Спасибо, детектив Ледесма.

Кендал покинула машину и ушла без оглядки. Через шестьдесят семь шагов Кендал уже вошла в компьютер № 17, использовав свое студенческое удостоверение, как пользователь 11892.

Через двадцать минут конспектирования, ее экран завис. Через несколько секунд неэффективного кляцанья мышки и клавиатуры она отодвинула свой стул и начала нащупывать под столом кнопку выключения для перезагрузки.

Затем появилось всплывающее окно.

Справочная служба библиотеки: Какие-то проблемы?

Кендал попыталась напечатать.

Пользователь 11892: Экран завис. Сейчас вроде нормально.

Справочная служба библиотеки: Ты пыталась выключить компьютер?

Пользователь 11892: Нет. Я ничего не трогала.

Справочная служба библиотеки: Вручную выключать компьютеры противоречит политике библиотеки.

Да какая разница, подумала Кендал. Она нажала кнопку esc, но окно с чатом осталось на месте.

Как мне вернуться к серфингу интернета?

Просмотр порнографии в сети противоречит политике библиотеки.

Серьезно? КАКОГО ХРЕНА?

Я не искала порно.

Я знаю. Я слежу за тобой.

Кендал тут же оглянулась. Она нашла взглядом справочную службу. Несколько библиотекарей сидели за своими компьютерами, но никто не смотрел на Кендал.

Ведь ты думала о порно, не так ли, плохая девочка?

Это начинало пугать. Кендал вынула свое студенческое удостоверение из считывающего устройства.

Экран не исчез.

Думаешь, что твоя сжатая титька твое единственное наказание? Ты будешь страдать, Кендал. Страдать за свои грехи.

Кендал отвернулась от компьютера.

Замерла.

Сколько шагов до выхода? Шестнадцать или семнадцать?

Компьютер начал вещать позади нее.

Голос Кендал.

— У меня только что был очень странный звонок.

— Странный, типа грязный? — голос Линды. — Какой-то парень дробил и стонал? Да ты счастливая шлюшка! У меня никогда не было таких звонков.

— Я имею в виду, что кого-то избивали.

— Это еще развратнее.

Кендал оглянулась через плечо и увидела, что на мониторе показывается вчерашнее видео через веб-камеру, где она и Линда на кухне.

— По-настоящему избивали. Кричали из-за того, что были избиты до полусмерти.

— Это шутка, что ли?

— Если и была, то несмешной.

— А кто это был?

— Было написано, что номер неизвестен.

Затем изображение переключилось на самое жестокое, что когда-либо видела Кендал. Какой-то парень с прикованной к лодыжке цепью, его избивали, из-за чего он и кричал.

Кендал добралась до лестницы за четырнадцать шагов, затем ей пришлось сделать еще два, плюс прикоснуться три раза к перилам, а затем она уже смогла вернуться за двадцать пять шагов в вестибюль.

Детектив Ледесма все еще был припаркован в зоне погрузки, в десяти шагах от нее. Кендал поспешила к его машине, затем три раза постучалась в его окно.

Он на половину опустил его.

— Уже все сделала?

— Да.

А что еще она могла сказать? Кендал знала, что если она потащит его наверх показать экран компьютера, там уже все исчезнет.

Если, конечно, там вообще что-либо было.

— Ну и, куда теперь?

Она подумала над вопросом. — Обратю в мою общагу.

Если ее преследователь был настоящим, он мог следить за ней где угодно, поэтому Кендал хотела быть в том месте, где восемнадцать камер транслируются 24/7.

Быть в том доме то же самое, что жить в аквариуме, на тебя смотрят со всех сторон. И сейчас это казалось самым безопасным местом.

Они ехали в тишине и уже вскоре добрались до дома. Когда они подъехали, Кендал даже не шевельнулась, чтобы вылезти из машины.

— Мне доводилось патрулировать в этом месте, — сказал детектив Ледесма. — Я знаю дом Эплисон Эплисон Дельта.

— Правда?

Это он так намекнул на то, что знает о веб-камерах?

— Массивные двери, передние и задние. На засовах. У вас тут даже окна защищены. Университетские правила. Хотят, чтобы их студенты были в безопасности.

— Замки можно взломать, — сказала Кендал.

— Это да. Но я буду здесь всю ночь, чтобы убедиться, что все в порядке.

— А что будет, когда ты уйдешь?

Он любезно улыбнулся. — Когда я уйду, кто-то другой заменит меня.

Она не ответила на это.

— Где твоя комната?

— Там, — Кендал указала на одно из окон, выходящих на улицу.

— У тебя есть замок?

— Один из этих хлипких замков безопасности с прорезью, которые можно открыть с помощью отпечатка пальца.

— У меня есть кое-что лучше этого. Сейчас покажу.

Офицер Ледесма вышел из машины. Любопытство Кендал взяло вверх, и она пошла за ним к багажнику. Он открыл его, и в нем оказалась маленькая картонная коробка. Он

вытащил эту маленькую, голубую коробочку, размером с ее телефон. Он открыл ее и вытащил странно выглядящее устройство, сделанное из металла и оранжевого пластика.

— Называется Адалок. Туристы используют их в отельных номерах. Укладываешь металлическую полоску внутрь двери поверх щеколды, закрываешь ее, а затем закладываешь оранжевую часть в отверстие. Так дверь не откроют, даже если ручка повернута, а замок взломан.

Он передал это Кендал.

— Такое маленькое.

— Зато работает. Поверь. Установишь, и дверь не откроют, если только не снесут.

Она сильно сжала Адалок. — Спасибо.

— У тебя есть мой номер. Если что-то случится, звони. Или просто распахни шторы и помаши мне через окно. Я буду здесь всю ночь, пить кофе и делать машинные бомбочки.

Кендал кивнула, быстро обняла детектива, а затем побежала к дому, сжимая Адалок, словно талисман.

Впервые за долгое время, которое он помнит, Уолтер Сиссик не ощущает боли.

Он подумал, что, если он уже достаточно настрадался за свои грехи, его Епитимья окончена.

А затем он начинает смеяться. Он смеется так сильно и так громко, что к нему приходит медсестра вколоть успокоительное.

Уолтер закрывает глаза, счастливый от того, что его искупление окончено.

Том открыл глаза, сознание все еще было затуманено после сна из-за накачки препаратами. Он проверил время. Чуть больше восьми часов вечера.

Они не положили его под операцию, но, что бы они ему не дали, этого было достаточно, чтобы забыть последние несколько часов. Вообще-то неплохо. Последнее, что он запомнил, то, как доктор Джонс капался скальпелем в его швах, которые были ужасными и грубыми.

Ему захотелось пить, и он потянулся к кружке с водой рядом с его кроватью. Его мобильник тоже был там. Он оставил его включенным, и поэтому батарея села. Том поставил его на зарядку, а затем нажал на кнопку вызова на его кровати. Медбрата заменила азиатка, куда старше его.

— Вы знаете, как прошла моя операция?

— Лучше всего поговорить об этом с доктором.

— А он здесь?

— Он ушел.

— А вы можете мне хоть что-то сказать?

— Посмотрим, смогу ли я что-нибудь узнать. Что-нибудь еще?

— Думаю, я пропустил ужин. Есть что поесть?

— У вас есть какая-нибудь диета?

— Предпочитаю не есть что-то паршивое.

Она улыбнулась. — Посмотрим, что я смогу сделать.

— Спасибо.

Том проверил телефон. Было 2% зарядки.

Джоан не звонила. Как и Рой.

Он подумал о том, чтобы еще позвонить Джоан. Если бы он сделал это со стационарного номера, она бы не узнала, что это он, и, наконец-то, взяла бы трубку. А затем...

Что затем?

Если бы ты обманом заставил свою девушку поговорить с тобой, это бы поставило отношения под удар.

Вместо того, чтобы позвонить Джоан, он зашел в гугл и нашел Тор, о котором говорил Фероз, браузер, который позволяет серфить глубокий интернет. Он нашел луковый браузер для айфона, скачал его и уже вскоре анонимно копался в даркнете.

После того, как он быстро разобрался в управлении, он зашел на сайт под названием Ahmia.fi, это скрытый поисковой сервис, в котором тысячи сайтов, таких как *fzqnrlcvhkbwdx5.onion*. Том начал кликать на адреса.

Несомненно с биткоинами можно приобрести практически что угодно, включая все виды наркотиков (нелегальные и те, что по рецепту), эскорт, оружие, супрессоры, сигареты, электронику, паспорта, украденные кредитные номера, подарочные карты, фальшивые деньги и еще раз наркотики. Ты можешь нанять наемных убийц, хакеров, кибер-троллей, чтобы те преследовали твоих врагов в сети или же чтобы запустить в их компьютер вирус. Было огромное количество сайтов о майнинге биткоинов, большинство из них были маркированы как *мошенники* кем-то, кто делал значки на Ahmia.

Некоторые сайты были любительскими, выглядели так, словно были созданы в 99 году с помощью Дримвивера. Том не мог представить хоть кого-то, даже самого глупого человека на планете, кто думает, что может достать настоящий гранатомет всего за четыре сотни долларов. Другие же сайты выглядели как современные онлайн-магазины. Можно просто положить в свою виртуальную корзину немного конопли банана-куш, которая стоит всего 0,0052 биткойна за грам. И еще чутка добавить ЛСД за 0,0025.

Тому казалось это забавным. Пока не стало странным.

Пока он твердо верил в приватность и свободу, Тому все больше и больше становилось неудобно лазить в скрытом интернете. Было сомнительно, что сайт, продававший ампутированные ноги тайских детей – с гарантией, что они никуда не убеют – был легальным. Но сама идея была ужасной. И Том знал, что в интернете уместны разжигания ненависти, но даркнет вышел на новый уровень, с реальным призывом к ненависти. Здесь были онлайн веб-камеры, которые очевидно были нелегальны и установлены без обоюдного согласия. Картинки, из-за которых его Гангрена Фурнье казалась совершенно безобидной.

Полагаясь на свою интуицию, он вбил в поисковик «Борись с чувствами». Как и ожидалось, у владельца сайта был еще и зеркальный онион сайт, помимо публичного.

Хотя слово *зеркало*, возможно, было не тем словом. Вместо того, чтобы сексуальным насильникам пытались помочь устоять перед соблазном, этот форум наоборот подсказывал, как не быть пойманным, какими трюками нужно владеть, как соблазнить несовершеннолетних, содержал советы о том, сколько необходимо флунитразепама, чтобы вырубить сорокафунтового ребенка.

Согласно боту, модератор был в сети.

Появилось чат-окно. Том перевернул свой телефон в горизонтальное положение, чтобы экранная клавиатура была больше, а затем начал печатать:

Я ищу Эринии.

Кто ищет? быстро пришел ответ.

Том из Чикаго.

Ответа не было. Но затем, он нервно начал печатать:

Вы, свиньи, переполошили мой дом.

Он переписывался со Снайпером. Том уставился на телефон, думая, может, стоит позвонить Ферозу, чтобы отследить...

А. Ну да. Это же даркнет. Никто не может никого отследить.

Не я. Напечатал Том. Я сейчас залечиваю раны. Твой друг в подвале укусил меня.

Тебе нужно показаться доктору, Том. А то можешь и заразиться.

Спасибо за беспокойство. Должно быть, он был очень плохим мальчиком, раз ты держал его взаперти несколько лет.

Он был очень, очень плохим мальчиком.

Тебе доставляло удовольствие держать его на цепи, как собаку?

У меня своя работа. У тебя своя. А тебе доставляет удовольствие твоя работа, Том?

Я не люблю насилие.

Как и я. Но это необходимо делать.

И почему же?

Я наказываю грешников. Я даю им Епитимью.

А разве ты сам не грешен? Мы переписываемся на сайте, которой

специализируется на помощи педофилам.

Я просто помогаю им очиститься.

Под очисткой ты называешь кастрацию?

Конечно. Я спасаю их души. И спасаю их будущих жертв.

А как на счет вебкам моделей? Как ты спас Кендал Хеффертон?

Женщины отличны от мужчин. Ты знаешь это. Мужчины не могут помочь себе.

Ими управляют их члены. А не будет члена, не будет и греха.

А женщинами?

Я не могу отрезать что-то, чего у них нет. Их грехи куда глубже. И их никак невозможно искоренить.

Поэтому ты пытаешь их до смерти?

Я очищаю их, Том. Делаю их непорочными. Некоторым нужно больше очищения, чем остальным.

Вебкам моделям по имени Кендал?

Кендал самые грешные.

Почему это? Твою мать звали Кендал?

Нет.

Том рискнул. Твою мать звали Лилиана?

Когда-нибудь я расскажу тебе о своей матери.

А почему бы не сейчас?

Сейчас я занят. Мне нужно очистить мою следующую грешницу.

Как раз таки то, что Том не хотел, чтобы произошло. Не очень то и удобно здесь переписываться. Может, встретимся?

Мы встретимся.

Сейчас?

Мы встретимся. Но не так, как ты себе это представляешь.

Так ты уже выбрал следующую Кендал?

Да.

Сегодня ночью ты ее убьешь?

Очищение не убийство, Том. Твое тело имеет срок годности. А душа вечна. Если Кендал страдает за свои грехи, пока жива, она будет спасена в загробном мире.

Том начал перебирать в голове древнегреческую версию рая. Где? На Иллюзионных полях?

Это Елисейские поля. Не будь глупым. Это все ненастоящее.

Но ты веришь в то, что ты фурия, ведь так? Разве это может быть реальным?

Я результат своей реальности.

Том припомнил разговор с один психопатом по имени Торбл, который проходил по больше части, как этот. Сначала человек кажется совершенно нормальным, а затем уже чокнутым.

Не убивай больше никого. Прошу.

Ты согласишься на сделку, Том?

Конечно. Что ты хочешь?

Ответ был мгновенным. Кастрируй себя.

Я отрежу свои яйца и ты больше никого не убьешь?

Да. Даю слово.

Мне нужно подумать над этим.

На это нет времени. Эта сделка выгорает через тридцать секунд. И этого времени больше, чем достаточно, чтобы сделать это дельце. Уж я то знаю по опыту.

Хорошо. Я сделаю это.

Ну, так делай, Том.

Мне нужно найти нож.

Том подождал. Затем напечатал, Все, он у меня.

Ты лжец, Том. На следующей жертве, которую я убью, я вырежу твое имя по всему ее телу.

Эринии покинул чат и форум. Снова ушел убивать.

И Том понятия не имел, как ему его остановить.

Эринии перебирает в голове контрольный перечень. Что в фургоне и что при ней?

Скотч.

Тесак.

Картонная коробка.

Тележка.

Покрывала.

Универсальные ключи.

ВД-40.

Пистолет.

Гамма-гидроксимасляная кислота.

Кляп.

Таурус 9мм с глушителем.

Подгузники для взрослых.

Этиловый эфир.

Аммиачные ампулы.

Подпорка для двери.

Старинная эфирная маска.

Спасибо тебе, интернет. Что не может поставлять Амазон и иБэй, то может даркнет.

Два часа ночи, и Эринии устала и взбешена одновременно. Переписка с копом на удивление была веселенькой. Подглядывание за ним добавило еще больше веселья.

Ты достал нож, Том?

Нет... не достал. Я знаю это, потому что наблюдаю за тобой через камеру твоего мобильного телефона.

Вещи становятся все более сложными. Запутанными. Смена планов в последнюю минуту может привести к ошибкам. Но Эринии терпелива.

Эринии само *терпение*.

Медленно и спокойно.

Молча и осторожно.

Эринии за дверью грешницы.

Она достает телефон.

Заходит в приложение.

Подключается к телефону грешницы.

Получает доступ к ее камере и микрофону.

Комната темна. Лишь звук дыхания.

Грешница спит.

Эринии просовывает внутрь засов, смазав маслом. Она также вставляет тонкую, красную трубку в дверные щели и петли, чтобы убедиться, что там все смазано.

Дверь скрипнула; Эринии знает это из онлайн наблюдения. Сейчас, благодаря универсальному ключу, дверь открывается со слабым звуком.

Эринии входит во тьму, быстро проскальзывая внутрь, и закрывает за собой дверь.

Тебе не следовало лгать, Том.

*Тебе следовало совершить сделку, и отрезать свои гадкие мужские причиндалы.
Потому что сейчас я в твоём доме.
И я собираюсь снять одно видео. Где я вырезаю твоё имя на лице Джоан.*

Джоан проснулась от жужжания. Ей потребовалась секунда, чтобы сориентироваться. *Я в кровати. В кровати Тома. Всю ночь зависала с Триш. Слишком сильно напилась.* Снова жужжание.

Мой телефон. На тумбочке рядом с кроватью.

Джоан взяла его и прищурилась на сообщение. Оно было от Триш, написано капсом.

ОБОКРАЛИ!!!!

Пока Джоан гадала, что это значило, и почему стоит четыре восклицательных знака, ей пришло еще одно сообщение.

Рой не был в Хилтоне! Кто-то подделал его кредитку! Он не изменяет!!!

Джоан послала ей в ответ улыбающийся смайлик. Затем она проверила свои сообщения.

От Тома ничего.

Она нахмурилась в темноте. Джоан так и не прослушала его предыдущие сообщения. Она ждала, пока он придет домой, чтобы лично со всем разобраться.

Он все еще был в больнице? Укус был куда серьезнее, чем Джоан это представляла?

Или он был в каком-то другом месте?

В баре?

Отеле?

С его невероятно горячей, бисексуальной коллегой Евой?

Или на работе гоняется за Сниппером?

Джоан пыталась совладать со своими эмоциями. Раньше ее гнев был обоснован. Ее мужчина не мог взять несколько дней отгула, чтобы провести время с ней. И все же он посчитал сделать ей предложение – то, чего Джоан даже не хотела – что было вполне логично.

Замужество включало в себя обязательства на всю жизнь, а Том не может справиться даже с неделей.

У нее есть все причины злиться.

Но сейчас Джоан чувствовала лишь беспокойство.

В порядке ли Том?

Они сорились и раньше. И даже не однократно, из-за чего Джоан просто выключала свой телефон, чтобы все улеглось. И это всегда срабатывало.

Минутку... разве мой телефон не был выключен? Как я его включала?

Джоан включила лампу на тумбочке и села. Дом выглядел пустым.

Но не чувствовался таковым. Такое ощущение, словно здесь кто-то был. Наблюдал за ней.

— Том?

Тогда как ее сердцебиение участилось, страх и здравый смысл боролись за контроль над рассудком Джоан.

Может же быть, что кто-то вломился в дом, включил телефон Джоан и сейчас где-то скрывался?

Вряд ли.

Но Том был копом. У него были враги. Он гонялся за убийцами. Джоан и раньше смотрела злу в глаза, а унция профилактики давно перевесила фунт лечения. Страх означает,

что твоё тело тебе что-то говорит. Стоит прислушаться. Джоан бросила взгляд на дверь. Она всего в трёх метрах от неё. Она может добежать до неё, выскочить в коридор, а затем...

Затем что?

Позвонить в полицию? Скакать им, что думает, что кто-то в доме?

А если она неправа, то будет выглядеть глупо. Она с Томом навсегда останется объектом насмешек в чикагском полицейском участке.

Позвонить Тому?

Этот вариант был лучше. К тому же, это будет идеальным поводом поговорить с ним.

Но что, если он не возьмёт трубку? Что, если проигнорирует её, как Джоан игнорировала его? Или что, если он напивается в каком-нибудь пабе, как это делала ранее Джоан с Триш?

Сначала нужно попробовать позвонить Тому. Если он не ответит, то идти к соседям.

А потом? После того, как она поколотит в соседскую дверь в два часа тринадцать минут ночи, одетая лишь в лифчик и футболку, нужно будет позвонить в полицию. Что снова приведет к смешному сценарию.

Затем Джоан вспомнила о тумбочке.

О запасном пистолете Тома. А .380 Кимбер, с которым она практиковалась на стрельбище.

Она выдвинула ящик, нашла ружье рядом с пультом от телевизора, а затем быстро и оперативно перезарядила магазин и возвела пушку.

— У меня пистолет! — объявила Джоан. Так, как Том научил её.

Обезопасившись, прочно ухватившись двумя руками за ружье, Джоан свесила ноги с кровати и пошла обыскивать дом.

После того, как зажужжал телефон Джоан, Эринии проскользнула в ванную. Она хорошо знает, где что находит в доме; люди всюду берут свои сотовые с собой. Пока Джоан отвечает на сообщение, Эринии нащупывает над собой люстру. Она аккуратно снимает стеклянную поверхность, а затем откручивает лампочку в четверть поворота.

Потом Эринии стаскивает с себя обувь и начинает осторожно раздеваться.

Хорошо, когда все спланировано. На ней не было ничего на замке, с пряжками или на заклепках. Ничего, что может издавать звук, при снятии. Эринии складывает свою сумку, обувь, мешковатые джинсы, куртку и темную фланелевую рубашку в ванну. Под всей этой одеждой на ней был комбинезон, покрытый вантаблэком, и еще носки в тон костюма. Она достает тюбик в вантаблэком из кармана куртки, закрывает глаза и наносив вещество на веки. Затем она натягивает лыжную маску и перчатки, уже покрытые вантаблэком.

— Том?

Нет, это не Том.

Эринии осторожно достает эфирную маску из своей сумки и кладет ее в раковину, затем достает стопор. Делая все это в темноте, она выливает половину бутылочки эфира на маску, опираясь на ее вес. Затем она кладет пистолет и глушитель на туалет позади нее.

— У меня пистолет! — сказала Джоан.

Как и у меня. Эринии закрывает глаза и стоит совершенно неподвижно, становясь одним целым с темнотой. *Ну же, найди меня, сучка.*

Джоан прошла мимо кровати, проверяя каждый угол комнаты и ничего не найдя. Дверца шкафа была слегка приоткрыта, и она, с одним пальцем на спусковом крючке, быстро распахнула ее.

Ничего.

Она подобралась к углу комнаты, повернулась и нажала на выключатель на кухне.

И здесь никого.

Осталось еще несколько шкафов, гостиная и ванная.

Уровень ее страха начал снижаться, а нелепость брать вверх. Она подумала, что ее паника из-за чувства вины, нежели от угрозы. Джоан представила, как Том входит прямо в этот момент, и она случайно заряжает три пули ему в грудь. Она убрала палец с курка, переместив его в сторону.

Я веду себя глупо. И слишком параноидально.

Лучше вернуться обратно в постель.

А потом позвонить Тому.

Джоан пообещала себе, что так и сделает.

Но сначала ей нужно проверить остаток дома.

Выдыхая неприятный запах, Джоан подошла к бельевому шкафу.

Одну руку положила на дверную ручку.

Быстро распахнула дверь.

Никого.

Джоан представила, как забавно будет рассказывать кому-то эту историю через какое-то время. Когда они уже с Томом будут старыми.

— *Помнишь ту нашу ссору, когда ты сделал мне предложение? Когда я была одна в твоём доме, я так сильно по тебе скучала, что подумала, что кто-то ворвался в дом.*

— *И что ты сделала?*

— *То, что ты мне говорил. Предупредила, что у меня был пистолет, затем пошла осматриваться, искать кого-то, чтобы пристрелить.*

Они еще посмеются над этим, и сейчас мысли об этом прояснили Джоан, что она мужественная.

Потому что скучаю по тебе очень сильно.

Она заставила Тома выбирать между ней и его работой. То, что Том никогда бы не попросил сделать ее.

Почему я это сделала? Из-за ревности? Неуверенности?

Я вообще волновалась из-за того, больно ли ему? Или я просто возненавидела то, что он предпочел вместо меня?

Джоан припомнила, как он стоял на колене, держа обручальное кольцо, а в его глазах читалась любовь.

Ого. Да я действительно все испортила.

Она прошла в ванную и стала нащупывать выключатель.

Он не работал.

Джоан переключила его несколько раз, прищуриваясь в темноту.

Никого. Я так нелепо себя веду. Надо позвонить Тому.

Она повернулась, ставя пистолет на предохранитель, а затем заметила странный, резкий запах. Почувствовалось быстрое движение, а затем что-то толкнуло ее в спину.

Джоан упала вперед на колени, пытаясь понять, что только что произошло. Сильная боль сбила ее с ног, но она все еще держалась за пистолет, но затем она повернулась и увидела...

Выглядело так, словно что-то парило посреди воздуха.

Джоан прицелилась и спустила курок, но стоял предохранитель. Затем пистолет ударил ее по плечу, она оказалась лежащей на спине, и что-то невидимое давило на нее.

Нет. Не невидимое.

Что-то черное. Такое черное, что невозможно разглядеть.

За исключением глаз. Парящих в темноте пары глаз.

Руку с пистолетом прижали, поэтому Джоан замахнулась своей свободной рукой, ударив в лицо мужчины и ухватившись за край ткани, из-за чего стало видно подбородок и несколько обнаженных, скалящихся зубов.

Джоан протянула руку и надавила большим пальцем на глаз. Он отпрянул, и Джоан оттолкнулась, а затем коленом зарядила ему в пах...

... ее голая нога ничего там не нашла.

Так это была женщина?

Пистолет ударил Джоан в бедро, боль была такой пронзительной и невыносимой, что все ее тело свело судорогой. Джоан оцепенела, но затем резкое движение неким образом сбilo ее атакующего.

Также из-за этого Джоан бросила пистолет.

Джоан перевернулась на сторону, поднялась на своих трясущихся ногах и побежала, на максимальной скорости к входной двери.

Она схватилась за ручку, повернула ее и дернула.

Дверь не поддавалась. Она сильнее надавила на нее, затем посмотрела вниз и увидела внизу подпорку для дверей. Как только она дотянулась до нее, на ее спину наставили пистолет. Муки Джоан не прекращались до тех пор, пока она не потеряла сознание.

Эта штучка настоящий боец.

Эринии продолжает оглушать Джоан, пока женщина не теряет сознание, затем она быстро уходит в ванную и берет из раковины эфирную маску, хорошенько выжав ее.

Грешник никогда не проснется, если будет слишком много эфира.

Эринии удерживает влажную маску на лице Джоан, пока не убеждается, что она без сознания.

Затем быстро проверяет телефон Тома, чтобы знать, что он еще в больнице.

Он там. Спит.

Его, вероятно, еще не будет несколько часов.

Эринии забирает свои вещи из ванны, одевается в одежду из комиссионного магазина, не волнуясь о том, что она в крови.

Эринии продумывает свой следующий ход, пока смывает свой черный макияж.

Она обещала кое-что Тому. Вырезать его имя по всему телу шлюхи.

Но нужно время для нечто подобного. Энергия. А Эринии устала. Это был долгий день. У нее болит глаз, в том месте, где надавила Джоан.

И все же, обещание есть обещание.

Эринии ставит свою сумку рядом с Джоан, затем достает скотч и нюхательную соль.

— Так... все прошло успешно? — спросил Том. Было чуть больше семи часов утра, а доктор уже стоял возле его кровати.

Доктор Джонс кивнул. — Я не увидел никакой некротической ткани. Я резал вокруг раны, чтобы точно знать — а некротический фасциит это не игрушка — и отправил образцы в лабораторию. Прогнозы хорошие.

— Я могу идти?

— Я рекомендую вам провести еще один день на внутривенных антибиотиках.

— А как на счет орального способа?

— Оральное принятие лекарств не эффективно против такой формы стрептококка.

— Я должен рискнуть, док. Возможно, прошлой ночью серийный убийца пополнил свой список, а еще мне нужно уладить дела со своей девушкой.

Он прописал Тому таблетки азитромицина и крем клиндамицин, на что потребуется целая вечность, чтобы получить это в больничной аптеке на первом этаже. Но пока он ждал, взял себе Хостес эппл пай и Литл Дэбби ханибан в подарочном магазине. Том пропустил завтрак; холодную, резиновую яичницу и стальные тосты, что принес медбрат, которому он солгал. Пока он вдоволь наслаждался этим дерьмом, решал, кому позвонить первому, Рою или Джоан.

Том подумал, что сначала стоит поговорить с Джоан.

Она не ответила.

Он позвонил на домашний, но включился автоответчик.

Она все еще игнорировала его?

Том вспомнил их последние слова.

— *Куда ты?*

— *Домой.*

Может, она имела в виду не дом Тома. Может, Джоан имела в виду вернуться обратно в Лос-Анджелес.

Пятичасовой перелет, нужно больше времени, чтобы связаться. Еще зависит от того, какой перелет выбрала Джоан, в таком случае она уже сегодня должна вернуться в ЛА.

Том позвонил ассистенту Джоан, и его перебрало на автоответчик. Конечно же, как иначе, в Калифорнии время на два часа раньше. Он оставил сообщение, сказав, что это срочно, а затем позвонил своему партнеру.

— Я найду этого сукиного сына, Томми. Я найду его, я обхватю руками его шею и буду давить, пока его глаза не полопаются.

— Думаю, прошлой ночью он снова кого-то убил, Рой.

— Кто?

— Снайпер. А ты о ком говоришь?

— Об ублюдке, который взял мою кредитку и оплатил себе номер в Хилтоне. Бедная Триш весь день была разбитой. Думаю, меня обвели вокруг пальца. Джоан тебе не рассказывала? Почему ты мне не дал знать, чувак? Мы же братаны.

— Я пытался тебе сказать. Триш что-нибудь слышала от Джоан?

— Леди были прошлой ночью вместе. Триш до сих пор еще отходит. Слышал, что тебя положили. Сочувствую. Джоан еще придет.

— Джоан не говорила Триш, что она собирается обратно в ЛА?

— Последнее, что я слышал, это то, что она вызывали такси около десяти часов вечера.

Погодь, — Том услышал говорящую на фоне Триш. — Джоан писала Триш прошлой ночью, в два часа.

Это хорошо. Странно, что сейчас в доме Тома пьяна Джоан, возможно, отсыпаясь.

— Что на счет дела? Есть какие зацепки? — спросил Том.

— Чувак, жулики как приведения.

— Я о Сниппере, Рой.

— Потребуется месяц, чтобы просмотреть все то дерьмо, что мы нарыли. Встретимся в офисе?

— Не получится. Я в отпуске.

— Ладно. Буду держать тебя в курсе. Удачи с Джоан.

— Спасибо.

— О, Том! Чуть не забыл сказать тебе. Этим утром на первой странице полицейского журнала. Терренс Вайклеф Джонсон сбежал из тюрьмы прошлой ночью. Улицу прозвали Т-Гвоздь. Плохой парень. Получил свою кличку, прибивая людей к стенам.

Том не был уверен на счет того, почему Рой рассказал ему это.

— Он убил уже несколько людей в бегах? — спросил Том.

— Не знаю. Пропали два охранника и три парамедика. Его везли в госпиталь и машина скорой помощи исчезла.

Одна из худших сторон быть копом. Ты убираешь плохих парней, но затем они снова появляются, делают еще больше плохих вещей. — Дерьмово звучит, но мы не банда, Рой.

— Я знаю. Не наша проблема. Но капитан Бейнс попросил меня сказать тебе.

— Зачем?

— Офицер под прикрытием, который арестовал Т-Гвоздя, была нашим старым лейтом.

— Джек?

— Лейтенант Дениелс сдала значок, чтобы жить своей жизнью. Возможно, наша приятельница затаила обиду. Бейнс звонил ей на домашний, никто не ответил. Так же, как и от ее старого партнера.

Том знал сержанта Герба Бенетикта также хорошо, как и Джек. Хороший человек, хороший коп.

— Бейнс спрашивал, есть ли у меня ее номер, — продолжил Рой. — У тебя же есть? Вы, ребята, все еще общаетесь?

— Да. Сейчас позвоню ей, дам ей знать.

— Веселого отпуска, дружбан мой.

Рой повесил трубку. Том пролистал свою адресную книгу и наше Джек, которая посвятила себя этой работе, и все еще расплачивалась за это в отставке.

— Это Джек.

— Лейт, извиняюсь за то, что звоню так рано. Это Том Манковски.

— Я уже не лейтенант, Том. Что такое?

— Я только что узнал об этом, не смог связаться с сержантом Бенедиктом. Он уже звонил тебе?

— Герб в отпуске. Он выключил свой телефон. А узнал о чем?

— Терренс Вайклеф Джонсон сбежал из тюрьмы прошлой ночью.

Повисла пауза. Затем Джек сказала. — Т-Гвоздь.

— Пропали два охранников и три парамедика.

— А что случилось?

Том повторил сказанное ему Роем.

— Звучит так, словно ему помогли. Машину скорой помощи нашли?

— Нет.

— Ты разговаривал с кем-нибудь из отряда? Они уже предпринимают какие-то действия?

— Я только услышал, что это напечатали в журнале, и тут же позвонил. Хочешь, чтобы я отправил тебе патрульную машину?

— Нет необходимости. Мы на севере. У Гарри тут местечко возле озера. Я более чем уверена, что с нами все будет хорошо. Т-Гвоздь так и не знает моего имени. Я давала показания под прикрытием.

— Где ты? — Том быстро остановил себя. — Постой, не говори мне. Я работаю над делом, а электронная безопасность не такая уж и безопасная, как я думал.

— Снайпер?

— Ага. Из-за него мы с моим партнером круги наворачивали. Не знаю, слышала ты или нет, но был еще и второй убийца.

— Опиши место преступления.

Том во всех грязных подробностях описал кончину Кендал Хеффертон.

— Звучит как убийство на сексуальной почве, — сказала Джек.

— Спермы нет. Никаких следов изнасилования.

— Ее грудь была изуродована так же, как и ее рот с вагиной?

— Нет. Она не тронута. Как и в прошлый раз.

— А ее бюстгальтер был на месте?

— Да.

— Мужчин привлекает женская грудь. Необычно, что ее убийца обделил вниманием.

— Думаешь, что преступник, возможно, женщина? — Том уже думал об этом.

— Я думаю, что хоть это и выглядит как сексуальное преступление, но в планы убийцы это не входило.

— Ты уже написал ВиКАТ отчет на имя жертвы? Ты также можешь запустить сервис по оповещениям, который автоматически тебя уведомит, если кто-то введет новые данные. Возможно, убийца в поиске новой жертвы. Если он будет следовать той же схеме, то сначала будет преследование. А тебе, возможно, нужно взять перерыв.

— Хорошая идея, — Том не пользовался ВиКАТом уже давненько, из-за плохого дизайна сайта, а копы не были хороши в заливке информации, Том добавил. — У меня тут еще кое-что есть, не уделишь секунду?

— Конечно.

Том быстро повторил о том, что случилось с Гектором Валентайном и Уолтером Сиссиком. — Я тут в сети недавно переписывался с преступником. Думаю, это мог быть сын Уолтера, Деннис. Но одинаковые спальни меня напрягают. Так же, как и жертвы. Кастрированные мужчины. Женщины, измученные до смерти. Трансгендерная или, возможно, интерсексуальная женщина, которая приходила к нам, строившаяся из себя свидетеля. По крайней мере, она соучастник, а может даже и больше.

— Как ты узнал, что она трансгендер? — спросила Джек.

— Рой сказал, после того, как она ушла. Если бы он ничего не сказал, я бы даже не

понял. Я все продолжаю возвращаться к...

— Звучит так, словно тут два преступника.

— Именно. Мы не знаем, сколько детей у Уолтера Сиссика. Ты когда-нибудь работала над делом, где были двое близнецов, убивавших вместе?

Джек издала такой звук, похожий на фыркanye. — Да. Работала. Сумасшествие чаще всего передается по наследству.

— Так что это могли быть брат и сестра. У каждого из которых были похожие, но все же разные, действия.

— Или двое братьев, — сказала Джек. — Один из которых идентифицирует себя женщиной. Идентификация — это больше, чем наш взгляд на самих себя. Это также сказывается на том, как мы видим остальных. Мы — как стаи животных. По своей сущности хотим быть рядом с людьми, как мы сами.

Хорошо сказала. — А что, если мы не можем найти никого похожего на нас?

Том заметил, как фармацевт, наконец-то, пришел выписать ему рецепт. Он подошел к регистру.

— Джек? Ты там?

Джек не ответила. Том решил перезвонить ей, но его перебросило на автоответчик.

Он заплатил за рецепты, сунул их в карман и направился к больничной парковке. Как только он сел в машину, снова набрал Джек.

И снова автоответчик.

Странно. Они разговаривали друг с другом, и, судя по всему, пропала связь. Но, как правило, после этого один или оба собеседника пытаются дозвониться, пока связь не восстановится. Джек не прислала ему ни одного сообщения, поэтому Том подумал, что, если в том месте, где она сейчас находится, очень плохая связь.

Но была в этом маленькая доля чего-то еще. Чего-то плохого.

Как бы сильно он этого не хотел, Том набрал Гарри МакГлейду, бывшему копу, который потерял свою руку и был занозой в заднице. Он все еще работал с Джек, в частном секторе, о котором Джек упоминала. Насколько бы это ни было проблематично говорить с ним, он должен быть проинформирован о ситуации с Т-Гвоздем.

— Что?

Хорошее начало разговора по телефону. — Это детектив Том Манковски, МакГлейд.

— И?

— Я звоню на счет Джек Дениелс.

— Джек здесь нет.

— Я знаю. Я только что говорил с ней.

Том осветил МакГлейда о недавнем разговоре, закончив словами. — Там, где ты сейчас, есть стационарный телефон?

— Нет. Полагаю, просто плохая связь. Буду донимать ее на автодозвоне, пока не дозвонюсь.

МакГлейд повесил трубку.

Том снова попытался позвонить Джоан, и на ее телефон и на домашний.

Она не ответила.

У Тома свело желудок. Как коп, он часто опирался на интуицию.

И у него было предчувствие, что дела шли плохо, очень плохо.

Эринии просыпается.

Неудобно спать в фургоне. Она припарковалась на заправке шоссе I-90, среди других грузовиков с храпящими водителями.

Она потягивается, замечает, что сейчас семь часов утра, затем проверяет, как обстоят дела у Тома. Его доктор разговаривает с ним.

— Я не увидел никакой некротической ткани. Я резал вокруг раны, чтобы точно знать — а некротический фасциит это не игрушка — и отправит образцы в лабораторию. Прогнозы хорошие.

Эринии нужно поискать, что такое некротический фасциит.

Гадость какая. Так вот что происходило с губами Уолтера.

Шоу Тома Манковски продолжается через несколько телефонных звонков.

Эринии много чего узнает.

Копы не нашли никаких зацепок в ее доме. И они не найдут. Даже если этот компьютерный гик расшифрует ее файлы, в них не будет ничего, что сможет привести их к ней.

Кто-то сбежал из тюрьмы, и эта история такая интригующая, что Эринии начинает искать Терренса Вайклефа «Т-Гвоздя» Джонсона.

Число его трупов заставляет ее стыдиться. А его фотография под арестом вселяет ужас. Смотря на это, Эринии начинает дрожать. Им удастся убрать такое животное, а он все равно сбегает. И все же эта смехотворная Война с наркотиками (англ. **War on Drugs** — термин в политике Соединённых Штатов Америки, описывающий многолетнюю государственную кампанию по борьбе с наркоторговлей и употреблением наркотических веществ как внутри страны, так и на международном уровне — прим. переводчика)..

— которая не дает использовать людям химикаты, признанные незаконными кучкой отсталых, продажных политиков — арестовывают правонарушителей каждую 1,9 секунды, которые хоть как-то связаны с наркотиками. В какой вселенной имеет смысл запирает людей за то, что они делают со своими собственными телами то, что хотят, и выпускать психопатов, которые прибивают людей к полам и стенам? В уголовной системе этой страны что-то очень неправильное.

Разговор с наставником Тома, бывшем копом, которую смешно зовут Джек Дениелс, был также увлекательным. Слушать, как они обсуждают ее, словно слушать сочные сплетни. В большинстве они заблуждались, а в некоторых догадках они на удивление были близки.

Эринии вводит в поиске Жаклин Дениелс и находит много информации. Джек была звездой. Она расследовала самые громкие преступления серийных убийц, включая некоторые громкие имена, о которых слышала Эринии.

Возможно, когда я закончу с Томом, я нанесу его наставнику небольшой визит. Нет никаких сомнений, что у Джек Дениелс много грехов, которые она должна искупить.

Шоу Тома Манковски продолжается резким звонком грубияна по имени Гарри МакГлейд — тот, кто даже более популярен, чем Джек — и Эринии выключается после того, как Том делает еще одну отчаянную и жалкую попытку связаться с его несостоявшейся невестой.

Будешь ли ты удивлен, когда узнаешь, что с ней произошло?

Эринии выходит из машины, проходит через стоянку к 7-11. После использования женского туалета, она покупает утренний рогалик, сэндвич и большой кофе, запросив с дополнительным кремом и сахаром.

Лишние калории будут эффективно использованы. На сегодня столько много дел.

Она отдает свой последний доллар и мысленно отмечает, что не помешает достать немного денег.

Вернувшись в фургон, она проверяет Джоан, ее запястья прочно прикреплены к восьмидюймовому железному U-образному болту, прикрепленному к полу фургона, рядом с аквариумом.

Она все еще в отключке.

За несколько часов до этого Эринии думала и пришла к решению, что лучше похитить Джоан, чем просто убить ее. Хитрый шаг, к тому же ей нужно было использовать Джоан, как средство для переговоров с полицией. Но у Эринии была причина куда больше, глубже; она никогда не давала Епитимью сразу двум грешникам.

Соблазнительная концепция. Если бы они смотрели еще одно страдание, их собственное страдание было бы более утонченным.

В теории, во всяком случае.

Так что, вместо того, чтобы привязать Джоан к кровати Тома, привести ее сознание и сделать свое дело с тесаком, Эринии возвращается обратно к фургону, подвозит к ней ручную тележку и картонную коробку. После того, как она проверила Джоан в покрывале и скотче, она выкатила ее наружу и загрузила в это средство передвижения, без посторонних взглядов на нее.

Не то, чтобы здесь было много людей, которые бы стали глазеть в четыре утра. Но если кто и увидел, то увидели бы просто человека, передвигающего огромную коробку.

Затем Эринии одела на нее подгузники – трудно сказать, сколько потребуется времени, чтобы забрать Кендал – привязала к стержню и положила таблетку бутирата под ее язык, чтобы она была податливой. Она пока еще не потрудилась с кляпом; на тот случай, если Джоан начнет шуметь, то она вполне может ее заткнуть. Но это не стоило того риска, если у нее случится рвота и она задохнется от нее.

Кроме того, слушать, как они исповедуются в своих грехах, было одной из наиболее приятных частей во всем процессе Епитимьи.

После того, как она завела фургон, Эринии направилась к ближайшему Биткоин банкомату. Они стали распространяться в Чикаго, так что через пять минут она уже его находит. Он расположен в алкогольном магазине.

Она на полпути к нему, когда замечает мигающие красные и голубые лампочки в зеркале заднего вида.

Полиция.

Не хорошо. Совсем не хорошо.

Даже хуже; она оставила Таурис на задней сиденье фургона.

Эринии медленно подъезжает к обочине улицы. Коп, без сомнения, все записывает на видео, плюс она видит, как его глаза сфокусировались на ее боковом зеркале. Если она встанет, чтобы заткнуть Джоан и схватить пистолет, то он заметит движение и сочтет это подозрительным.

Так что Эринии продолжает сидеть. Но когда она тянется к бардачку, чтобы достать свою страховку, она проверяет, занавески, разделяющие переднюю и заднюю часть фургона,

и убеждается, что они закрыты.

Полицейский с самодовольным видом подходит к двери, и Эринии опускает стекло.

Он бегло осматривает ее, затем вытягивает шею, чтобы заглянуть внутрь фургона.

Тут не на что смотреть, офицер.

— Лицензия, регистрация и страховка.

— Могу я спросить, почему вы меня остановили?

— Вы проехали на красный свет.

Эринии не проезжала на красный свет. Светофор едва переключился на желтый, когда она въехала на последний перекресток. Она всегда очень осторожна в таких вещах, потому что копы те еще мудаки.

Спорить с ним будет бесполезно. Проще оплатить штраф и к чертям свалить отсюда.

— Мне очень жаль, — она роется в своем бумажнике, проверяя, правильные ли водительские права она выбрала. Затем она протягивает их ему вместе со страховкой и регистрационным номером, а затем ждет, барабаня пальцами по рулю, надеясь, что фальшивое удостоверение личности стоит той сумасшедшей суммы, которую она заплатила за него.

Осел уходит к своей патрульной машине.

Проходит минута.

Две.

С заднего сиденья фургона доносятся хныканья Джоан.

Эринии смотрит в зеркало заднего вида. Он все еще пишет штраф.

— Том? — говорит Джоан невнятным голосом.

— Шш. Тихо.

— Кто ты?

— Я сказала тихо, — приказывает Эринии.

Коп выходит из своей машины и начинает подходить к ней.

— Я хочу к Тому, — сказала Джоан уже громче.

— Дорогуша, я приведу к тебе Тома, но на одну минутку ты должна сидеть тихо. Досчитай до шестидесяти, а затем ты сможешь поговорить с Томом.

— Почему я связана?

Коп всего в пяти шагах от нее. Одна рука на его ремне, рядом с кобурой.

— С тобой случился несчастный случай, — говорит ей Эринии. — Ты хочешь к Тому?

— Да.

— Сначала ты должна досчитать до шестидесяти.

— Один... два...

— Не вслух, дорогуша.

Коп постукивает кулаком по окну. Эринии опускает его на несколько сантиметров. Он просовывает папку с прикрепленным штрафом.

— Внизу подпишите.

Эринии с нетерпением берет ее.

Ручки не было.

— Том? Это ты?

Полицейский прищуривается на нее, делая вопросительное лицо. Эринии пожимает плечами. — У вас есть ручка, офицер?

— Том? — Джоан становится громче.

— С вами есть кто-то в фургоне?

— Нет. Никого. Просто радио, — Эринии быстро переключает радио, не смотря на то, что оно и так уже было выключено. — Ой, смотрите-ка, нашла.

Она поспешно вытаскивает из своего кармана шариковую ручку, чиркает внизу штрафа, протягивает папку обратно и закрывает окно.

Коп не уходит.

— Том? Где Том?

Коп снова стучит. Эринии снова открывает окно.

— Ваша копия и удостоверение личности. Информация о платеже штрафа или оспаривания нарушения на задней стороне квитанции.

— Спасибо, офицер.

Он продолжает смотреть и не уходит. Какого черта еще этот садистский фашист хочет?

— Вы уверены, что в порядке, мисс?

— Все хорошо.

— Уверены? — коп трогает свой глаз.

Эринии не уверена, о чем он говорит. Затем она смотрит на свои собственные глаза в салонном зеркале.

Видит следы от черного макияжа.

Он думает, что кто-то побил меня. Она еле сдерживается, чтобы не рассмеяться от абсурдности этой ситуации.

— Я могу отвезти вас в какое-нибудь безопасное место. Помочь вам.

Серьезно? Сначала выписывает штраф на двести долларов, а сейчас хочет сыграть в героя?

— Это произошло в спортзале, офицер. Спасибо за беспокойство.

— Ну ладно. Будьте осторожны на дороге.

Эринии кивает, закрывая окно. Позади нее, на заднем сиденье, Джоан начинает храпеть.

Бутират, наркотик, использующийся для изнасилования еще со времен 1960 годов.

Эринии выезжает обратно на дорогу. Через две минуты она паркуется перед алкогольным магазином, идет к задней части фургона, затыкает Джоан, а затем заходит внутрь, чтобы найти Биткоин-банкомат.

Эринии высвечивает QR-код на своем телефоне, вбивает пароль и проверяет валютный курс. В настоящее время биткоин стоит четыреста двадцать долларов США. Эринии выводит два биткоина в двадцатках. Итого, у нее остается чуть более восьмьсот шесть биткоинов в ее виртуальном кошельке.

Халявные деньги. Она майнила биткоины несколько лет, наряду с продажей различных хакерских серверов в даркнете. Этого более, чем достаточно, чтобы начать все сначала в новом штате, купить за деньги дом и создать несколько новых личностей.

Но сначала ей нужно завершить дела в Иллинойсе.

Эринии покидает парковку и направляется к шоссе, прямо в Эванстон.

По пути она останавливается у зоомагазина и берет банку со сверчками.

Яйца паука-бродяги начали вылупляться, а она не хочет, чтобы ее маленькие любимцы начали поедать друг друга.

Том открыл дверь в свой дом, торопясь войти внутрь, надеясь застать Джоан еще спящей.

Но Джоан не было.

Он положил руку на не заправленную кровать, как если бы там все еще было оставленное после Джоан тепло. Но простыни были холодными.

Том сел и в сотый раз подумал о том, как если бы все обернулось по-другому.

— *Уходи, пусть кто-нибудь другой поймает этого маньяка. Сделаешь это, и я выйду за тебя.*

Это было шансом Тома. Если бы он согласился, то у него бы уже был медовый месяц.

Но вместо счастья, более безопасной жизни, создания семьи с женщиной, которую он обожал, Том выбрал посерфить даркнет и попереписываться с психопатами. Психопатами, которые одним днем сбегут из тюрьмы и придут за ним и теми, кого он любил.

Том не хотел становиться Жаклин Дениелс. Он чувствовал отчаяние в ее голосе по телефону. Последний раз она была оживленной, когда они обсуждали дело Спиннера.

Это было грустным. Но также это было дорогой, по которой он двигался.

Думая о Джек, Том рассмотрел ее совет; проверить национальную базу данных Команды по предотвращению насильственных преступлений на подобные случаи. Шанс был невелик. Заполнение ВиКАТ рапортов было длительным и зачастую бесполезным процессом. Государственным и местным органом власти не было необходимости делать этого. Из-за этого не каждый коп делал это, поэтому полицейские участки не знали, что делали другие полицейские участки. Это было только на руку преступникам, которые прыгали по разным юрисдикциям, и каждый раз новому следователю приходилось начинать все с нуля без предыдущих улик.

Том глянул на свой компьютер на угловом столе

Искать ВиКАТ? Или отправить сообщение об увольнении капитану Бейнсу?

Том сел и начал печатать.

Считайте, что это письмо начало моего двухнедельного отпуска.

Том посмотрел на предложение. Затем стер его и начал снова.

Пожалуйста, примите это письмо как официальное уведомление о моем увольнении из чикагского полицейского участка.

Удалить.

Я увольняюсь нахрен.

Но зачем ему собственно увольняться? Ради Джоан? Или себя?

Возможно, и для этого и для того.

Он вспомнил о том, что сказала ему Эринии в чате.

А тебе доставляет удовольствие твоя работа, Том?

Том сталкивался с самым ужасным, что человечество могло предложить. Том чувствовал, что многое изменил, но видеть, как неумолимая жестокость человека к человеку действительно отразилась на его психике - это было угнетающе. Раздражающе. И бесконечно.

Единственная хорошая часть его работы...

Единственная хорошая часть моей работы - это когда я уезжаю на день и

разговариваю с Джоан.

Мне нравится помогать другим, нравится изменять мир к лучшему, нравится справедливость.

Но мне не нравится быть копом.

Осознание ударяет с такой силой, будто слепой впервые в жизни увидел мир. Том встал.

К черту письмо с увольнением. Я прямо сейчас войду в офис капитана и сдам ему свой значок и пистолет.

Он снова сел.

Но сначала, возможно, лучше сделать быстрый поиск ВиКАТ. Во всяком случае, что значат эти какие-то несколько минут?

Эринии паркуется в квартале от дома Эплисон Эплисон Дельта, а затем под именем администратора заходит на www.HotSororityGirlsLive.com. Он быстро пролистывает все онлайн веб-камеры. Семь девушек спят, не смотря на то, что уже было больше восьми часов утра. В принципе, логично. Маленькие шлюшки засиживаются допоздна, переписываясь со своими клиентами.

Эринии не видит Кендал. Должно быть, ее камеры до сих пор отключены. Ее компьютер, телефон такж е выключены. Эринии дистанционно включает телефон Кендал – она вручную установила нужное приложение на него, когда Кендал застряла в маммографическом аппарате.

Она спит.

Эринии идет к задней части фургона. Джоан сонно смотрит на нее.

— Скоро у тебя появится соседка, — говорит ей Эринии, собирая свои вещи.

Она истратила свой старый тубик с гримом в таунхаусе Тома, а новый она только что заказала.

— Это вантаблэк, — говорит она Джоан. — Он сделан из углеродных нанотрубок. Это самое черное вещество из ныне известных, оно поглощает 99,965 видимого света. Поэтому ты не могла увидеть меня в ванной. Оно поглощает свет, вместо того, чтобы отражать.

Эринии засунула тубик в вещевой мешок. Затем она берет банку со сверчками, которую она купила в зоомагазине, и вытряхивает несколько в аквариум. Глаза Джоан расширяются, когда видит, что в резервуаре и начинает хныкать.

— Да, Джоан. Это для тебя. Они помогут искупить твои грехи. Хочешь услышать кое-что действительно ироничное. Ты бы могла легко это предотвратить. Если бы сказала «да» на предложение Тома, сейчас бы тебя здесь не было. Это было очень, очень подло.

Эринии присела на корточки, чтобы взглянуть Джоан в глаза. — Я знаю. Потому что за всем наблюдала.

Еще один всхлип. Эринии поглаживает ее по голове, затем ищет и находит складную карту. Прежде чем выйти из фургона, она убеждается, что на улице никого нет. Заперев машину, она направляется в женскую общагу.

Перед входом припаркована патрульная машина. Эринии разворачивает карту во весь размер, затем медленно проходит мимо копа. Она останавливается. Затем оборачивается и быстро идет к машине, Таурус в ее руке прячется за вещевым мешком.

— Я ищу эту улицу, — говорит она, протягивая ему карту, когда он открывает окно. Это не тот милый коп, с которым ранее была Кендал. Этот был старым, с одутловатым видом. Когда его лицо скрылось за картой, Эринии быстро осматривается на наличие свидетелей, затем возводит 9мм пистолет и стреляет шесть раз в голову и в грудь.

Нет такого понятия, как настоящий глушитель. Но тот глушитель, что Эринии купила в сети, довольно хорош, и выстрелы не громче, чем кашель.

Она открывает дверь, просунув руку в окно, толкает его мертвое тело, и закрывает окно. Карта вся в крови, поэтому она не может ее оставить. Жалко. В цифровой век большие бумажные складные карты сложнее найти.

Эринии закрывает дверь, а затем быстро пересекает улицу по направлению к общаге.

Универсальные ключи срабатывают должным образом. Как только она оказывается

внутри, сразу же раздевается до комбинезона, наносит макияж на глаза и надевает перчатки и лыжную маску. Затем она обновляет магазин в 9мм и чуть ли не пускает слезу на предстоящую трагедию.

Этим грешникам нужно искупить свою вину, пули в голове мало для Епитимьи. Они должна больше страдать. Но в таких условиях это слишком рискованно и смело. Ей нужно убить этих девушек, взять Кендал и быстро удрать.

Будем надеяться, что Бог все равно сжалится над ними.

Эринии направляется в комнату первой шлюхи.

Останавливается.

Поворачивается.

Возвращается за своим вещевым мешком и достает из него скотч и тесак.

Потому что всегда найдется время для небольшого страдания.

Главная страница ВиКАТ, как и большинство мошеннических сайтов в темном интернете, выглядела так, словно была разработана школьником на Windows 98. И все же это было удобно в пользовании.

Том забил в поисковике слово *Кендал*.

Выдало три результата. Давнишние и те, что относились к нынешнему делу.

Затем он попробовал *Эрини*, *Фурии*, *Тисифона*, *Мегера* и *Алекто*.

Ничего.

Товбил в поисковик *кастрация*, и ему выдало много результатов.

Ладно. Я попробовал. Время пойти уволиться.

По всей видимости, ВиКАТ утратил свою полезность. Как и все остальное, когда пользовательский интерфейс прекратил поспевать за технологиями. Он подумал, что, если какой-нибудь компьютерный гик, как Фероз, мог как-то обновить систему, сделать ее более...

Мысли о Ферозе вызвали у Тома небольшой всплеск озарения. Что за пароль он использовал, чтобы попасть в компьютер Сиссика? Безумный?(Demented (с англ. - Безумный)

Поведение? (Demeanor (с англ. - Поведение) Деметра? (Demeter (с англ. - Деметра) - прим. переводчика).

Том напечатал это слово в поисковике.

Выдались результаты. Самый последний был добавлен всего час назад. Коп из Эванстона по имени Ледесма опубликовал запись о девушке из кампуса, которая была подвергнута сексуальному насилию кем-то, кто называл себя медсестрой Деметрой.

Том прочитал, почувствовал, как зашевелились его волосы на затылке.

Медсестра Деметра напала на девушку по имени Кендал.

Имя Кендал было написано неправильно, и все же этого было достаточно, чтобы Том связался с Эванстонским полицейским участком. После нескольких слов оператора, детектив Ледесма взял трубку.

— Детектив Том Манковски, чикагский убойный отдел. Я только что прочитал ваш ВиКАТ рапорт.

— Так это старая система действительно работает? Я выложил рапорт только этим утром. У вас что-то есть?

— Вы знакомы с делом по Снипперу? Он отслеживает вебкам моделей по имени Кендал.

— Кендал Смит – студентка в университете. Она не говорила, что она вебкам модель.

— Где она?

— В женском общежитии Эплисон Эплисон Дельта.

Эванстом был примерно в двадцати минутах езды. — Можем встретиться там через пятнадцать минут.

— Нет нужды. Она была очень напугана, поэтому снаружи мы поставили машину.

— Свяжитесь с ним. Скажите ему подождать в машине вместе с Кендал.

— Он отмечался пятнадцать минут назад. Но давайте я наберу его. Подождите секунду.

Том подождал.

— Он не отвечает, — сказал Ледесма.

— Отправьте туда каждого копа, прямо сейчас.

Том выскочил за дверь.

Кендал зевнула, постучала в душевую дверь, чтобы убедиться, что там никого, а затем зашла внутрь. Пол был сырым, показатель того, что недавно кто-то здесь был. К счастью, горячая вода еще осталась. Кендал выключила душевую камеру на стене. Зеленая лампочка на камере моргнула, а затем стала красной.

Она повесила полотенце для рук на объектив, чтобы наверняка, а затем включила в душе воду. Не смотря на то, что скорее всего она уже было горячей, после того, что тут недавно побывали, она все же досчитала до тридцати пяти, прежде чем проверить струю.

Идеальная температура.

Затем она снова проверила.

И снова.

Кто-то в общаге, должно быть, сильно простудился, так как Кендал слышала кашель даже при включенной воде и вентиляции.

Стоя под струей, она не упустила возможность посчитать плитки. Он считала мыльницу на стене, как за две, с тех пор, как она заняла два места.

Через три минуты Кендал вышла из душа, вытерлась и вернулась в свою комнату, закрыв за собой дверь. Она начала раскладывать некоторые вещи на кровати, услышала, как кто-то кашлянул в коридоре и вспомнила об Адалоке, который ей дал детектив Ледесма. Кендал ненадолго задержится в своей комнате, и, тем не менее, она все равно его прикрепила к двери.

Когда у тебя обсессивно-компульсивное расстройство , сложно справляться как с новыми, так и со старыми привычками.

Кендал одела черные джинсы, красную толстовку с круглым вырезом, на которой была эмблема ее школы, а когда она натягивала носки, кто-то попытался открыть ее дверь.

— Эй?

Кендал смотрела, как шевелится дверная ручка.

— Линда? Хилди?

Никто не ответил.

Но стук был слабым. А затем...

Скрежет.

Кто-то скребется в мою дверь.

— Это не смешно, Хилди.

Царапание прекратилось.

Замок в центре дверной ручки повернулся, кто-то открыл его с той стороны.

Ручка повернулась.

Дверь начали толкать.

Но она не поддалась. Адалок не позволил.

Кендал схватила свой новый мобильник и поспешила к окну, раздвинул пальцами жалюзи и выглянув наружу. Патрульная машина была припаркована на улице, но из-за яркого солнца Кендал не могла увидеть, кто в ней.

БАМ!

Кто-то сильно ударил по двери.

Кендал так сильно испугалась, что уронила телефон.

БАМ!

Она быстро подобрала телефон и набрала 911.

— Кендал?

Кендал узнала этот голос.

— 911, что с вами случилось?

— Кендал?

Это было Линда.

Кендал выключила телефон. — Линда?

Еще один легкий стук. Кендал сделала три шага к двери, потянулась к Адалоку, но затем остановилась.

— Линда? Чего тебе?

— Я ранена... очень сильно...

Беспокойство за свою безопасность быстро сменилось беспокойством за ее подругу, и Кендал сняла Адалок и открыла дверь.

Лицо Линды было бледным, глаза расширены, а рот открыт. Она была одета в свою красную университетскую футболку.

Нет... это была ее футболка со Спанчбобом. Ее любимая.

Вот только ее футболка со Спанчбобом была белой. Так почему же эта была...

У Кендал перехватило дыхание. Футболка Линды была полностью пропитана кровью. А затем она упала в сторону, выявляя нечто черное, прятавшееся за ней.

Кендал не думала. Она тут же среагировала. Как только крик сорвался с ее губ, Кендал толкнула мужчину в плечо и побежала по коридору мимо него.

Двадцать шагов до входной двери!

Одиннадцать, десять, девять, восемь, се...

Кендал на чем-то поскользнулась, предотвратив столкновение руками. Телефон улетел, а кожа на ладонях стерлась, когда она расстелилась по деревянному полу. Ее ногу во что-то запутались. Кендал повернулась на бок, увидев кровь на полу и остановившись взглядом на Хилди, лежащей около стены, ее глаза расширены, а ее рот был заклеен куском серого скотча.

Хилди дрожала, продолжая пронзительно скулить через раздутые ноздри. Кендал попыталась уйти, но хныканье Хилди переросло в крик, через запечатанные губы.

Кендал посмотрела на свои собственные ноги, и в этот неподходящий момент задалась вопросом, когда их успели связать веревкой.

Через половину секунды она увидела, что эта самая веревка не была веревкой – это исходило из глубокой раны в животе Хилди, которую она сжимала обеими руками, как беременная мать, ласкающая своего девятимесячного ребенка.

Но Хилди не ласкала своего нерожденного ребенка.

Она пыталась засунуть свои внутренности обратно. А Кендал только все усложнила, поскольку ее ноги запутались в петлях кишечника Хилди.

Реакция Кендал была интуитивной, она пиналась и пиналась ногами, пока не высвободилась из кишок, а затем она поднялась на скользкие ноги, готовая броситься к входной двери, которая всего в двух метрах от нее.

Но затем она замерла.

Я забыла свой счет.

От комнаты до входной двери двадцать шагов.

Где я остановилась?

Когда слезы брызнули из ее глаз, Кендал стояла, неподвижная как статуя.

Затем что-то схватило ее позади и прижало мокрую ткань к ее рту, это обожгло легкие Кендал и весь мир стал одним огромным пятном.

Пока детектив Ледесма блевал в мусорный бак, Том морщился от вида трупа на кровати. Ее голые ляжки были вспороты от бедер до колен, и Том невольно подумал о хот-догах, которые готовила ему мама, когда он был ребенком, она разделяла их почти надвое по длине, чтобы положить в них сыр.

— Эта седьмая, — сказал Том. — А это не Кендал?

— У нее комната с видом на улицу, — сказал Ледесма в мусорку.

— Можешь проверить ее лицо, чтобы знать наверняка?

— Так оно... все еще там?

Сниппер отрезал щеки и нос девушки из одной спальни.

— В основном, — сказал Том. — Какого цвета у Кендал глаза?

— Коричневые, — сказал Ледесма, поворачиваясь, чтобы взглянуть. — Вот же... блять... он вырезал ее глаза.

Еще один позыв на рвоту. Том знал, что эта не могла быть Кендал. Он повернулся, чтобы уйти.

— Не могу сказать, она ли это, — сказал Ледесма, хватая ртом воздух.

— Это не она. Глаза этой девушки голубые.

— Да у нее глаза пропали, чувак!

— Они не пропали, — сказал Том. — Они на комод.

Том вышел из комнаты, проходя через толпу копов и технарей и направился к входной двери. Он стянул с себя пропитанные кровью бахилы, которые он надел поверх своей обуви, выкинул их в мусорный бак с пятью другими парами и вышел на улицу, где он взглянул на солнце, пока его голова не начала пульсировать.

— Что теперь? — спросил детектив Ледесма позади него.

— С меня все.

— Слушайте, если это касается юрисдикции, то мы работаем с чикагским полицейским участком все время. Какой наш следующий шаг?

Том закрыл глаза, все еще видя блики из-за яркого света. — У меня все. Я увольняюсь. Мой следующий шаг — это пойти в офис моего капитана и сдать пистолет и значок.

Том повернулся и уставился на парня, был ли он сам когда-то таким юнцом?

— Это у тебя первое убийство?

— Да.

— А у меня это уже сто девятнадцатое. И каждое из них, — Том приставил указательный палец к виску, — все еще здесь. С меня достаточно. Я собираюсь улететь в ЛА, умолять мою девушку вернуться ко мне и получить нормальную работу. А это, — Том развел руки, указывая на дом и на весь мир. — Это ненормально. Это не здорово.

— Он забрал ее, детектив Манковски. Это животное забрало Кендал. Я слежу за этим делом. Он раньше никогда не похищал.

— Видимо, он решил попробовать что-то новенькое.

— Кендал все еще может быть живой.

— Надеюсь, так и есть. Правда. Так же как и надеюсь, что ты ее найдешь.

— Все, что нужно для триумфа зла — это чтобы хорошие люди ничего не делали, — Ледесма подмигнул. — Это Эдмунд Берк.

— Я увольняюсь нахер. Это Том Манковски. Удачи с твоим расследованием, детектив. Это похищение, федеральное преступление, поэтому, возможно, федералы со всем разберутся. Я прослежу, чтобы мой партнер, Рой Льюис, вышел на связь.

Том даже не удосужился пожать ему руку. Он направился к своей машине, припаркованной в квартале от этого места.

Он не чувствовал вины. Он не чувствовал сожаления. Его острое чутье гражданской ответственности не давило на него, чтобы повернуться и принять во всем этом участие.

К тому же, Том чувствовал глубокое чувство облегчения.

Он проверил телефон, и обрадовался, увидев голосовое сообщение. Но не обрадовался тому, от кого оно было.

— *Это МакГлейд. Я пытался связаться с Джек и ее мужем последние несколько часов. Но так и не смог. Затем я проверил несколько ресурсов и выяснил, что Фолк Нейшн – банда Т-Гвоздя – затеяли что-то крупное. Поэтому я подобрал Герба и выдвинулись на север в Спунвард, Висконсин. Если у тебя есть должок перед Джек, то можешь отплатить его, поехав с нами. Перезвони, быстро.*

Вот дерьмо. Том много чем обязан Джек.

Он загуглил Спунвард и увидел, что он находится в семи часах езды на север.

Затем он снова попытался связаться с Джоан. Она не взяла трубку, поэтому он оставил еще одно сообщение.

Он открыл машину, уселся на водительское сиденье и потер лицо. Затем он написал МакГлейду, поскольку было бы разумней с ним поговорить.

Эту строчку Эдмунда Берка, которую процитировал Ледесма, Том очень хорошо знал. Он сам ее использовал, когда спорил с Джоан.

Все, что нужно для триумфа зла – это чтобы хорошие люди ничего не делали.

И это правда. Но у Берка была еще одна такая же известная, правдивая цитата:

Тот, кто забывает об истории, обречен на ее повторение.

Том снова уставился на солнце.

Он знал, что от этого болят его глаза.

И все равно это делал.

Джоан снился Том, как она причинила ему боль, а затем она проснулась, слыша его голос.

— ... не могу жить без этого. *Перезвони.*

А затем ее ударила реальность, в полную силу.

Она села, ее руки были связаны скотчем позади нее. Ее лодыжки также были примотаны скотчем к изогнутому металлическому болту, прикрепленному к полу какой-то маленькой комнаты.

Нет, не комнаты. Грузовика или фургона. Джоан слышала двигатель, чувствовала движение автомобиля.

Фрагментами, призрачные воспоминания о перевозке, кляпе во рту, заменились куда более четкими воспоминаниями о нападении в доме Тома.

Кто-то похитил меня.

Затем наступила боль. Невыносимая головная боль. Там, где ее приложили пистолетом. Боль в челюсти. В руках покалывает.

А затем тошнота. Джоан отвернулась, чтобы проблеваться и увидела молодую женщину, связанную рядом с ней, запястья и лодыжки которой также были закреплены скотчем, а в ее рту был красный кляп-шар. Джоан издала звук рвотного позыва, но подавила рвоту, а затем почувствовала, как автомобиль остановился.

Движение справа от нее, и после чего раздвинулись занавески.

Это был молодой мужчина. С длиннющими блондинистыми волосами. Прямыми. Он был одет в брюки цвета хаки, поло и кеды.

— Уже проснулись? Полные энергии? Умственные способности целы?

— Кто ты? — произнесла Джоан.

— Эринии, — его глаза сузились. — Скажи это.

Джоан повторила это странное слово. — Эринии.

— Ты, должно быть, слышала о нашей работе. Они зовут нас Снайпером. Моя лучшая половина забрала тебя из дома Тома прошлой ночью.

Джоан почувствовала, что вот-вот закричит, но Эринии поднесла палец к губам. — Шш. Еще будет место и время для криков. Но не здесь и не сейчас. У меня есть только один кляп-шар, и я могу вынуть его, чтобы ты не задохнулась от блевотины, спровоцированной таблетками, которые ты приняла. Но я могу еще один купить.

Джоан подавила крик, и попыталась не выдавать страха в своем голосе. Ей не удалось.

— Чего ты хочешь?

— Ты знакома с Фуриями? Древнегреческие богини мести из преисподней, посланные на землю, чтобы наказать грешников?

Он указала двумя пальцами на себя и сделал выражение *это я про себя*.

— Я слышала... — Джоан прервалась.

— Ты слышала Тома. Ты права. Я был немножко любопытным, подслушав твое голосовое сообщение.

Эринии поднял телефон Джоан и начал прослушивать сообщения.

— Прости. Мы можем поговорить? Прошу? Я люблю тебя.

— Ну разве он не милый? — сказал Эринии. Его слова были, словно соль на рану.

— *Снова я. Ты права насчет всего. Мне правда жаль. Пожалуйста, перезвони.*

Джоан стало трудно дышать, слушая голос Тома, и то, насколько грустным он звучит. Она опустила глаза.

— *Джоан, ты мое все. Я знаю, что облажился. Это кольцо... я не подумал. Ты сама говорила, что замужество это глупо. Полагаю, я думал... Я не знаю, о чем я дума. Просто, прошу, перезвони. Я... я так сильно тебя люблю.*

И теперь по ее щекам потекли слезы. Эринии остановил сообщение. — Он продал все свои комиксы, чтобы купить это кольцо, — сказал он. — Оно стоит больше семи тысяч долларов. Из белого золота, с желтым камнем. Том особенно был в восторге, когда узнал, что оно антикварное Картье из Франции.

Оно не смогла сдержать всхлипа.

— Полагаю, сейчас ты себя чувствуешь полной стервой, — сказал Эринии. — Я греческое божество. Я все вижу. Я все знаю. Так что позволь мне сказать тебе, Джоан; тебе следовало сказать да.

Он включил следующее сообщение.

— Джоан, я останусь здесь на всю ночь, для наблюдения.

Эринии остановил. — Он под пилюлями. У него была операция на руке. Какая-то ужасная инфекция, поедающая плоть бактерия, довольно серьезная вещь.

— *Я много думал о тебе. О нас. Ты... ты все, что я хочу. Я не могу жить без тебя. Перезвони.*

— Пожалуйста, — сказала Джоан. — Прощу, отпусти.

— Шш. Последнее сообщение.

— *Я в Эванстоне на месте преступления. Убийца только что зарезал семь девушек из женской общаги, и похитил восемнадцатилетнюю. С меня хватит, Джоан. Я увольняюсь. Я прямо сейчас собираюсь сделать свой значок. Я полагаю, ты сейчас возвращаешься в ЛА. Пожалуйста, перезвони, когда прибудешь. Пожалуйста. Я очень, очень тебя люблю.*

Эринии положил телефон Джоан к себе в карман и сказал. — И вот какой путь выбрала ты. Как себя чувствуешь?

Джоан чувствовала...

Беспомощность. Страх. Стыд. Опустошенность.

Не важно, что Эринии сделал с ней, Джоан не могла представить большую боль, чем сейчас. Если бы она только осталась с Томом. Если бы она только сказала да на его предложение. Если бы...

Пощечина была грубой, откинув ее голову назад.

— *Епитимья лучше работает, когда ты каешься в своих грехах, Джоан. Скажи мне, что ты чувствуешь.*

Ее охватили другая эмоция.

Злость.

Джоан пристальным взглядом уставилась на мужчину. — Я ни хера тебе не скажу.

Он улыбнулся, поглаживая большим пальцем ее палящую щеку. — Оу, ты мне все расскажешь. Когда мы закончим, ты расскажешь мне каждую деталь, каждый грех, каждый секрет, который у тебя когда-либо был. Затем бы будешь умолять меня рассказать больше.

Он снова дал ей пощечину.

И снова.

Он делал это, пока ей не стало плохо и не начала блевать. Эринии быстро дотянулся до

покрытой простыней коробки на полу рядом с ней, а затем преподнес полиэтиленовый пакет ей под голову и держал, пока ее не перестало тошнить.

— Тебе плохо от наркотиков, которые я тебе дал, — сказал он, завязывая ручки пакета на узел. — Но если ты снова это сделаешь, клянусь, я отрежу все твои пальцы, кину их в твою блевотину и заставлю вылизать тебя все это дерьмо.

Капитана Бейнса не было в его офисе. Том поспрашивал и узнал, что Бейн взял отгул на день. Если верить слухам, это связано со здоровьем.

Том бы оставил пистолет и значок на столе мужчины, как и записку, но офис был закрыт. Поэтому он вернулся домой.

Он простоял пять минут, смотря на пустую кровать, а затем написал Гарри МакГлейду.

Я в деле.

Хорошо. Я подъеду за тобой.

Том положил в рюкзак самое необходимое, что понадобится на одну ночь; рубашку, трусы, носки, туалетные принадлежности, зарядку от телефона, дополнительные патроны. Затем он заправил кровать, включил телевизор, мельком увидел репортаж о Снайпере, выключил телевизор, а затем взял телефон и скачал казуальную игру, на которой он залипал. Когда Джоан прибыла в город, он удалил ее, чтобы у него не было искушения поиграть в нее, пока она здесь.

Если бы только у него был такой же самоконтроль с его работой.

МакГлейд наконец-то написал, что подъехал, и когда Том вышел, чтобы встретить его, увидел частного детектива, стоящего рядом с огромным, ярко-красным трейлером.

Гарри был на десять, или даже больше, лет старше Тома, с небольшой щетиной на лице и маниакальным взглядом. Его одежда была дорогой, но нуждалась в глажки.

— Рад, что ты едешь.

— Я обязан Джек.

— Запрыгивай в боковую дверь.

Том открыл ее и увидел знакомое пухлое и усатое лицо сержанта Герба Бенедикта, сидящего на одном из диванов. Гербу было около пятидесяти, он был в своем дешевом помятом костюмчике, а на его галстуке было пятно, которому, возможно, было столько же, сколько и самому галстуку. Рядом с Гербом был спящий ребенок, а напротив него в клетке сидел попугай.

Том кивнул сержанту, забрался и закрыл за собой дверь.

— Добро пожаловать в Краймибаго, Том, — сказал Гарри с водительского сиденья. Он произнес *Крайм-и-баго*, как *Виннебаго*. — Это Гарри младший и его Кореш. Гарри младший единственный тут, кто носит подгузники и спит рядом с Гербом. Кореш единственный, кто в клетке. Герб — наземный кит. Можешь брать в холодильнике все, что захочешь, если станет скучно, то можешь сыграть с Гербом в шахматы, если, конечно, он знает как. Доска в шкафике с игрушками младшего, рядом с посудомойкой.

— Почему попугая зовут Корешом? — спросил Том Герба, когда присел.

— Бывшие владельцы так называли. Я не знаю, винить их родителей, или общество в целом. Что-то пошло не так.

— Почему он голый?

— У него зависимость от амфетамина, поэтому он повыдергивал все свои перья.

Том кивнул. В попугае с трихотилломанией было столько же смысла, сколько и в огромном, красном домике на колесах. Таков был мир Гарри. Том оглянулся, осматривая дорогостоящую обстановку. Поездку безусловно хорошо подготовили. МакГлейд путешествовал по стилю. Но этот стиль был громким и грубым.

— Ну, как поживаешь, серж? Давненько с тобой не виделись.

— Все утро был с МакГлейдом, вот как я поживаю. А ты?

— Не так плохо. Но близко.

Отчасти из-за нервной энергии, отчасти из-за того, что он не хотел обсуждать Джоан, Том начал говорить о деле по Снайперу. Он чуть не упомянул о своей предстоящей отставке.

— Я слежу за ним, — прервал Гарри. — Кажется, он тот еще псих. Мы с Гербом уже сталкивались с такими.

Том рассеянно дотронулся до своей руки, там, где была повязка, которая была скрыта под курткой.

— Один чокнутый зашил Гербу глаза, — сказал Гарри. — А со мной было еще хуже. Тот же парень бил меня электрошоком.

— Один парень похитил меня, сломал руку, и продолжал ее выкручивать, чтобы заманить к себе Джек, — сказал Герб. — Вот, что было хуже.

— Чувак, электрошок хуже, чем крошечный перелом, — сказал Гарри.

— Он стер кость о кость.

— Кость о кость – это всего лишь прелюдия. А я вот все еще не могу полностью контролировать свой мочевого пузырь.

— Типа когда-то мог? — спросил Герб.

Так этим они и занимались? Как в одной сцене Челюстей, где каждый сравнивал свои шрамы? Они спорили друг с другом целую минуту, словно братья. Том выглянул в боковое окно. Выглядывала ли сейчас Джоан так же в окно в бизнес-классе на высоте тридцати тысяч футов.

— А я был связан и заклеен одним парнем, — сказал Том.

— И о каком клейме идет речь? — спросил Гарри.

— Достаточно приличном, чтобы я вырубился. А затем убийца зализывал ожог.

— Звучит, как щекоточная вечеринка принцессы-феи по сравнению с моей рукой, — Гарри помахал своей протезированной конечностью. — Отрезали пальцы, по одному, и прижгли культы паяльником. Доктора не могли ничего сделать, пришлось ампутировать. Помнишь это, Герб?

— Помню. У меня тогда еще вся грудь была в кровельных гвоздях.

— Да! Точно! Помню, еще шутил на счет того, что тебя пригвоздили. А ты пропустил это, потому что был в скорой, под наркозом. А еще я тебя не навестил. Так что там с тобой случилось, Том?

— Меня покусал парень.

— Покусал, да? Ну, это не соревнование. Потому что если бы это было оно, то ты бы проиграл. Но ты еще молод. Куча времени для еще большего количества маньяков, которые будут пытаться тебя, прежде чем твоя карьера закончится.

— Скрестил пальцы, — сказал Том.

Затем он просто откинулся и попытался настроиться на долгую и скучную поездку.

Звонит телефон Джоан.

Опять Том.

Эринии ждет, пока он не отправит сообщение, а затем слушает.

Интересно. Он направляется в северный Висконсин.

Эринии постукивает пальцами по рулю, думая.

Он следит за новостями на ноутбуке. В Иллинойсе становится все жарче и жарче. Дом, в который ворвались и приключением в общежитии, вводит полицию и СМИ в судорожное иступление. Ходят слухи о привлечении в это дело ФБР, а еще упоминалось перекрытие дорог.

Увлекательно. Но рискованно.

Сейчас самое время покинуть штат ненадолго. Чтобы все улеглось.

Эринии связывается со своей лучшей половиной, которая согласна.

Он отслеживает местоположение Тома на своем телефоне, а затем направляется на север.

Страх угрожал сожрать ее.

Один-два-три... один-два-три...

Она связана, с кляпом во рту, и ждет, пока ее не убьет маньяк, который зарезал всех ее соседак.

Один-два-три...

Это не было у нее в голове. Это не было сном. Это не было параноидальной иллюзией. Это не было галлюцинацией или фантазией.

Это было реальным. И некуда было бежать.

Один-два-три... один-два-три... один-два-три.

Кендал удалось сохранить свой рассудок, стуча затылком по внутренней стенке автомобиля.

Один-два-три... один-два-три... один-два-три.

У женщины, что рядом с Кендал, закрыты глаза, а ее руки дергались. Это ни чему не приведет. Ты не сможешь разорвать скотч. У Кендал была сумочка, полностью сделанная из скотча, купленная из прихоти на ярмарке ремесел. Эта штука была прочнее, чем кожа.

Один-два-три...

— Мы останавливаемся, дамочки, — это был водитель. — Мне нужно, чтобы вы вели себя прилично. Стены этого фургона звуконепроницаемые, так что если вы закричите, то только меня разозлите.

Он припарковал автомобиль и заглушил ее. Спустя больше минуты занавески раздвинулись, и появился похититель.

Кендал обмочилась от страха. И лишь тогда она поняла, что на ней подгузник.

Мужчина присел рядом с ней, ухмыляясь. — Привет, Кендал. Я сейчас вытащу твой кляп. Ты хочешь этого?

Он кивнул, и Кендал кивнула вместе с ним.

— Ты же не собираешься кричать? — спросил он, качая головой.

Она повторила его движение. Он отстегнул кляп-шар и вытащил его из ее рта. Кендал закрыла свой больной рот, сглотнув несколько раз.

— Я Эринии. Скажи мое имя.

— Эринии, — прошептала она.

Он дал ей грубую пощечину, а затем повернулся к другой женщине. — Догадываешься, где мы, Джоан?

Женщина не ответила.

— Не хочешь говорить со мной? Обидно. Это потому что твое сердце принадлежит ему? — Эринии поднял телефон и показал экран. — Я получил эту фотографию от Тома минуты назад. Он прямо там, снаружи, идет в этот ресторан. Меньше, чем в двадцати метрах отсюда.

— ТОМ! — закричала Джоан.

Эринии схватила Джоан за челку и начала бить ее голову о стенку фургона, пока она либо не умерла, либо не вырубилась. Затем он пригладил ее волосы, отстранил свою руку, чтобы посмотреть на пальцы, и вытер кровь о джинсы Джоан.

— Я говорил ей не кричать, — сказал он, поворачиваясь к Кендал. — Ты будешь кричать?

— Нет.

Кендал почувствовала, как она уменьшается, словно вот-вот исчезнет. В психологии этот термин назывался *диссоциацией*. Она отстранялась от окружения, уходя в безопасное место у себя в голове, где ей не могли причинить боль.

Это был эффективный способ справиться с ужасными ситуациями. Но это было последнее средство. Если Кендал отделится, то у нее уже не будет шанса вернуться назад.

Поэтому она сфокусировалась на похлопывании головы, на этот раз делая это сильнее.

Один-два-три-один-два-три-один-два-три...

— Что ты делаешь? — спросил Эринии.

— У меня обсессивно-компульсивное расстройство.

Эринии кивнул. — Я так и знал, что с тобой что-то не так. Как у Джека Николсона. В том фильме. Ты все время моешь свои руки?

— Нет. Я считаю.

— Считаешь что?

— Все. Шаги. Потолочные плитки. Проезжающие машины.

Эринии наклонил голову, оценивая ее, — Так ты сумасшедшая.

— Все мы немного сумасшедшие.

Он схватил ее за горло. — Ты говоришь, что я сумасшедший, Кендал?

Один-два-три-один-два-три...

— У моего отца было антисоциальное расстройство личности, — сказала Кендал, говоря быстро, как только можно.

— Так ты думаешь, что у меня то же самое?

Кендал начала выплевывать все, что она могла вспомнить о парапсихологии. — До диагноза антисоциальное расстройство личности может присутствовать несколько видов поведения. Субъект не соответствует общепринятым нормам или законам; врет или использует вымышленные имена; ведет себя импульсивно, агрессивно или раздражительно; полное пренебрежение к безопасности своей или других; проявляют постоянную безответственность и отсутствует угрызение совести.

— И что же сделал твой папочка, из-за чего ты думаешь, что он был социопатом?

Один-два-три-один-два-три-один-два-три.

— Есть семь подтипов антисоциального расстройства личности, согласно Теодору Милтону. Мой отец был беспринципальным типом. Он делал все, что хотел, — Кендал проглотила ком в горле. — Независимо от того, кому он причинял боль.

Глаз мужчины дернулся. — Иногда отцы делают вещи, которые мы не понимаем.

— Мой отец изнасиловал меня.

Эринии никак не отреагировал. — Ты его искушала? Вела себя как шлюха?

— Мне было одиннадцать.

— ВОЗРАСТ НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ! — закричал Эринии ей в лицо, брызгая слюной. — Мы все грешники, Кендал. Все. Даже маленькие дети.

ОДИН-ДВА-ТРИ...

— Прекрати колотить свою башку. Это раздражает меня.

— Не могу, — захныкала Кендал.

— Мужчинам от природы не хватает дисциплины, — сказал Эринии. — Мой отец научил меня этому. Контроль над своими порывами – непосредственно связан с пенисом. Но у женщин... они могут контролировать, Кендал. Они не делают вещи импульсивно. Они

рассчитывают. Они продумывают. Это делает их большими грешниками, чем мужчин. Женщины все делают намеренно. Поэтому прекрати колотить свою чертову башку.

— Как бы я хотела, — заплакала она. — О боже, как бы я хотела.

Эринии сузил свои глаза, а Кендал съежилась. Она была уверена, что он сейчас ударит ее или хлопнет голову о стенку фургона, а может и того хуже.

Но вместо этого он сказал. — Эринии – греческие богини мести. Они дают Епитимью грешникам. Когда грешник страдает, его душа очищается. А чем больше у него грехов, тем больше они должны страдать. Думаешь, легко быть Эриниями, Кендал? Это тяжелое бремя, наказывать нечестивых.

Он подошел к маленькой коробке, которая была на полу фургона рядом с Джоан. На ней было покрывало.

— Каждая фурия носит специальную корону, — сказал он, стягивая покрывало.

Показался маленький, стеклянный аквариум, не больше десяти галлонов. На его стенках была разбрызгана грязь.

Затем Кендал поняла, что эти пятнышки грязи двигались.

— Это корона из пауков, — сказал Эринии.

Кендал начала тряски свою голову назад-вперед.

О нет. Нет-нет-нет-нет-нет...

— Думаю, Джоан стоит проснуться ради этого, ты так не думаешь?

Он залез в свой карман и вытащил что-то маленькое и белое. Послышался щелчок, и Кендал почувствовала аммиак. Джоан подняла голову.

— Добро пожаловать на вечеринку, Джоан. Я рассказывал Кендал о своих питомцах, вот они. Паук-бродяга. Известен еще как паук-хобо. Один из немногих пауков, которые нападают на людей. Поэтому им выбрали еще одно имя. *Агрессивный домашний паук*.

Эринии снял крышку с резервуара, положив ее рядом. Пауки начали выползать на пол фургона, рассеиваясь во всех направлениях, как распространяющееся пятно. Некоторые из их были как минимум два дюйма в длину.

— Я говорил Кендал, что все фурии должны носить корону из пауков. Я сделал ее, когда мне было шестнадцать лет, — Эринии понизил свой голос до шепота. — Предупреждаю. Если будешь много двигаться, они укусят. И это очень, очень, *очень* больно.

Он дотянулся до верхушки аквариума и вытащил...

Полиэтиленовый пакет. Как из продуктового магазина.

Эринии держал пакет за одну ручку, подергивая ее пальцами. — Несколько унций паучков. Это много.

Он подошел к Джоан, которая начала яростно вертеться, пытаясь отстраниться, но выхода не было.

Эринии приблизился к ней и задержал пакет над ее головой, завязав ручки в свободный узел над подбородком Джоан.

Эринии снова потянулся к резервуару, достав второй пакет.

— Помнишь нашу игру, Кендал? Хотела бы спеть вместе со мной?

ОДИН-ДВА-ТРИ-ОДИН-ДВА-ТРИ...

— Крошка... паучоооок... из... трубы... бежиит.

Он раскрыл пакет, держа его у ее лица. Кендал не могла остановиться; она в ужасе заглянула на дно, которое кишело волосатыми, снующими, восьминогими монстрами.

А потом пакет оказался на ее голове, и тысячи пауко-хобо начали изучать свою новую

среду обитания.

Вопреки ожиданиям, поездка не была такой уж и скучной. Один раз они останавливались поесть, один раз, чтобы забросить ребенка Гарри к какой-то няньке, и несколько раз они останавливались, чтобы заправиться. Между остановками, Том играл в игру на своем телефоне, и время проходило довольно быстро.

До тех пор, пока они не ушли на север, где пропала связь.

— У меня связь на телефоне пропала, — Герб поднял свой мобильник и начал им размахивать.

Том делал то же самое, ища связь. Но все равно, где бы он не держал телефон, экран говорил *нет сигнала*.

— Попробуй переключиться на кроличьи уши, — в конце концов предложил Герб.

— А?

— Они были на старых теликах.

— Зайцы были на старых теликах?

— Так антенны назывались. Ты, скорее всего слишком молод, чтобы помнить такое.

Том нахмурился. — Можем мы включить вай-фай или блютуз?

Герб покачал головой. — У меня было дело, где убийца хакнул вай-фай соседки, чтобы шпионить за ней. Это проще, чем ты думаешь. С нормальным оборудованием, диапазон вай-фая всего около тридцати метров. У блютуза меньше десяти. И обоим нужна какая-нибудь ТБД.

Бессмыслица. — Им нужно унижительное выражение для итальянцев?

— Т-Б-Д. Точка беспроводного доступа. Как роутер. А у нас ничего нет. Даже хот-спота. И специальной сети. С хот-спотом или специальной сетью мы, возможно, могли бы писать друг другу, но нам так и не удалось подключиться к интернету или связаться с кем-то за пределами нашего малого радиуса.

— Поразительно, — солгал Том.

— У меня полно бесполезной информации.

Чтобы сделать беседу вежливой, Том спросил. — Например?

Том в пол уха слушал, как Герб рассказывал об Аргентине, Николе Тесла, акулах, но все, что его волновало, так это пропажа сотовой связи, и то, что Джоан все еще не перезвонила ему.

Интересно, что она делала в данный момент.

Джоан сомкнула губы, все ее тело содрогалось от усилия, чтоб не закричать.

Потому что если она закричит, пауки расползутся по всему ее лицу, а затем заберутся ей в рот.

Эринии проверяет свой мобильник.

Сигнала нет.

Он проверяет телефон Джоан и свой 4G ноутбук, то же самое.

Возможно, в этой глуши вообще сигнала нет.

Он ускоряется. Том со своими приятелями в двадцати милях от него. До нарушения связи Эринии подслушивал их разговор. Он знает, куда они направляются – в местный полицейский участок – и он подумывает догнать трио и удивить их.

Но есть проблемка. Если они сменят планы, то Тома невозможно будет найти здесь.

Другой вариант – держаться позади них, держать их в поле зрения. Это не так уж и сложно, даже когда сядет солнце, частного сыщика можно вычислить по огромному, ярко-красному дому на колесах.

Однако, есть опасения, что этот МакГлейд заметит, что за ним хвост.

Думай, думай...

Решение пришло само, когда Эринии подъезжает к строительству дорог, в пятнадцати метрах от него он видит, что Том и остальные остановились у обочины дороги.

Если он сбавит скорость или остановится, то рискует быть замеченным.

Эринии выбирает первоначальный план, он выключает фары, прежде чем проехать мимо них, направляясь в крошечный, захудалый городишко Спунвард, в Висконсине.

Когда он прибывает на место, то не знает, куда дальше ехать. У него нет адреса полицейского участка, и весь город кажется закрытым и отстраненным на ночь. Переживая, что времени мало, и о том, насколько Том и его компания далеки от него, Эринии начинает разъезжать по улицам, ища кого-нибудь, чтобы спросить дорогу. Он находит рекламный щит, который анонсирует, что неподалеку находится Валмарт – открытый круглосуточно – и начинает направляться к нему, но к счастью замечает простой дорожный знак, на котором написано *ПОЛИЦИЯ*.

Он сворачивает на основную дорогу, проезжает мимо темных магазинов и зданий и видит единственный свет в конце дороги.

Конечно же, это участок.

Эринии проезжает и паркуется в квартале от него, рядом с рыболовным магазином. Он глушит мотор и идет в заднюю часть фургона. Когда он убирает пакет с головы Кендал, пауки повсюду засуетились.

Глаза Кендал открыты, но ее взгляд смотрел в пустоту. У нее несколько укусов на щеках, носу, а в ее волосах пауки-хобо начали плести паутины.

— Ты с нами, Кендал?

Кендал не отвечает. Она где-то там. И на данный момент это хорошо. Он хочет, чтобы она была покорна.

Эринии поворачивается к Джоан. Когда он стягивает пакет, ее глаза также раскрыты. Но она смотрит прямо на него дерзким взглядом. У нее тоже несколько паучьих укусов. А в ее волосах столько паутины, что она выглядит как седоволосая старая дамочка.

— Вижу, ты с нами, Джоан. Я выйду на несколько минут. Сейчас ты знаешь, что я хорошо осуществляю свои угрозы. Если ты закричишь, попытаешься сбежать, хоть на дюйм сдвинешься с места, то ты получишь вдвое больше пауков. Но на этот раз, я отрежу твои веки

и губы. Поняла?

Джоан не отвечает.

— Ответь мне. Если не хочешь пользоваться своим языком, я и его отрежу.

— Я поняла, — пробормотала она.

Эринии наносит вантаблэк на трико, а затем и на свои веки. После того, как он натягивает перчатки и лыжную маску, он принимает модельную позу для Джоан.

— Я не выгляжу из-за этого наряда жирным? — говорит он, а затем смеется.

Джоан не до смеха. — Не важно, что ты со мной сделаешь. Том найдет тебя.

— Нет, если я найду его первым.

Эринии берет свою сумку и выходит в ночь, сливаясь с ней, точно он ее часть.

Когда он заходит в офис шерифа, выглядывает в окно, что выходит на улицу. Вместо ожидаемого деревенского копа, курящего кукурузную трубку и едящего шкварки, он видит троих спящих внутри афроамериканских юнцов с автоматами.

Интересно. Эринии немного знает об уличных бандах, но он знает, что в некоторых из них есть тысячи участников. Он бы не хотел быть таких человеком, как Жаклин Дениелс, которая приезжает сюда за этим.

Юнцы поглощены мыслями, они собрались вокруг стола и играют в кости. А еще они курят марихуану.

Эринии безоружен и один, но на его стороне вантаблэк, неожиданность и трезвость. Сняв Таурис с предохранителя, он быстро входит в помещение и всех троих застреливает, попав двоим в голову и одному четыре раза в шею и в грудь.

Они умерли, не успев даже схватиться за свое оружие.

Эринии перезаряжает магазин, пока осматривает остальную часть участка, в котором на самом деле ничего больше нет, помимо двух офисов, коридора, кладовки, задней двери и одной единственной камеры с решеткой. На полу камеры лежит мертвый пожилой мужчина со звездой, приколотой к груди. Восемь его пальцев пропало.

Божечки ты мой. Да эти гангстеры были очень непослушными.

Какая жалость, что они умерли без Епитимьи.

Эринии высовывает голову из-за входной двери, проверяя, нет ли кого на улице. Затем он выключает весь свет, за исключением одной единственной лампочки на столе, и встает у окна в виде силуэта в ожидании, пока не прибедет Том и его дружки.

— Добро пожаловать в даунтаун Спунварда, Висконсин, — сказал МакГлейд. — Не проморгай, а то упустишь.

Том выглянул в окно. Он знал, что этот городишко маленький – его население пятьсот человек – и у него была лишь одна главная улица в середине леса. Все было темным. Ни у одного магазина или здания не был включен свет, за исключением одного.

К счастью, это было то здание, к которому они ехали. Полицейский участок. Хотя, судя по размеру, оно было меньше обычного участка и чуть больше маленького офиса.

План, который они обсуждали ранее, состоял в том, чтобы войти, проинформировать авторитета, который там на данный момент, о ситуации с Жаклин Дениелс, а затем собрать копов в убежище МакГлейда, в случае, если Т-Гвоздь и его банда уже появились.

— Местные жители могут предоставить больше рабочей силы, оружия и необходимое одобрение, — заявил Том. — Если все пойдет плохо, то у нас по шею будет дерьма от СМИ и местной политики. Мы очень далеки от их юрисдикции, а Гарри вообще даже не коп. Сделаем что-то не так, и уже не отделаемся легким испугом, а будем мотать тюремный срок.

— Я голосую против тюремного срока, — согласился Гарри. Я слишком хорош для тюрьмы. Пожизненное вымотает меня как пачку сигарет.

МакГлейд подъехал к участку и припарковался.

— Давайте по-быстрому, — сказал Герб. — Забегаем, рассказываем тому, кто там сейчас, что произошло и забираем Джек. Как далеко твое место, Гарри?

— Больше десяти миль отсюда.

— Просто выпусти меня, — сказал Том. — Я поговорю с ними.

— Мы все можем пойти.

— Мы не знаем, сколько времени это займет. Вам нужно найти Джек.

Плюс, подумал Том, если у них есть стационарный телефон, то я снова хочу попытаться позвонить Джоан.

— Уверен? — Герб нахмурился. — Что, если тут вообще никого нет?

— Я вижу людей в окне. Дома кто-то есть. Ты взял карту, МакГлейд?

Их GPS перестал работать в то же время, когда пропала связь.

— Ага. В старом добром бардачке.

Гарри открыл бардачок и нашел карту среди закусок, затем он потратил тридцать секунд, чтобы найти свое убежище и обвести его ручкой, прежде чем передать ее Тому. Это была одна из тех туристических карт, в которой были перечислены все магазины, заправки и мотели. Здесь их было не так много.

Том решил оставить свою сумку в машине, думая, что он еще вернется. Они пожали с Гербом руки. — Будьте осторожны. Я буду прямо за вами, ребята. Если шериф меня не подвезет, то я украду его патрульную машину.

— Удачи, — сказал Герб.

— Кому нужна удача, когда у меня врожденное очарование? — спросил Том.

— У Неда Битти тоже было природное очарование, — сказал Гарри. — В *Избавлении* ничего хорошо с ним не вышло.

Том открыл заднюю дверь, а затем улыбнулся. — Эти копы как мы. Что плохого может случиться?

Кендал замотала головой, пытаясь стрясти пауков со своей головы. Первый час был самым худшим во всей ее жизни, а еще она начала бредить.

Но когда у нее закончился адреналин, ее паника ушла. А укусы, хоть и болезненные, были не хуже пчелиных.

— Кендал? — сказала она. — Ты как?

Кендал не ответила. Очевидно, она была в шоке.

Джоан ждала Эринии, чтобы уйти. За последние несколько часов, пытаясь выдуть пауков из своих ноздрей, она продумывала план побега. Это было рискованно, но лучше попытаться, чем ждать смертельной пытки.

Как ни странно, но в плане участвовали пауки, которые так сильно ее пугали.

Или точнее их аквариум.

Джоан наклонилась, вытянув подбородок и просунув лицо в резервуар, притягивая его ближе. Пауки не любили, когда их среда обитания передвигалась, и несколько дюжин из них быстро забегали по боковому стеклу, облепив ее.

Джоан удалось перевернуть резервуар на сторону. Она держала свою голову внутри, пока ее нос не был весь в пауках, а ее затылок не коснулся противоположного конца. Затем, в одно мгновение, Джоан повернула свою шею и приняла сидячую позицию, подкинув весь аквариум в воздух.

Но вместо того, чтобы приземлиться возле нее, резервуар полетел в направлении Кендал.

Как и ожидалось, аквариум сломался. На достаточно большие осколки, которыми можно разрезать скотч.

Но все осколки слишком далеки от Джоан, чтобы дотянуться.

Она плюхнулась на бок, натянув скотч, пока ее лодыжки не зацепились за половину железного U-образного болта.

Самый ближайший кусок все еще был в половине метра от нее. И она никак не могла схватить его.

Но Кендал могла.

— Кендал, послушай меня. Рядом с тобой осколок. Ты можешь взять его, чтобы отрезать скотч и освободиться.

Кендал продолжала безучастно смотреть в пустоту.

— Черт возьми, Кендал! Послушай меня! Мы можем выбраться отсюда!

Кендал не ответила.

— КЕНДАЛ! — громко закричала Джоан, как никогда раньше в своей жизни. Она плакала за себя, за свою жизнь и жизнь, которую она еще не прожила. Она плакала за мир, за всех людей, которые страдали и умирали, только потому, что Эринии продолжал быть на свободе. Но больше всего она плакала за Тома, которому она сделала очень больно, и которого ей нужно было снова увидеть, потому что ее ответ был да, да, ЧЕРТ ВОЗЬМИ ДА она была чертовски уверена, что выйдет за него замуж.

Кендал даже не моргала. Она была где-то очень далеко.

Том выходит из Виннебаго.

Теперь он сам по себе.

Затем дом на колесах уезжает.

Эринии улыбается, его руки сжимают 9мм.

Это невероятно прекрасно.

Он уже может представить выражение лицо Джоан, когда будет держать оторванную голову Тома.

Том открыл дверь в полицейский участок – пахло кровью – он тут же упал на колени и выронил свой Глок так, что пули полетели в воздух, туда, где он стоял всего минуту назад.

Он позволил гравитации уложить его на бок, а сам поднял оружие, уткнувшись плечом о пол. Он прицепился на увиденную вспышку выстрела и шесть раз спустил крючок.

Одна пуля пробила настольную лампу, и офис погрузился во тьму.

Том быстро поднялся на ноги и понес свою задницу подальше из офиса, обратно на главную улицу. Выстрел оглушил его, но он все еще чувствовал пульс в своих ушах, который звучал как барабанное соло Томми Ли.

Присев, он прижался спиной о дверной косяк и стал ждать, пока стрелок не выйдет.

Острая боль.

Эринии не знает, насколько серьезна рана, но он чувствует стекающую по руке кровь.

Он подстрелил меня. Этот ублюдок подстрелил меня.

Все так быстро произошло, а затем Эринии оказался на полу во тьме, истекая кровью и без понятия, что делать дальше.

Надо сматываться отсюда.

Он перебрасывает лямку сумки через шею и ползет на трех конечностях в темноте по коридору, насколько он может помнить, направляясь к черному входу. Он выводит в переулок, где Эринии ждет, пытаясь услышать что-то, помимо звона в голове и надеясь, что Том шел за ним.

Прошла минута.

Том стоял на месте, решив дождаться этого сукиного сына.

Том не показывается.

Эринии осмеливается исследовать рану на плече. На его трицепсе остался след от пули, такой глубокий, что он мог его почувствовать.

Он злится из-за возрастающей боли.

Роясь в своей сумке, он находит аптечку и открывает зубами пакетик селокса. Он высыпает порошок на рану, останавливая кровотечение.

Речь уже не о том, как просто убить Тома.

Эринии хочет сделать ему больно.

Он хочет наказать его.

Он хочет причинить ему такую боль, какую еще никто никогда не испытывал.

Он хочет, чтобы Том смотрел, как он разделяет Джоан тесаком, и чтобы он не смог отвести взгляд, поскольку его веки будут отрезаны.

Он хочет выдрать зубы Тома, сломать ему пальцы на руках и ногах, сломать руки и ноги, обжечь каждый кусочек его тела паяльником.

Но как ему поймать его?

Том – коп. Он больше натренирован, чем Эринии. И он уже показал, что является лучшим в стрельбе.

Эринии смотрит на свою сумку, в поисках вдохновения, и замечает телефон Джоан. Он взял его в руки.

Нет 4G сервиса.

Но у ее телефона есть собственный вай-фай хот-спот.

Прошла еще одна минута.

Стреляющий не появился.

Том решил не испытывать судьбу и побежал, не быстро, на главную улицу. Если банда уже забрала местных копов, то скоро они придут и за Джек.

Если они уже этого не сделали.

Тому нужно было найти автомобиль, чтобы добраться до Гарри и Герба и предупредить их, прежде чем...

В его кармане завибрировал телефон. Вернулась телефонная связь?

Том остановился и присел, щурясь в экран.

Нет, это не телефонная связь, это его вай-фай активировался, а потом Том уже читал сообщение. От Джоан.

я у снайпера

Сначала, мозг Тома отказывался понимать, что он только что прочитал.

в спунварде в темном фургоне на главной улице

Они была здесь? Снайпер схватил ее? И они были в Спунварде?

Том проверил сигнал вай-фая и увидел, что телефон автоматически подключился к хот-споту Джоан.

Это означало, по мнению всезнайки сержанта Герба Бенедикта, что она была в радиусе тридцати метров.

что ты видишь Напечатал Том, настолько быстро, насколько позволяли его пальцы.

Он затаил дыхание, в ожидании ответа.

рыболовный магазин

Рыболовный магазин? Том не помнил, чтобы видел рыболовный магазин.

Где черт возьми этот рыболовный магазин? Почему я не обратил внимания на...

Секундочку. Карта Гарри.

Том вытащил ее из кармана, используя для освещения свой телефон.

Спунвардский рыболовный магазин был в квартале от полицейского участка, в другом направлении.

Том не раздумывал. Он побежал.

Когда он увидел фургон, припаркованный на улице вдалеке, то побежал еще быстрее.

Кендал моргнула.

Не всегда легко возвращаться из безопасного места. Но она вернулась, постепенно.

Сначала к ней пришел слух. Кто-то кричал на нее.

Затем зрение. Кричала женщина. Женщина, привязанная скотчем.

Затем осознание.

Я в фургоне.

У психа.

Женщину звали Джоан, и она что-то кричала.

— Осколок! Возьми осколок!

Осколок? Что это вообще значит?

Затем задняя дверь фургона открылась и Кендал повернулась взглянуть на незнакомца, стоящего там.

— Том! — закричала Джоан.

Затем случилось два выстрела и мужчина упал на спину.

Том не увидел Эринии, скрывавшегося под фургоном. Он даже не остановился, чтобы взглянуть.

Любовь слепа.

Эринии ждал, когда он подбежит, откроет дверь и увидит женщину, которую любит.

А затем он прострелил каждую ногу Тома.

Том упал, точно марионетка с отрезанными ниточками, его ноги его больше не держали. Ему удалось удержать пистолет, но никого не было, в кого надо было бы стрелять. На секунду, он задержал взгляд на Джоан, сидящей на полу в задней части фургона, ее руки за спиной, а ноги замотаны скотчем.

— Он одет во все черное!

Том быстро огляделся во всех направлениях. Налево, направо, за спину, под фургон.

Он никого нигде не увидел.

К нему пришла боль. Как будто его кувалдой ударили по голням.

Том изменился в лице, закричав.

Затем к его затылку прижался пистолет.

— Если хоть задышишь, я убью тебя. Положи пушку на землю.

Том снова взглянул на Джоан. Он пытался сказать ей взглядом, что он не собирался вот так сдаваться. Что он предпримет какой-нибудь ход, даже если он будет последним.

Джоан сказала. — Я люблю тебя.

А затем Тома так сильно ударили рукояткой пистолета, что весь мир пошел боком, а затем погас.

Когда Том упал на землю, Эринии отводит свой пистолет, а затем спешит за своей сумкой, которая осталась рядом с рыболовным магазином. Он кладет свой Таурус внутрь, смачивает маску эфиром и прижимает ее к лицу Тома, до тех пор, пока не убеждается, что коп в отключке.

Затем он переключает свое внимание на фургон.

Аквариум разбит.

Вместо того, чтобы избить этих сучек до смерти, он каждой прикладывает эфир. Джоан пытается задержать дыхание, из-за чего он бьет ее в живот, чтобы она вдохнула.

Затем ему нужно взять себя в руки. Передохнуть.

Его рука перестала кровоточить. Он смотрит на свою рану, включил лампу приборной панели.

Отвратительно. Возможно, ему нужно зашить ее. Против инфекции он принимает местный анестетик и немного Тайленола 3.

Приняв лекарство, Эринии обдумывает следующий шаг. Он устал. Очень устал. Так просто делать ошибки, когда ты измотан. Самое разумное - это связать Тома, уехать в какое-нибудь безопасное место и поспать. Страдание может начаться утром, после того, как Эринии отдохнет.

Он снова посыпал порошок для свертываемости крови на ноги Тома. Раны не так уж и плохи, но будет печально, если Том истечет кровью после всех приложенных усилий.

Не так-то просто затащить Тома в фургон. Он здоровый парень, проблематично его волочить, а поднять так вообще невозможно.

Затем начинает действовать кодеин, давая силу обоим рукам Эринии. С помощью ложки он растирает четыре таблетки метилфенидата и снюхивает их, а затем выпивает целый литр воды. Во время ожидания, пока таблетки окажут свое чудотворное вещество, он стирает вантаблэк, а затем чистит фургон, выметая осколки от аквариума своей старой футболкой прямо на улицу. Большинство из пауков-бродяг исчезли, убежали в ночь. Но он был рад увидеть, что несколько из них задержались.

Амфетамины ускоряют его метаболизм, и Эринии становится легче затащить Тома внутрь автомобиля. Он заматывает скотчем руки за его спиной, а его ноги к полу фургона так, что он лежит плашмя.

Они все останутся на месте до завтра.

Но Эринии не хочет дожидаться завтра. Он на адреналине, не чувствует боли и готов дать Епитимью.

Поэтому он натягивает несколько латексных перчаток, дает каждому вдохнуть нюхательной соли, а затем начинается шоу.

— Ты очнулся, Том? — он дает сильную пощечину мужчине, после которой Том начинает быстро моргать.

— Джоан? А ты? Ты же не хочешь это пропустить.

Джоан простреливает его своим взглядом.

— А как на счет тебя, Кендал? Готова искупить свои грехи?

У Кендал снова этот безжизненный взгляд. Но он знает много способов, как привлечь внимание человека.

— Перво-наперво. Том, ранее ты мне давал обещание. Помнишь? Ты сказал мне, что кастрируешь себя. А затем ты не сдержал свое слово, Том. Поэтому я помогу тебе его сдержать.

Эринии расстегивает ширинку Тома.

Затем он замирает.

Это неправильно. Это совсем неправильно.

Я не должен этого делать.

Это не моя работа.

Эринии отходит от Тома, а затем подходит к аптечке и находит бутылек спиронолактона.

Эта работа принадлежит моей лучшей половине.

Он колет себе дозу в бедро.

— Это не так же, как Джекил и Хайд, — говорит он своей группе пленников, когда он стягивает с себя верх комбинезона. — Я не трансформируюсь. У женщин есть тестостерон. У мужчин эстроген. Эри пропорции обеспечивают нам, как правило, мужественные или женские черты.

Он опускает взгляд на свою грудь, затем щипает свои соски. — Я однажды получил с гормонами второй размер. Но потерял свою бороду. Поэтому сейчас я постоянно меняюсь, по настроению.

Эринии идет к своей спортивной сумке и достает свои подкладки. Они уже вставлены в лифчик, и они вместе выглядят и чувствуются очень даже настоящими.

— Я не был рожден с гендерной идентичностью. Я не выбирал быть трансом. Мой отец сделал этот выбор за меня, когда мне было пять.

Она снимает с себя обувь, а затем стягивает остальную часть комбинезона и боксерские трусы, выявляя...

— Ничего, — говорит Эринии, трогая рубцовую ткань между ног. — Лишь дырка, чтобы справлять нужду.

Грешники молчали. Все, что можно было услышать, это снующих пауков, но Эринии знает, что, возможно, это всего лишь ей видится из-за стимуляторов, которые она нюхала. Спасибо тебе, риталин. Амфетамин также сделал ее болтливой, но с этим все нормально.

Ее даже не волнует, что разговор односторонний. Эринии чувствует себя так, словно может трепать языком всю ночь.

— Прости, — наконец-то говорит Том.

— Не за что извиняться. Очень скоро ты увидишь, каково это быть мной. Ну, не совсем. Я никогда не проходила через половое созревание, как ты. Или как те дамочки. Я достиг половой зрелости благодаря наркотикам, заказанным через интернет. Когда моя мать ушла... постойте-ка... я забегаю вперед.

Эринии роется в сумке, находит несколько розовых трусиков и свой тесак. Она кладет нож рядом и натягивает на себя нижнее белье.

— В общем, когда я была маленькой, — продолжает она. — Я думала, что моя мать ушла. Мой отец рассказывал мне истории о том, каким плохим человеком она была. Он рассказывал мне, что она забрала — оглядываясь в прошлое, это довольно таки забавно, но была маленькой, поэтому не понимала — что она забрала мой пенис с собой. Папа растил меня как девочку. Он называл меня его маленькой Кендол (Кукла — прим. переводчика).

Эринии бросает взгляд на Кендал. — Понимаешь? У парня барби нет причиндалов. Там

гладко. Поэтому я стала Кендал, папиной маленькой девочкой. Он оказал мне услугу, правда. Мужчины начинают войны. Мужчины насилуют. Мужчины уничтожают все, к чему прикасаются. Спасибо тебе, тестостерон, — Кендал отдала честь. — Папа избавил меня от всего этого. Он мой герой.

Кендал встает на колени рядом с Томом, затем вытаскивает его мужское достоинство.

— Или он был им. Пока я не узнала, что моя мама никогда не уходила. Он держал ее на цепях в подвале. По ночам я слышала ее крики. Он говорил мне, что там Эринии, наказывающая грешников.

Эринии смеется.

— Конечно же, он врал. Это не была Эринии. Это была моя мать. Я поймала его поздней ночью, закапывающего ее во дворе, после того, как она умерла. Я едва узнала ее. Папа держал ее там несколько лет. Отрезал все ее пальцы на руках и ногах. Ее язык. Ее нос. Много порол ее.

Эринии вытягивает свою руку, смотря на нее.

— А вы знаете, что он даже носил с собой один ее палец? Но затем этот глупый сукин сын уронил его. Тем не менее, когда я увидела его с лопатой и моей мертвой матерью, он стал утверждать, что Эринии не была монстром. Эринии была богиней мести, которая наказывает грешников. Вообще-то это хорошо. Грешникам дают Епитимью через страдания, так очищаются их души. Но он был говнюком. Он не был Эриниями.

Эринии смеется. — Я Эринии.

Затем она крепко схватывает Тома и заносит тесак под его яйца.

Кендал особо не обращала внимания на напыщенную речь психопата.

Она была занята отпиливанием скотча куском стекла, который она успела схватить, прежде чем Эринии вымела все из фургона.

А затем, внезапно, она сделала это. Ее руки были свободны.

Теперь ей надо была схватить пистолет. Эринии положила его в сумку, которая всего в нескольких шагах от нее.

Кендал боялась. Но ее страх не был так силен, как ее решимость.

С нее хватит.

Она устала быть жертвой.

Она устала быть беспомощной.

Она устала быть просто вещью, вместо того, чтобы быть человеком.

Когда Эринии занялась Томом, Кендал начала действовать.

Одним плавным движением она наклонилась вперед, залезла в сумку и вытащила пистолет.

У Эринии расширились глаза.

Кендал навела оружие на нее и сжала спусковой крючок.

Ничего не произошло.

Эринии начала смеяться.

— Ты глупая маленькая девочка. Никогда раньше не держала пистолет, да?

Ее отец многому учил Кендал. И некоторые из его учений были ужасны. Он учил тому, что маленькие девочки не должны знать.

Но не все, чему он ее учил, было ужасным.

И это больше всего не укладывалось в голове Кендал; то, что ее отец не был конченым монстром. Он насиловал Кендал. Но также он делал все те вещи, что делали все отцы. Он научил ее, как завязывать шнурки. Читать. Ездить на велосипеде.

Как стрелять из полуавтоматического пистолета.

Эринии кинулась.

Кендал сняла с предохранителя и дважды выстрелила этой чокнутой сволочи в лицо.

Эринии упала.

Кусочки черепа, которые отбросило в воздух, упали секундой позже.

Кендал не нравилось число два. Она предпочитает все делать по три.

Но каким-то образом, по непонятной причине, она могла дать отпор самой себе и не стрелять снова в Эринии.

В этом не было нужды.

Ни один человек, будь то мужчина или женщина или кто-то еще по гендерной идентичности, не мог быть мертвее, чем это.

61 глава

Как только Кендал освободила ее, Джоан бросилась к Тому, взяла его лицо в свои руки и поцеловала его.

— Я согласна, — сказала она, едва отстранившись от его рта. — Согласна, согласна, согласна...

Наркотики перестали действовать.

Боль вернулась.

Но Уолтеру Сиссику не привыкать к боли. Он страдал больше, чем кто-либо другой.

И это очистило его душу.

Он оглядывает свою палату, а затем смотрит в открытый дверной проход, ведущий в коридор.

Там нет копов с тех пор, как один спросил его о Деннисе.

Это забавно. Очень забавно.

Эти тупые свиньи ничего не подозревают. Вообще ничего.

Его сын/дочь рассказал ему о людях, которым он дал Епитимью. Мужчина и женщина. Она/он поведал ему все детали. Включая шлюх из женской общаги, которую Уолтер видел по CNN, и о педофилах, которых он кастрировал, Деннис наказал всего лишь сорок грешников.

Такая маленькая цифра. Правда, мальчик/девочка был еще юн. Но ей/ему не хватало дисциплины. Всегда не хватало. Даже когда она/он достаточно вырос, чтобы накачать Уолтера, пока он спал, и приковать цепями в подвале, она/он все еще проявлял слабость.

Сорок – это маленькое число.

Уолтер Сиссик дал Епитимью около девяносто грешникам.

И ни один коп ничего не пронюхал. Никаких подозрений не было выдвинуто в его сторону. Даже когда он уронил тот палец на улице и сообщил о пропаже жены. Полиция сочувствовала, но не совала нос.

Сиссик сидит. Голова идет кругом. От боли. От медикаментов. От возможности.

Он снова будет здоровым. Скоро.

Здоровым и готовым к наказанию грешников.

Ибо он Эринии. И он должен всех их наказать.

Больше книг на сайте - Knigoed.net